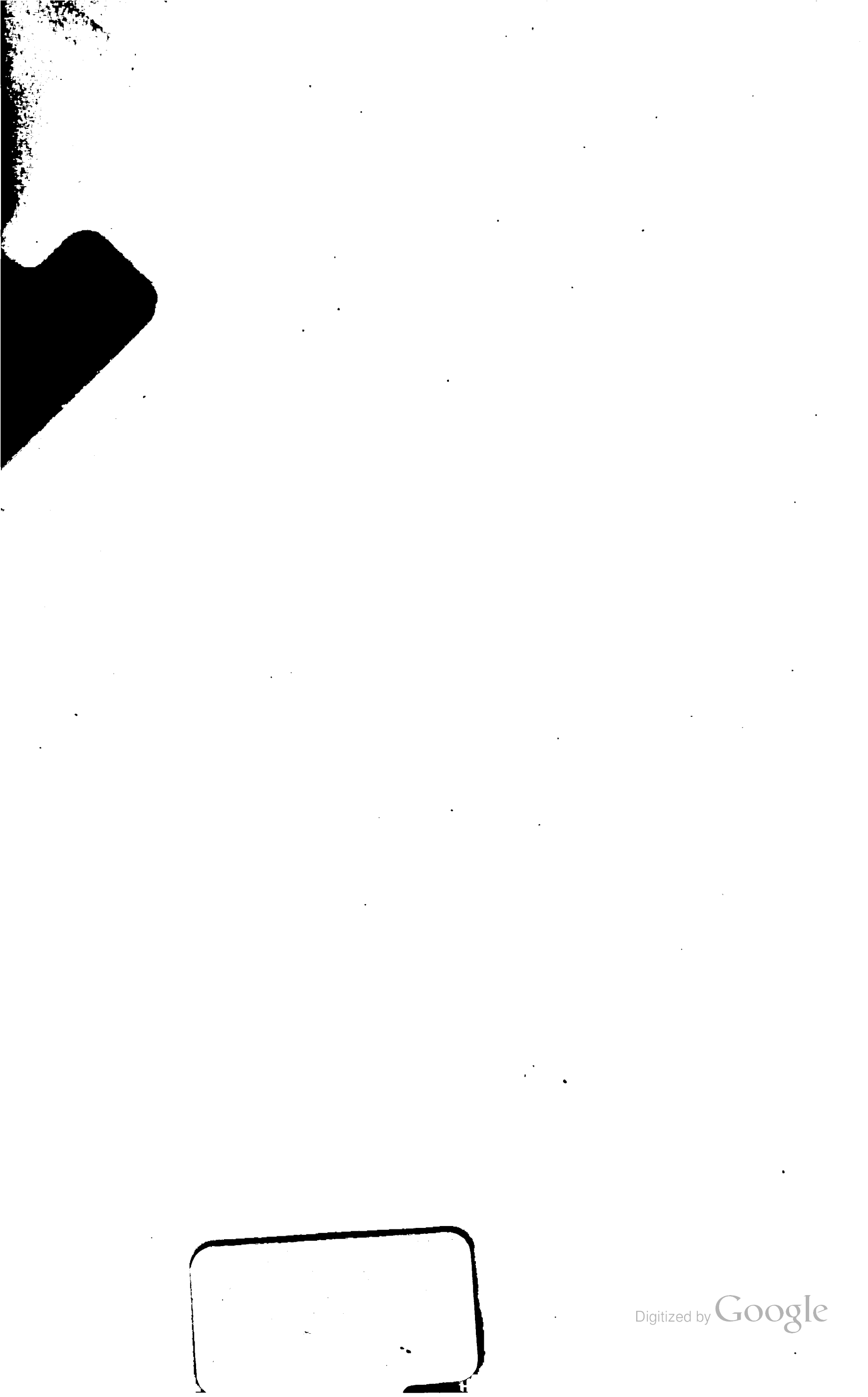

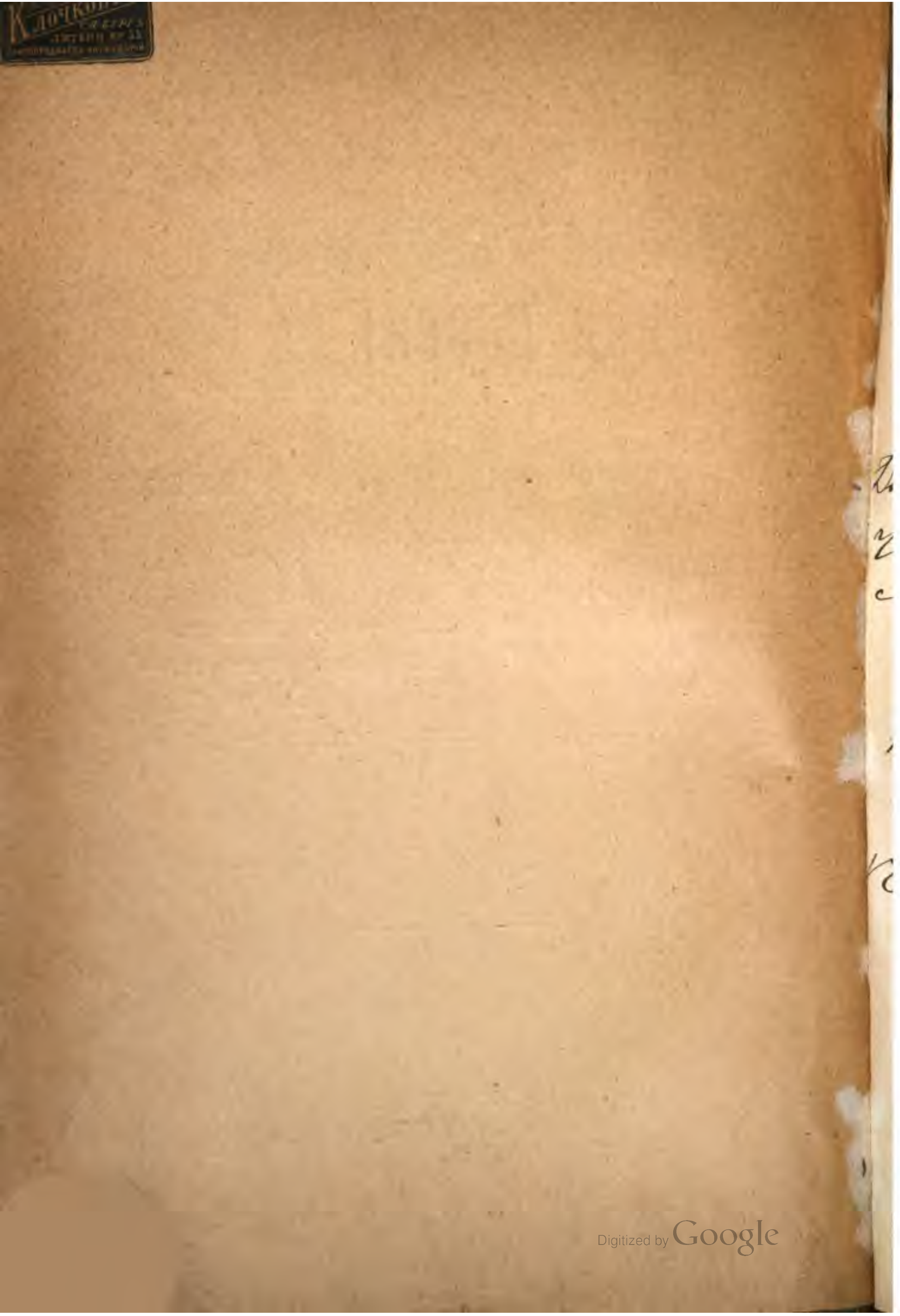
ВТОРОЙ СБОРНИКЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ

В. Л. ВЕЛИЧКО

Лирическія стихотворенія. — Монсиньоръ. — Женскіе силуэты. — Балтійскіе очерки. — Шутки. — Грузинская Лира. — Омаръ Хайямъ. — Восточныя басни и легенды. — Драма «Тамара».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1894

Клочков

Дань глубокаго, искреннѣйшаго
уваженія и пріязни
Михаилу Андреевичу
Загуляеву
на добрую память

Отъ В. Вешнякова

18 Дек. 93
СПб.

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ

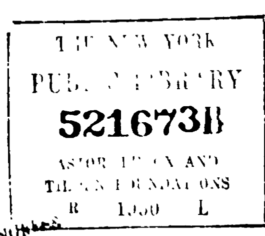
СТИХОТВОРЕНІЙ

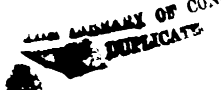
В. Л. ВЕЛИЧКО

Лирическія стихотворенія. — Монсиньоръ. — Женскіе силуэты. — Балтійскіе очерки. — Шутки. — Грузинская Лира. — Омаръ Хайямъ. — Восточныя басни и легенды. — Драма «Тамара».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1894

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

„ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ“

(СТИХОТВОРЕНІЯ)

Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Вл. С. СОЛОВЬЕВУ

ОТДѢЛЪ I

ДУМЫ, ПѢСНИ, ОЧЕРКИ, ШУТКИ

ПѢСНЬ.

Звуки рѣютъ надо мною,
Звуки смутною волною
Вдохновенья вихрь нанесъ,
Пробуждая жажду свѣта,
Скорбь вопросовъ безъ отвѣта,
Боль невыплаканныхъ слезъ...

* * *

И глядятъ воспоминанья
Въ тьму сомнѣнья, въ тьму страданья
Зыбкой цѣпью огоньковъ...
Сердце ждетъ, горитъ, трепещетъ...
Мигъ—и пѣснь моя заплещетъ
Изъ незримыхъ тайниковъ...

* * *

Лейся-жь, пѣснь, волной свободной,
Но печалью безъисходной
Предъ толпою не звучи:
Ей смѣшна тоска безсилья!
У орла возьми ты крылья,
У небесъ возьми лучи!

* * *

И, въ сознаньи силы гордомъ,
Торжествующимъ аккордомъ
Пробудивъ сердца людей,
Всѣхъ мани своимъ полетомъ
Къ пламенѣющимъ высотамъ,
Къ дали новыхъ, свѣтлыхъ дней!

* * *

Если-жъ ты не въ силахъ вѣрить
Въ эту даль,—чѣмъ лицемѣрить
Или плакать предъ людьми, —
Ихъ невольничьимъ потѣхамъ
Ты въ укоръ свободнымъ смѣхомъ,
Злой насмѣшкою греми!...

РАЗДУМЬЕ.

Томится духъ сомнѣньемъ и тревогой,
Сады надеждъ опалены тоской...
Иду пустынною и пыльною дорогой
И совѣсти шепчу неумолимо-строгой:
— «Оставь меня! я жду, когда придетъ покой!

«Когда-жь конецъ волненьямъ и невзгодамъ?!
«Убогій прахъ покинуть навсегда
«Хочу скорѣй! скорѣй за синимъ небосводомъ
«Примкнуть къ мерцающимъ созвѣздій хороводамъ
«И созерцаньемъ жить, какъ ясная звѣзда!..»

Но совѣсть мнѣ изъ тайниковъ сердечныхъ,
Какъ властелинъ, отвѣтствуетъ: — «Молчи!
«Живи и будь рабомъ сомнѣній безконечныхъ,
«Отпоръ давай страстямъ, разгадку тайнъ предвѣчныхъ
«И Бога на землѣ — въ самомъ себѣ ищи!

«И Онъ лучомъ небеснаго сіянья
«Твоей души туманы озаритъ,
«Когда благословить сумѣешь ты страданья
«И, заглушивъ прибой грѣховнаго желанья,
«Безгрѣшная любовь въ тебѣ заговоритъ!

«Тогда найдешь отраду въ вѣчномъ спорѣ
«Добра и зла, спокойствіе въ борьбѣ,
«И свѣтъ во мглѣ ночной, и счастье ...даже въ горѣ —
«И будутъ восходить немеркнущія зори,
«Смѣняясь чередой волшебною въ тебѣ!..»

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Сладко спи, разсвѣтъ багряный!
Спи, закутанный въ туманы,
Пробуждаться погоди!
Ночи трепетныя тѣни,
Сонмъ чарующихъ видѣній
Разгонять не приходи!...

Чтó ты дашь и чтò отнимешь,
Чуть съ улыбкой приподымешь
Тьмы густую пелену?
— Призовешь ты къ безобразной
Битвѣ, къ сýтолокѣ праздной
Жизни мутную волну!

Безпощадно-живо, ясно
Будетъ все, о чемъ напрасно
Позабыть стремился я,
Что въ полночный часъ покоя
Заслонять могла собою
Греза райская моя!...

О, помедли, дерзновенный!
Въ грезѣ блещетъ лучъ нетлѣнный
Вѣчной правды, красоты, —
Въ дымкѣ радужныхъ мечтаній,
Ярче, радостнѣй, багрянѣй,
Животворнѣе, чѣмъ ты!...

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Я бѣжалъ отъ свѣта пошлаго,
Отъ борьбы, отъ суеты,
Въ свой пріютъ, куда мечты
Манятъ призраками прошлаго! —

Отдохнуть отъ шумныхъ грозъ
Здѣсь, въ тиши уединенія,
И восторги пѣснопѣнія
Вновь познать и сладость слезъ!...

Степь синѣетъ безпредѣльная...
Тихо зыблется рѣка...
Ласковъ шепотъ вѣтерка,
Словно пѣсня колыбельная...

Звонко плещутъ ручейки...
Садъ облитъ лучами вешними;
Надъ цвѣтущими черешнями
Вьются бабочки, жуки...

Вдохновеніемъ объятые,
Всюду: въ неба синевѣ,
На деревьяхъ и въ травѣ—
Заливаются пернатые...

Звонъ пастушеской трубы
Раздается за дубравою,
Гдѣ ужь зеленью кудрявою
Одѣваются дубы.

Рай! ни скорби, ни волненія!...
Рай!... Но счастье не полно̀!
Нѣтъ, сродниться не дано
Съ тихой жизнію растенія!

Какъ боецъ, на бой спѣша,
Жаждетъ встрѣчъ съ лихой невзгодою,—
Исцѣленная природою,
Рвется пылкая душа

Въ городъ шумный, гдѣ туманами
Опечаленъ небосклонъ,
Но и взоръ и слухъ плѣненъ
Лучезарными обманами!

Гдѣ душа могла бы вновь
Въ то повѣрить, въ чемъ извѣрилась,
Гдѣ-бъ еще, еще помѣрялась
Съ равнодушіемъ любовь!...

СЕРЕНАДА.

Недвижны деревья,
Безмолвна рѣка,
Въ нѣмомъ обаяньи
Отъ ласкъ вѣтерка...

О страсти онъ шепчетъ
Въ прибрежныхъ кустахъ...
Слезинки восторга
Дрожатъ на цвѣтахъ...

И вѣютъ надъ міромъ
Волшебные сны...
Рѣка вся трепещетъ
Въ сіяньи луны.

Скользитъ и дробится
Свѣтъ зыбкій по ней
На тысячи блестокъ,
На сонмы огней...

Спѣши, дорогая,
Въ объятья мои!
Не бойся восторговъ,
Сіянья любви!

Въ огняхъ затрепещешь
Ты вся, какъ рѣка,
Обвѣяна лаской
Нѣжнѣй вѣтерка!...

ГОЛОДЪ.

О, какъ мучительно глядѣть на эти лица
Рабовъ земли, обманутыхъ землей!
Такъ сердце и замретъ, какъ хищною рукой
Внезапно схваченная птица!...

***

Землисто-сѣрый цвѣтъ понураго чела,
Уныніе тупое въ мутномъ взорѣ...
Земля дѣтей своихъ, за тяжкій трудъ, на горе,
На муки, на̀ смерть обрекла!

***

Все пусто: закрома, убогій хлѣвъ и клѣти!...
Скорѣй бы далъ Господь въ могилу лечь, —
Лишь не видать бы, какъ въ нетопленую печь
Глядятъ заплаканныя дѣти!

***

Голубкой трепетной надъ ними вьется мать...
Звенитъ въ ушахъ, въ виски бьетъ кровь, какъ молотъ,
И въ тьмѣ души ея сверкаетъ слово: «*голодъ!*»...
Какъ тяжко это понимать!

***

О, какъ мучительно глядѣть на эти лица,
Какъ совѣстно!... Какъ дымъ, летучій дымъ,—
Такъ суетна, жалка, предъ бѣдствіемъ такимъ,
Печалей мнимыхъ вереница!...

* * *

Глядишь — и кажется, что въ чемъ-то виноватъ.
Потупишь взоръ, и дыбомъ станетъ волосъ,
И въ глубинѣ души звучитъ немолчный голосъ:
«Гдѣ Авель?! Гдѣ твой братъ?!»

* * *

И опускаются, въ нѣмомъ безсильи, руки...
Я лишь пѣвецъ! Голодныхъ и больныхъ
Не оживитъ мой даръ, — поникшій долу стихъ,
Печалью скованные звуки!...

* * *

Нѣтъ, пѣснь моя, воспрянь! Воспрянь и всѣхъ зови,
Какъ благовѣстъ разсвѣтный на молитву,
Какъ спящихъ воиновъ труба зоветъ на битву,
Весь край на подвиги любви!...

* * *

На черствыя сердца слезой пролейся жгучей,
Святымъ огнемъ сердца воспламени
И равнодушія дремѳту разгони
Молніеносной, грозной тучей!

* * *

Пади златымъ дождемъ на грудь родной земли;
Въ унылой тьмѣ, какъ дальняя зарница,
Надеждой озари измученныя лица,
Надеждой скорби утоли!

* * *

17

Ты слово, ты не хлѣбъ, — но Царь земли и неба,
Спаситель нашъ былъ Словомъ нареченъ!
Съ мольбой предъ Нимъ склонись: тебя услышитъ Онъ,
И станешь ты — горами хлѣба...

ЭПИГРАММА.

NN смиреньемъ знаменитъ —
И я поверженъ въ изумленье:
Когда смиреніе... шумитъ, —
Такъ это... что̀ же за смиренье?!

ГИМНЪ БОГУ.

Карай меня, мой Богъ, испытывай меня,
Казни меня за то, что я свершу невольно, —
Но какъ бы ни было мнѣ тягостно и больно, —
Въ душѣ не меркнетъ лучъ небеснаго огня!

* * *

Покуда отъ цвѣтовъ струятся ароматы,
Покуда въ золотѣ горитъ лазурь небесъ,
И плещутъ волны рѣкъ, шумитъ листвою лѣсъ
И въ часъ грозы гудятъ могучіе раскаты;

* * *

Покуда соловьи рокочутъ въ часъ ночной,
Когда царитъ луна, повсюду страсть и нѣга,
Покуда озими, подъ пеленою снѣга,
Спятъ мирнымъ сномъ и ждутъ свиданія съ весной, —

* * *

Я вѣрую въ Тебя, я полнъ къ Тебѣ любовью!
Царитъ ли тишина, звучитъ ли вьюги вой, —
Я чувствую Твой духъ, я слышу голосъ Твой
— И сердце и уста стремятся къ славословью!

* * *

О, какъ мучительно глядѣть н
Какъ совѣстно!... Какъ д
Такъ суетна, жалка, предъ бѣ
Печалей мнимыхъ

* * *

Глядишь — и кажется, что въ
Потупишь взоръ, и дыб
И въ глубинѣ души звучитъ
«Гдѣ Авель?! Гдѣ

* *

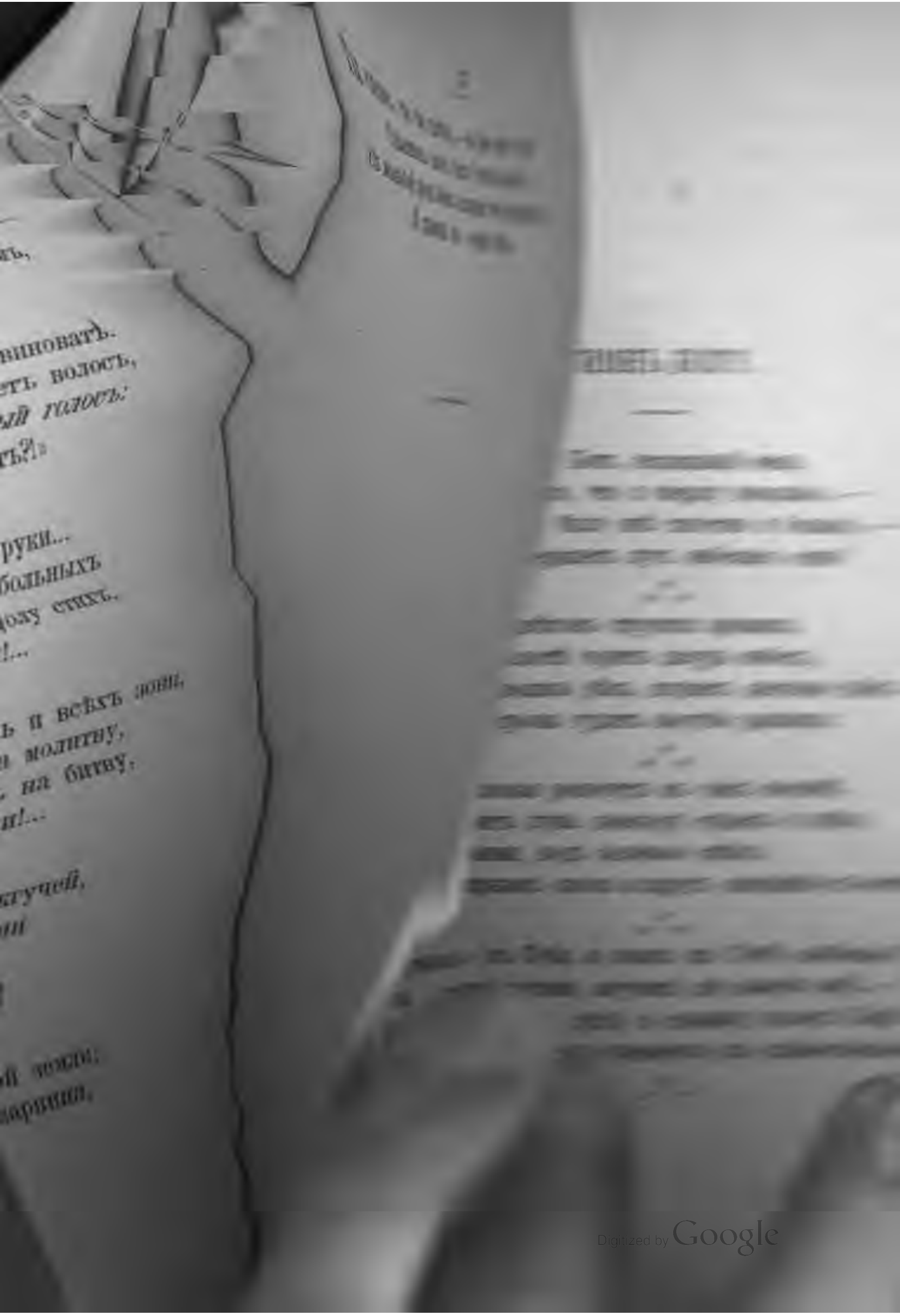
И опускаются, въ нѣмомъ
Я лишь пѣвецъ! Голо
Не оживитъ мой даръ, — п
Печалью скован

*

Нѣтъ, пѣснь моя, воспря
Какъ благовѣстъ р
Какъ спящихъ воиновъ
Весь край на

На черствыя сердца с
Святымъ огнемъ
И равнодушія дремот
Молніенос

Пади злитымъ дож
Въ унылой т
Надеждой озаря н
Надеж

виноватъ.
етъ волосъ,
ый голосъ:
тъ?!»

руки..
больныхъ
цоху стихъ.
!..

ь и всѣхъ вони,
молитву,
, на битву,
и!..

кучей,

й земли;
царицa,

За то, что я къ Тебѣ стремленіемъ горю,
За то, что воплощать могу я горе въ звукахъ,
За счастія мечту, за все! рожденный въ мукахъ, —
За муки самыя Тебя благодарю!

* * *

Не стану на удѣлъ печальный свой роптать я,
Пока могу простить хоть одному врагу,
Покуда сознавать и чувствовать могу,
Въ восторгѣ чувствовать, что въ мірѣ всѣ мы — братья!

* * *

Пока хоть одному, познавшему грозу,
Я сердцу скорбному могу дать мигъ забвенья,
Хоть одному рабу разбить неволи звенья,
Привѣтомъ осушить хотя-бъ одну слезу!...

МОНСИНЬОРЪ.

ЭТЮДЪ.

I.

Какъ стадо на убой, въ Консьержери пригнали
Со всѣхъ концовъ страны запуганныхъ людей.
Кого тамъ не было, въ зловонномъ, грязномъ залѣ?!
Вельможа суетный и вѣрный рабъ — лакей,
Бретонскій дворянинъ въ одеждѣ небогатой,
Любимецъ дамъ, острякъ, — виконтъ щеголеватый,
Два академика, — что̀ муміи въ очкахъ,
И дамы въ кружевахъ, и лентахъ, и шелкахъ;
Тѣснились кучками монахинь пелеринки:
И кармелитки тамъ, soeurs grises, и урсулинки, —
Цвѣта̀ всѣхъ орденовъ, враждебныхъ межъ собой.
Тамъ былъ толстякъ-купецъ, обиженный судьбой:
Онъ мясомъ торговалъ — и самъ пойдетъ на мясо!
За что-жъ? Помилуйте! Онъ патріотъ, онъ чистъ!...
Неясно! Приговоръ надъ нимъ былъ не рѣчистъ:
Тамъ просто сказано: «Казнить, онъ эгоистъ!..»
Въ тотъ день межъ всѣхъ одеждъ преобладала ряса:

Благоухающій и розовый аббатъ —
Кутилъ и свѣтскихъ дамъ сподвижникъ и пріятель —
И затхлый богословъ, тщеславный лавреатъ,
И храма сельскаго смиренный настоятель;
Монахи всякіе: друзья большихъ дорогъ,
И тѣ каноники, «у коихъ чрево — богъ»,
И тѣ подвижники, которымъ міръ — могила...
Что̀ раздѣляла жизнь, то смерть соединила, —
Швырнула все въ тюрьму, какъ въ каменный мѣшокъ!..

II.

Изъ всѣхъ спокойствіемъ и строгостію взора
Тамъ выдѣлялася фигура монсиньора.
Блестѣло золото наперснаго креста
На фіолетовой, величественной рясѣ,
Безмолвно сжалися поблекшія уста
И брови сдвинулись... Казалося, мечта, —
Не злоба, не печаль, не мысль о смертномъ часѣ, —
Нѣтъ! вдохновенная, высокая мечта
Отъ суеты мірской влекла его куда-то...

III.

Кругомъ былъ говоръ, шумъ... Лилася рѣчь аббата:
Онъ слушательницъ кругъ весельемъ заразилъ,
Объ итальяночкахъ, о вкусныхъ винахъ папы
Неся забавный вздоръ, кривлялся, егозилъ...
Бретонецъ недругамъ невидимымъ грозилъ,
Ворчалъ, сжавъ кулаки: «Ну, попадись мнѣ въ лапы!..»

О чемъ-то спорили монахи горячо,
И нѣжно къ щеголю склонившись на плечо,
Маркиза юная дрожала вся отъ смѣху
(Къ соблазну вящшему монахинь, чистыхъ дѣвъ),
При видѣ, какъ мясникъ, безмѣрно покраснѣвъ
И выпучивъ глаза, вздыхалъ подобно мѣху..
Въ преддверьи смерти жизнь попрежнему текла:
Привычка ли свое, иль молодость брала?
Забыта-ль эта знать, что ночь — дитя заката,
Что молнія — дитя громóваго раската,
Что смерть сейчасъ войдетъ — и шумные года
Низринетъ въ тишину и блескъ повергнетъ въ тлѣнье,
Прервѣтъ нещадною рукою представленье,
Кровавый занавѣсъ опуститъ навсегда?!..

IV.

И вотъ она вошла: ввалился якобинецъ!
Бряцая саблею, рвянувъ со стукомъ дверь,
Ввалился въ комнату не человѣкъ, а звѣрь.
— «Ну, славный палачамъ я повезу гостинецъ!» —
Онъ пьянымъ голосомъ охрипшимъ произнесъ! —
И грязное лицо осклабилось улыбкой:
— «Бретонскій нашъ рыбакъ обильный ловъ принесъ!
«Да что-то сѣть полна все больше черной рыбкой:
«Монахи, мелюзга!.. Э, нѣтъ! мелю я вздоръ:
«Есть жирное тюрбо, — есть важный монсиньоръ!..
«Дворянство тоже дань, я вижу, намъ заплатитъ!..
«Да вотъ бѣда: на всѣхъ у насъ телѣгъ не хватитъ!
«Ахъ, рожи глупыя! Вѣдь этакъ изъ-за васъ
«Придется мнѣ сюда таскаться десять разъ!..

«Такъ вотъ какъ мы рѣшимъ: сперва я духовенству
«Открою свѣтлый путь къ небесному блаженству;
«Потомъ, дворянчики, явлюсь за вами вновь,
«Чтобъ дать возможность вамъ пролить со славой кровь...
«Ну, рыба черная, готовься!.. А покуда
«Я сталъ внезапно добръ! Со мной свершилось чудо:
«На полчаса еще тебѣ продлю я вѣкъ!
«Обѣдать я хочу! Я тоже человѣкъ!..
«Эй, кто тамъ!.. Эй! Обѣдъ! Вина побольше!.. Слышалъ?!..»
И «добрый патріотъ», пошатываясь, вышелъ...

V.

И воцарилась тишь: сковала всѣ сердца,
Затмила очи мглой, какъ смерти покрывало;
Сомкнула всѣ уста... Какъ молнія упала
Та роковая вѣсть о близости конца...
Все замерло на мигъ, но зашумѣло снова,
Какъ волнъ воспрянувшихъ неистовый прибой.
Со всѣхъ сторонъ звучатъ стенанья, крики, вой!
Узнавъ о близости мгновенья роковаго,
Все обезумѣло, какъ стадо предъ грозой!..
И тѣ, что звали жизнь и бренной, и пустой,
Съ церковной каѳедры про лучшій міръ вѣщали, —
Теперь, забывъ тотъ міръ возвышенный, святой,
Лишь за себя, за прахъ, за эту жизнь дрожали
И били въ грудь себя съ отчаяньемъ, въ слезахъ...
Слились въ нестройный хоръ лучи надеждъ и страхъ,
И ярость, и любовь, молитвы и проклятья...

VI.

Но вдругъ сквозь эту тьму прорвался ясный лучъ:
То голосъ прозвучалъ, спокоенъ и могучъ,
То монсиньоръ вѣщалъ: «О чемъ скорбите, братья?
«Чего боитесь вы?!..Кого клянете вы?!..
«Клянете вы слѣпцовъ, повѣрившихъ, что можно
«Духъ правды оживить, проливъ потокомъ кровь,
«Забывшихъ, что любовь, небесная любовь
«Одна живительна, сильна и непреложна,
«Одна даруетъ свѣтъ и сердцу, и уму!..
«Да что̀ могъ знать народъ, во что же могъ онъ вѣрить?!
«Примѣры свѣтлые кто подавалъ ему?
«Владыки ли, его повергшіе во тьму?!..
«Онъ могъ лишь глубину нечестія измѣрить!..
«Его хозяева, въ теченьи сотенъ лѣтъ,
«Какъ звѣря, на цѣпи и впроголодь держали,
«Награбленнымъ добромъ кичились, унижали
«Того, работой чьей кормился цѣлый свѣтъ!..
«Но присмотритесь къ нимъ: они чѣмъ были сами? —
«Такими же звѣрьми, такими же слѣпцами!
«Изъ праха одного лишь создала судьба
«Властителя хитрѣй, счастливѣй, чѣмъ раба!..
«Порой, по жадности иль прихоти безумной,
«Хотѣлось имъ войны, хотѣлось славы шумной —
«И звѣрь бросалъ свой трудъ, и хату, и семью,
«И лилъ послушно кровь чужую и свою...
«Но часъ возмездія пришелъ, неотразимый, —
«И, цѣпи разорвавъ, разбивъ темницы дверь,
«Загрызъ хозяина разсвирѣпѣвшій звѣрь...
«Не только мститель онъ, — судья неумолимый!

«Расплаты требуетъ за цѣлые вѣка!..
«Такъ лавы пламенной кипучая рѣка
«Изъ нѣдръ таинственныхъ дремавшаго вулкана
«Внезапно хлынула на стогны Геркулана,
«Гдѣ лѣнь себѣ гнѣздо свила въ тѣни дубравъ...
«Не намъ винить его: по-своему онъ правъ!
«Не намъ судить его! — Что дѣлали мы сами,
«Когда гонители его травили псами?
«Кто руку братскую протягивалъ рабу,
«Кто съ утѣснителемъ дерзалъ вести борьбу?
«Увы! Немногіе!.. Мы — пастыри земные,
«Наслѣдники Петра, ученики Христа, —
«А кѣмъ не овладѣлъ порокъ и суета!
«Предъ идоломъ какимъ мы не склоняли выи!..
«Мы, освятивъ обманъ и силы торжество,
«Стращали дьяволомъ и Богомъ торговали!
«Да, какъ предатели, мы продали Его,
«Гасили мысли свѣтъ и правду убивали!
«Кто мыслилъ—тотъ былъ врагъ! Кто вѣрилъ—тотъ былъ врагъ,
«А для враговъ умѣлъ придумать Торквемада
«Здѣсь — пытки и костры, въ той жизни — муки ада!
«Да, храмъ былъ капищемъ, бичомъ былъ Божій стягъ!
«Кто въ капищѣ не жрецъ,—тотъ врагъ! И не за то ли
«Рѣшились мы возжечь костеръ Савонаролѣ?!
«Онъ сыномъ церкви былъ, но жилъ не такъ, какъ мы:
«Онъ вѣрой жгучею воспламенялъ умы
«И съ лицемѣрія срывалъ онъ маску въ гнѣвѣ!..

. . . .

«Будь славенъ, Богъ, на насъ воззрѣвшій съ вышины,
«Велѣвшій намъ нести весь гнетъ чужой вины!

«Возрадуйтесь и гимнъ воспойте Присnодѣвѣ,
«Къ Предвѣчному Отцу идущіе сыны!
«Кто свѣтитъ,—тотъ горитъ! Кто любитъ,—тотъ страдаетъ!
«Господь отъ насъ любви,—не жертвы ожидаетъ!
«Воспрянь, Христовъ слуга! За терніи вѣнца,
«За грѣхъ искупленный благодари Творца!..
«И не о томъ ликуй, что собственную душу
«Цѣной страданія введешь ты въ свѣтлый рай!
«Не изъ-за мертвыхъ словъ: «Я клятвы не нарушу!»—
«Нѣтъ! въ радостно-живомъ сознаньи умирай,
«Что съ Церкви-матери здѣсь кровью будетъ смыто,
«Твоею кровію, кровавое пятно!
«Зерно въ землѣ умретъ, но проростетъ зерно!
«Подымутся въ поляхъ стебли златаго жита
«Подъ золотымъ лучомъ безоблачныхъ небесъ,
«Сіяющихъ въ вѣнцѣ нетлѣнной, вѣчной славы!..
«Благослови насъ Богъ, Богъ, смертью смерть поправый!..
«Привѣтъ вамъ, братія! Привѣтъ! Христосъ воскресъ!..»

VII.

Такъ молвилъ монсиньоръ и, простирая руки,
Онъ воинство Христа благословлялъ на муки...
И словно горній духъ слетѣлъ къ сынамъ земли,
Далъ тишину сердцамъ, улыбку счастья лицамъ...
И слезы сладкія изъ всѣхъ очей текли...
А черезъ мигъ-другой мучители вошли
И размѣстили жертвъ по мрачнымъ колесницамъ.
По люднымъ улицамъ печальный караванъ
Тащился медленно къ своей кровавой цѣли...

Навстрѣчу плѣнникамъ проклятія летѣли,
Плевки, каменья, грязь... Уже ночной туманъ
Густѣлъ надъ шумною, безсонною столицей;
Мѣстами все темно, мѣстами вереницей
Чуть видно искрились, мерцали огоньки...
Отъ дымныхъ факеловъ свѣтъ падалъ струйкой зыбкой
На лица стражниковъ съ жестокою улыбкой;
На нихъ фригійскіе краснѣли колпаки,
Сверкали въ ихъ рукахъ зловѣщіе клинки...
Чудовищемъ въ бреду казалася столица...
И въ пасть чудовища, все глубже въ бездну тьмы
За колесницею тянулась колесница...
Небесной радостью сіяли плѣнныхъ лица:
Не стонъ отчаянья, — хвалебные псалмы
Неслись изъ груди ихъ къ Господнему престолу...
. . . .
А пьяная толпа ревѣла карманьолу!..

Ноябрь 1891 г.
С.-Петербургъ.

---

* * *

Отойдите, думы неотвязныя,
Какъ стенанья однозвучныя!
Скройтесь, призраки докучные,
Порожденья мрака безобразныя!..

Божій свѣтъ вы мнѣ туманите,
Налегли на грудь, — что̀ цѣпь тяжелая!
Передъ вами пѣснь молчитъ веселая,
Вянетъ все, на что ни глянете!..

Не надѣйся, нечисть окаянная:
Предъ твоею тучей черною
Не склонюсь главой покорною!
Не угаснетъ вѣра, небомъ данная!

За желѣзными засовами
Не погубишь истину нетлѣнную!
День придетъ и озаритъ вселенную
Солнце, про̀клятое совами!..

Вѣдь недаромъ звѣзды золотистыя
Предвѣщаютъ зѳрю ясную,
Вѣдь недаромъ тьму ненастную
Прорѣзаютъ молніи огнистыя! —

И, шумя, на берегъ каменный
Океанъ воспрянувшій кидается,
И внезапно въ сердцѣ пробуждается
Властный голосъ пѣсни пламенной!...

ВЕЧЕРЪ.

Посв. Л. Ф. Лагоріо.

Еще горитъ закатъ багряный
Надъ безпредѣльной гладью водъ;
Съ востока-жъ тихо ночь плыветъ,
Ведя душистые туманы
И звѣздный хороводъ.

Грядою дымчато-лиловой
Въ прозрачно-розовой дали
Недвижно тучки залегли...
Безмолвенъ міръ — и сны готовы
Слетѣть на грудь земли...

Блестя опаловымъ отливомъ,
На берегъ стелется волна,
Мечтаньемъ сладостнымъ полна,
Иль вожделѣніемъ лѣнивымъ,
Подъ обаяньемъ сна...

На берегу чуть шепчутъ ели,
Трепещутъ листья ивняка,
Да съ моря пѣсня рыбака,
Да съ луга нѣжный стонъ свирѣли
Звучатъ издалека!..

Сквозь дымку смутныхъ сожалѣній
Объ отходящемъ тихо днѣ,
Горитъ восторгъ святой во мнѣ,
Вздымая волны пѣснопѣній
Въ душевной глубинѣ...

Хвала, хвала тебѣ, природа,
За несравненные дары:
И зорь багряные костры,
И безпредѣльность небосвода,
И пажитей ковры!

За ласки вѣтра, лепетъ моря!
За то, что всѣмъ равно, какъ мать,
Даешь ты эту благодать, —
Что не цѣной чужаго горя
Я счастье могъ познать!..

ИЗЪ ПРИЗНАНІИ.

О, самый нѣжный другъ тѣхъ радостей мнѣ не далъ,
Которыя не разъ я съ трепетомъ извѣдалъ
Благодаря врагамъ!
Ихъ непрестанная, докучная забота
Меня всегда влекла изъ топкаго болота
Къ спасенья берегамъ.

И побѣждалъ я лѣнь и, пошлыя забавы
И суету призрѣвъ, на путь стремился правый, —
На тотъ единый путь,
Гдѣ слову лживому отвѣтить можно дѣломъ,
Подъ истины броней гдѣ ядовитымъ стрѣламъ
Недостижима грудь!

Смертельнымъ не бывалъ врага ударъ жестокій:
Не сердце онъ разилъ, а лишь его пороки, —
И становился я
Свободнѣе, сильнѣй!.. Да, послѣ каждой битвы
Яснѣе былъ мой взоръ, возвышеннѣй молитвы
И слаще прелесть бытія!

Подъ натискомъ вражды, какъ звѣрь, гонимый сворой,
Взбирался иногда, израненный и хворый,
Я до такихъ высотъ,
Куда свободно я поднялся бы едва ли,
Откуда новыя мнѣ открывались дали,
Гдѣ былъ яснѣе небосводъ!..

Грозой былъ духъ омытъ отъ плѣсени и пыли!..
А для друзей моихъ какимъ мѣриломъ были
Ненастья злаго дни!
Отстало большинство!.. Но тѣ, что раздѣляли
Со мной безропотно гоненья и печали, —
Какъ дороги они!..

А ты, подруга дней томительныхъ и бурныхъ,
Въ чьемъ взорѣ свѣтится мнѣ даль небесъ лазурныхъ,
Лучъ радостнаго дня!
Среди мятели бѣдъ, — чѣмъ больше тучъ сбиралось,
О, тѣмъ сильнѣй ты вся любовью разгоралась,
Чтобъ отогрѣть меня!..

И ты, поэзіи незримая богиня!
Ты въ бурю, какъ баластъ, все отдала пучинѣ:
Тщеславья мишуру
И жажду бренныхъ благъ!.. Взялась рукою властной
За руль — и повела мой челнъ сквозь мракъ ненастный
Къ свободѣ и добру!..

ЖЕНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

1.

Наканунѣ.

Она не дѣвочка!.. Ей сердце волновали
Потоки разныхъ думъ, и счастье, и печали;
Горючихъ ею слезъ не мало пролитó,
Цвѣты любви не разъ въ ней расцвѣтали пышно,
Но кто-то ей всегда нашептывалъ чуть слышно:
«Нѣтъ!.. все не то!..»

И часто на челѣ ея видна забота,
Волненье странное... Да, ждетъ она чего-то,
Кого-то ждетъ она!.. Еще не бушевалъ
Въ пучинѣ чувствъ ея, бездонной и безбрежной,
Всепобѣдительный, могучій и мятежный
Девятый валъ!..

2.

Очень просто.

Онъ ей былъ, конечно, интересенъ
Злой насмѣшкой, даромъ вольныхъ пѣсенъ,
Легкой дымкой грусти на челѣ...
Свѣтскій кругъ при немъ казался тѣсенъ,
Безъ него блуждала мысль во мглѣ...

Если такъ, она его любила?
— Богъ вѣсть!.. Нѣтъ! Она, скорѣй всего,
Чтобъ узнать, чтò въ сердцѣ у него,
Сердце то охотно бы разбила...
Любопытство, — больше ничего!..

3.

Надъ обрывомъ.

Что съ нею?.. То вспыхнетъ румянцемъ она,
То станетъ внезапно блѣднѣй полотна,
То вдругъ на рѣсницахъ заискрятся слезы...
То звонко смѣется, то грусти полна,
Въ нѣмомъ обаяньи невѣдомой грезы...

Какимъ лихорадочнымъ сталъ ея взглядъ!
Какъ странно изысканъ и ярокъ нарядъ!..
Что все это значитъ?.. Не вызовъ ли мужу?
Не месть ли?.. Какія въ ней раны горятъ,
Чтò въ сердцѣ клокочетъ и рвется наружу?

Ребенокъ, любимый ребенокъ забытъ!
Какая же мать такъ бездушно-сурова?!..
Все гибнетъ... Обида ей душу мрачитъ...
Спѣши же, охотникъ до счастья чужаго!
Спѣши, — оно «плохо лежитъ»!..

4.

Primavera.

Сюда пріѣхавъ на гроши,
Трудомъ добытые упорнымъ,
Огнемъ пылая животворнымъ
Познаній жаждущей души, —

Она — ручей въ пустынѣ людной,
Ей первымъ вешнимъ быть цвѣткомъ!
Ей черный день давно знакомъ —
И милъ, не страшенъ подвигъ трудный!

Привлекъ ее не шумный свѣтъ
Не блескъ, не власть минутной моды:
Теперь у насъ такіе годы,
Что на науку моды нѣтъ.

Не куклой быть, а человѣкомъ,
Быть равной мужу, — не рабой,
Вступать съ неправдой всюду въ бой
И съ равнодушнымъ, пошлымъ вѣкомъ —

Вотъ цѣль!.. Она и поняла,
Какъ труденъ бой, — и красотою,
Манеръ изящной простотою,
Нарядомъ не пренебрегла...

Съ почтеньемъ, словно виноватый,
Глядишь на дѣвушку: звѣзда!..
А мы-то, мы-то, господа,
Лѣнивы, слабы, хлыщеваты!..

При ней опасно зря болтать, —
Въ невѣждахъ можно очутиться!
Позоръ!.. Ахъ, надо подучиться,
Себя бы въ руки надо взять!..

5.

Дама въ футлярѣ.

Какъ тяжкою бронёй, какъ сложною шнуровкой,
Все въ ней опутано нелѣпой дрессировкой.

Подавленъ слабый умъ, погашенъ сердца жаръ...
Все существо ея заключено въ футляръ.

Футляръ изъ томныхъ чувствъ, изъ предразсудковъ, стра-
Изъ дрязгъ амбиціи, истерикъ, оховъ, аховъ — [ховъ,

И всѣмъ изъ прописей извѣстныхъ общихъ мѣстъ.
Воистину, она несетъ тяжелый крестъ!..

И въ этомъ свѣтскій кругъ ни мало не виною:
О немъ лишь довелось ей слышать стороною.

Двѣ-три салопницы, — вотъ весь ея кружокъ.
Всему виной принципъ... Но въ ней онъ не глубокъ.

Пусть лишь событіе изъ колеи обычной
Что-либо выдвинетъ — и сразу носъ привычный

Изъяны гордаго футляра ощутитъ:
Отъ «дамы» лавочкой и кухнею разитъ...

Но ей, увы, ничто всей правды не откроетъ!
Ей мнится, что она любой принцессы стóитъ,

Что всѣхъ манерами дано ей восхищать,
И долженъ къ ней Самъ Богъ почтенье ощущать.

ИЗЪ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Флоренція и изгнанники.

— Флоренція! для тысячи влюбленныхъ
Сотворена ты въ ангельской красѣ!
Кто въ небесахъ, слѣпыхъ иль усыпленныхъ,
На поруганье далъ святыню правъ законныхъ,
Далъ одному схватить тѡ, чѣмъ владѣли всѣ?!
Внемли мольбамъ! Въ позорѣ и страданьѣ
Отъ Матери вдали мы рождены!
Но если не на вѣкъ несчастные сыны
Забыты, брошены, на стыдъ обречены, —
О, дай намъ вновь очей твоихъ сіянье!..

* * *

— Мужайтеся, безумцы! Никогда, —
Хотя-бъ несчастія продлилися года, —
Грабителю не дастся наслажденье:
Великій страхъ — дитя и спутникъ преступленья —
Замучаетъ того, кто обманулъ меня

И думаетъ, что взялъ!.. Пусть, кубками звеня,
Онъ тонетъ въ роскоши, томясь безсильемъ злобнымъ!
Кто чувствуетъ себя къ блаженству неспособнымъ —
Счастливѣе ли тѣхъ, что̀ въ тяжкой мглѣ ночей
Полны надеждъ и ясныхъ ждутъ лучей?!..

ИЗЪ МИКЕЛЬ

Флоренція и

Я думаешь, что [illegible]
Онъ тонетъ въ [illegible]
Кто чувствуетъ [illegible]
Счастливѣе ли [illegible]
Полны надеждъ [illegible]

не съумѣю!..
ѣй ли свѣтъ дневной?
мной суетой
— самимъ собой
очь была моею!..

НА РАЗСВѢТѢ.

Уходитъ ночь, не давъ минуты сна, —
И утро сѣрое, безъ радости, безъ блеску,
Проникнуть силится ко мнѣ сквозь занавѣску
Дыханьемъ осени смущеннаго окна...

* * *

Уходитъ ночь, не давъ минуты сна...
Она была страшнѣй, мучительнѣй темницы!
Во мглѣ тянулись думъ унылыхъ вереницы,
То вспыхивали вдругъ предчувствія зарницы,
То страховъ голосà рождала тишина!

* * *

Едва спугнуть я призраки успѣю —
Вновь слышу чью-то рѣчь, вновь вижу чей-то взоръ:
То на меня глядитъ минувшее въ упоръ,
То совѣсть говоритъ — и плачу я предъ нею!

* * *

Чтὸ я терпѣлъ, — повѣдать не съумѣю!..
Уходитъ ночь... Но что-жь? Милѣй ли свѣтъ дневной?
Нѣтъ, я не радъ: меня день шумной суетой
Охватитъ, покоритъ!.. Тогда-жь — самимъ собой
Былъ я, томясь во мглѣ, — и ночь была моею!..

---

*

CANTARE — VIVERE.

Не пѣніе, а жизнь, вся — сила, вся — порывъ,
Вся въ звукахъ и огняхъ, изъ устъ ея струилась!..
Мелодія росла, вздымалась, какъ приливъ...
Я слушалъ трепетно — и сердце, міръ забывъ,
То замирало вдругъ, то учащенно билось...

Чуть окрылилися созвучьями слова, —
И вспышки бѣглыхъ чувствъ, извивы мысли вѣщей,
Намековъ тайный смыслъ, — все, что постичь едва
Холодной думою могла бы голова, —
Въ сердечной глубинѣ вдругъ проступило рѣзче!

Смѣнялся рядъ картинъ... Все явственнѣй, живѣй:
То дикій гнѣвъ гремитъ, то плещутъ волны страсти,
То вздохи вѣтерка чуть зыблютъ сѣнь вѣтвей,
То сталь звенитъ о сталь — и смерть косой своей
Идетъ разить рабовъ неумолимой власти...

Я слушалъ трепетно — и сердце, міръ забывъ,
То замирало вдругъ, то учащенно билось...
Мелодія росла, вздымалась, какъ приливъ...
Тò пѣснью-ль стала жизнь, все въ звуки воплотивъ,
Иль, жизнью ставши, пѣснь сверкала и струилась?!..

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО.

О, нѣтъ, я не корю тебя, далекій другъ!
Какъ сытый фарисей, на твой удѣлъ печальный
Съ презрѣньемъ не взгляну, насмѣшкою нахальной
Не оскорблю твоихъ священныхъ чувствъ и мукъ!

Одни у насъ враги: неправда и насилье —
И часто всей душой скорблю я о тебѣ,
О юности твоей, загубленной въ борьбѣ,
Утратившей любовь, и пылъ надеждъ, и крылья!..

Святыня для меня — терновый твой вѣнецъ,
А знаменитъ ли ты, иль никому невѣдомъ, —
Мнѣ это все равно! Мнѣ все равно, — къ побѣдамъ
Иль къ пораженію придешь ты подъ конецъ:

Чѣмъ покупается, какъ достается слава, —
Я видѣлъ — и людей за славу не цѣню!
Я память и любовь въ душѣ къ тому храню,
Кто жаждетъ истины, кто постоитъ за право!..

Мы, къ истинѣ, пути различные избравъ,
Идемъ: ты мечешься, — а шагъ мой тихъ и мѣренъ...
Судьба, грядущее рѣшитъ, чей путь былъ вѣренъ!..
А тó, что ты страдалъ, — не значитъ, что ты правъ!..

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Съ улыбкой ты вошла, прекрасна, какъ весна,—
Вошла спросить, къ лицу-ль тебѣ нарядъ твой бальный...
Я предъ тобой стоялъ нѣмой, какъ бы опальный —
И счастьемъ и тоской душа была полна;

Да, счастьемъ и тоской, и гордостью и страхомъ;
Какъ пышной розой садъ, тобой гордился я,
Но думалъ: Боже мой! чтó, если власть моя —
И власть и рабство — все падетъ мгновенно прахомъ?

Вѣдь *тамъ* я не одинъ! Тамъ жадно вкругъ тебя
Блестящая толпа живой стѣною встанетъ —
И лести ѳиміамъ застелетъ, затуманитъ
Завѣтный огонекъ, чтó ты зажгла, любя!

Чѣмъ ты нряднѣе, чѣмъ ярче и прекраснѣй
Заблещешь въ цвѣтникѣ завистливыхъ подругъ,—
Тѣмъ счастью нашему опаснѣй этотъ кругъ,—
Тѣмъ счастью твоему, самой тебѣ опаснѣй!..

Ты помнишь?—Я молчалъ!.. Но ты душой прочла
Печаль родной души въ одномъ тревожномъ взглядѣ—
И скрылась... Черезъ мигъ, — уже не въ томъ нарядѣ,
А въ платьѣ будничномъ ты вновь ко мнѣ вошла;

У лампы сѣла ты съ обычною работой,
Въ укромномъ уголкѣ, гдѣ мы наединѣ
Дѣлились часто такъ въ вечерней тишинѣ
И сладкою мечтой, и горькою заботой!..

Спокойна и свѣтла, ты мнѣ явилась вновь
Лучемъ поэзіи средь этой мирной прозы...
Дрожалъ я... На глаза навертывались слезы...
Я весь былъ — счастіе, раскаянье, любовь!..

Я каялся... Я зналъ, что былъ неправъ: что дико
Такимъ ревнивцемъ быть!.. Но улыбалась ты,
Ясна, какъ майскій день, прекраснѣе мечты!
Въ тотъ мигъ я былъ такъ малъ, а счастье—такъ велико.

Ты помнишь ли тотъ мигъ?.. Умчался онъ давно!..
Съ тѣхъ поръ надеждами, страданьемъ и борьбою, —
Незримой цѣпью жизнь сковала насъ съ тобою,
— Но въ той цѣпи и онъ — нетлѣнное звено!..

---

* * *

Донынѣ, какъ во дни печальной старины,
Корысть — гнѣздо вражды, вражда — гнѣздо войны!..
Охотнѣй человѣкъ словамъ науки внемлетъ
И признаетъ любовь, — но звѣрь въ немъ... только
дремлетъ!
Не умеръ лютый звѣрь!.. Онъ былъ когда-то львомъ,
Онъ живописенъ былъ въ нарядѣ боевомъ:
Гарцуя на конѣ, изъ-за зубчатыхъ башенъ
Стремился рыцарь въ бой, прекрасенъ и безстрашенъ!..
Затѣмъ... онъ спѣшился, и шлемъ, и латы снялъ:
То горделивый левъ презрѣннымъ волкомъ сталъ!..
Теперь, изобрѣтя жестокіе снаряды,
Легли всѣ нá-землю — и поползли, какъ гады,
Да съ цѣлью низкою въ синѣющую высь
На крыльяхъ знанія иные поднялись, —
Чтобъ, на подобіе чудовища-дракона,
Огонь и смерть метать на смертныхъ съ небосклона!
То къ первообразу вернулся сатана —
И хитрымъ змѣемъ сталъ, — хоть наши времена
На бытіе въ раю нимало не похожи!..
Спаси дѣтей своихъ! повѣдай намъ, о Боже,
Когда же сбудутся пророчества твои?!
Когда же человѣкъ сотретъ главу змѣи?!..

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Стою одинъ, стою печаленъ,
Среди дымящихся развалинъ
Былаго счастья моего, —
Какъ пахарь, ужасомъ объятый,
Пришедшій съ поля — и отъ хаты
Ужь не заставшій ничего!..

***

Но кто сгубилъ рукой нещадной
Пріютъ любви моей отрадной?
Не другъ завистливый, на зло!
Не врагъ, самъ яростью сгарая!
Увы! дитя, съ огнемъ играя, —
Дитя невинное сожгло!..

***

Дитя, не стоющее мести,
Дитя, не стоющее чести
Презрѣнья даже моего!...

Стою въ отчаяньи гнетущемъ...
Былаго нѣтъ, — а тамъ, въ грядущемъ,
Все такъ пустынно, такъ мертво̀!..

* * *

Въ грядущемъ — пыльная дорога...
Душа жалка́, душа убога,
Бѣднѣе нищенской сумы!..
Уйти! Бѣжать! Искать привѣта! —
Хоть призракъ счастья, искру свѣта
Средь этой скорби, этой тьмы!..

* * *

Да, на чужбину, въ міръ холодный,
Сгарая жаждой безъисходной,
Пойду бродить — и буду радъ,
Какъ безпріютный погорѣлецъ,
Я подаянію бездѣлицъ, —
Какъ добрый взглядъ, единый взглядъ!..

*
* *

Довѣрія! довѣрія, мой другъ!
Ему дано быть счастія основой
И утолять безсмысленно-суровой,
Постыдной ревности недугъ!

*
* *

Въ рукѣ твоей букетъ цвѣтовъ душистыхъ...
Не шевелись! Постой: вонъ мотылекъ
Къ твоимъ цвѣтамъ, о нѣжный мой цвѣтокъ,
Летитъ на крыльяхъ золотистыхъ.

*
* *

Вотъ... прилетѣлъ... Садится на цвѣты...
Цѣлуетъ ихъ... Вѣдь онъ не лицемѣритъ!
Онъ любитъ ихъ, онъ имъ, тебѣ онъ вѣритъ
Такъ вѣрь ему и ты!

*
* *

Какъ счастливъ онъ! Рожденный для свободы,
— Онъ рабъ любви, довѣрья твоего!
Онъ милъ тебѣ?! — Такъ не спугни его:
Не то — умчится въ неба своды!

*
* *

Схвативъ, его убьешь навѣрно ты:
Онъ, какъ любовь, не вынесетъ насилья!
Къ чему тебѣ изломанныя крылья?!
Къ чему поблекшія мечты?!

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Никто меня сегодня не обидѣлъ,
И низостей особыхъ я не видѣлъ,
И не слыхалъ я слишкомъ злыхъ рѣчей, —
А между тѣмъ... мнѣ тошно, мнѣ обидно,
И предъ собой, и предъ другими стыдно
За чей-то грѣхъ, — не знаю самъ, за чей!..

* * *

Я взорами, движеньями, молвою
Измученъ такъ, какъ еслибъ съ головою
Меня весь день кто-либо погружалъ
Въ болото, въ грязь непроходимой лужи!..
Какъ жалкій песъ отъ палокъ или стужи, —
Я, весь дрожа, въ свой уголъ убѣжалъ!..

* * *

Дрожу — и жду, что совершится чудо:
Не знаю, какъ, не вѣдаю, откуда, —
Потокъ иныхъ дѣяній и рѣчей
Нахлынетъ вдругъ — и все охватитъ властно!..
Воспряну я — и полечу я страстно
На чей-то зовъ... не знаю самъ, — на чей!..

Д. М. КАЙГОРОДОВУ.

1.

Первый цвѣтокъ.

(Сказка).

— «Я днемъ и ночью слезы лью,
«Я истомилась, я тоскую!» —
Весна молила зиму злую,
Колдунью — мачиху свою,

«Дозволь мнѣ малую забаву:
«Изъ снѣга вылѣпить цвѣтокъ,
«Чтобъ онъ хотя напомнить могъ
«Мой прежній рай, мою дубраву!»

— «Смотри, зима, блюди зарокъ!»
Шепталъ морозъ, наперсникъ старый:
«Твои безсильны будутъ чары,
«Чуть первый явится цвѣтокъ!»

— «Вишь, старый хрычъ! Суется, учить!»
На дѣда крикнула зима:
«Не знаю, что ли, я сама?...
«Весну забава лишь измучить,

«Напомнитъ прежнее житье,
«Все то, къ чему ей нѣтъ возврата...
«А снѣгомъ, снѣгомъ я богата!
«Снѣгъ мой, — а дѣло не твое!..»

И засмѣялася лукаво...
Ушелъ обиженный морозъ;
Зима-жь красѣ: «Довольно слезъ!
«Тебѣ дозволена забава!»

Какъ призракъ, сумрачна, блѣдна,
Шатаясь, поступью несмѣлой
Въ свой лѣсъ пустой, осиротѣлый,
Вошла печальная весна;

Присѣвъ на собранный валежникъ,
Изъ снѣга сдѣлала цвѣтокъ,
Изъ хвои — тонкій стебелекъ,
И глядь! — предъ ней живой подснѣжникъ!

Сама повѣрила едва
Она содѣянному чуду, —
Анъ глядь! — ручьи бѣгутъ повсюду
И пробивается трава,

Все встрепенулось, оживилось,
Щебечетъ, свищетъ птичекъ хоръ,
И жгучъ, и ласковъ солнца взоръ...
Зима въ испугѣ спохватилась,

Кричитъ морозу: — «Гдѣ ты, дѣдъ?!
«Вернись, желанный мой, любимый!..»
Но дальнимъ вѣтромъ доносимый
Звучитъ ей съ сѣвера отвѣтъ:

«Ты непослушна, баба, вздорна!
«Теперь не справишься съ весной!
«Бросай-ка все, ступай за мной
«И напередъ будь мнѣ покорна!..»

2.

Сонетъ.

Созвучій мѣрный строй преслѣдуетъ меня...
Ихъ волны прахъ заботъ изъ сердца властно гонятъ,
Въ ихъ безднѣ мысль моя, какъ птица въ небѣ, тонетъ,
Какъ таетъ звѣздный блескъ при воцареньи дня...
То льется пѣснь любви, лаская и маня,
То безъисходная печаль уныло стонетъ.
Неясный разуму и только сердцемъ понятъ,
Созвучій мѣрный строй преслѣдуетъ меня...
То шепота нѣжнѣй, то яростнѣе грома...
Гдѣ родились они, въ какую высь, куда,
Куда властительно влечетъ ихъ череда?
Въ нихъ все невѣдомо и вмѣстѣ такъ знакомо...
Ихъ не было... Ихъ нѣтъ... Исчезли безъ слѣда!..
Тревогу сердце бьетъ... и льется въ грудь истома!..

КЪ МУЗѢ.

Когда́-жь былое въ бездну канетъ,
Въ пучину вѣчности нѣмой?!
Когда же духъ унылый мой
Для жизни радостно воспрянетъ,

***

Для новыхъ чувствъ и новыхъ грезъ?!
Въ трудѣ, у тихихъ думъ во власти
Хочу забыть о жгучей страсти,
Мнѣ столько давшей мукъ и слезъ!

***

Хочу забыть — и нѣтъ забвенья!
Возненавидѣть — силы нѣтъ!
Сталъ мрачной ночью солнца свѣтъ,
Годами тянутся мгновенья!

***

И сны я вижу наяву,
А сонъ мои покинулъ вѣжды!
Когда-жь заблещетъ лучъ надежды,
Когда-жь я, Муза, оживу?!..

***

Къ былому ты неумолима,
О немъ не хочешь говорить?!
Одна въ душѣ моей царить
Ты жаждешь, ревностью палима?!

* * *

Ревнуешь ты?.. О, все забудь,
Одна владычествуй отнынѣ!
Ключемъ воды живой въ пустынѣ
И маякомъ во муракѣ будь!

* * *

Что лживо, бренно, быстротечно, —
Все мнѣ отринуть помоги,
Въ душѣ сознаніе зажги,
Что вѣчна пѣснь, какъ правда вѣчна!

* * *

Развѣявъ тучи безъ слѣда,
Чтó надъ челомъ моимъ нависли, —
Веди зарю восторговъ мысли,
Дни вдохновеннаго труда!

---

*
* *

Всю тебя, — съ твоею мукою,
И съ надеждами разбитыми,
И съ рѣчами ядовитыми, —
Я люблю!.. Я убаюкаю,
Какъ ребенка, убаюкаю
Я тебя, многострадальную!
Будь веселой иль печальною, —
Не грози мнѣ лишь разлукою!

*
* *

Будь жестокой или нѣжною,
Жги укорами напрасными,
Смѣйся!.. Лишь очами ясными
Въ душу мнѣ гляди мятежную!
Взоръ твой — словно всемогущее
Золотое солнце вешнее:
Взглянешь,—я сильнѣй, безгрѣшнѣе—
И безоблачно грядущее!..

НА МОТИВЪ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Grato mi e il sonno e piu l'esser di sasso!...

Michel-Angelo.

Умолкни, пѣснь! Замрите, думы!
Ты, сердце чуткое, замри!
Заснуть хочу я до зари,
Пока всесиленъ мракъ угрюмый...

Заснуть... застыть... окаменѣть!
Застыть, не слышать и не видѣть,
Не презирать, не ненавидѣть,
За край родимый не краснѣть...

Уйти отъ этого позора,
Отъ этой низости уйти!!..
Скорѣе, сонъ, ко мнѣ слети,
Гаситель думъ, гаситель взора!..

А если долгіе года
Пройдутъ — и этотъ мракъ угрюмый
Царить все будетъ, — о, тогда...
Тогда навѣкъ замрите, думы!
Закройтесь, очи, навсегда!..

РѢЧКА.

Какъ горитъ за перелѣскомъ,
Средь безмолвствующихъ нивъ,
Рѣчки тинистый извивъ,
Весь облитый луннымъ блескомъ!

Рѣчка въ сладкихъ грезахъ спитъ...
Лишь осокой на мгновенье
Незамѣтное теченье
Еле-еле зашуршитъ!..

Вкругъ нея въ часъ непогоды
Ходуномъ заходитъ рожь, —
А по рѣчкѣ только дрожь
Пробѣжитъ — и стихнутъ воды:

Негодующая рѣчь
Имъ, какъ будто, незнакома,
Отъ безмолвія и грома
Словно некуда имъ течь!

Рѣчка! велѣно-ль судьбою
Вѣчно быть тебѣ, скажи,
Въ золотисторусой ржи
Только лентой голубою!

Нѣтъ! хотя не съ высоты,
Не съ разбѣга по стремнинамъ, —
По оврагамъ, по долинамъ, —
Но дойдешь до моря ты!

Ты дойдешь!.. Въ лобзаньи нѣжномъ,
Вся дрожа, сольешь свои
Боязливыя струи
Съ моремъ шумнымъ и мятежнымъ!

Словно люди, — никогда
Море подвиговъ не цѣнитъ:
Дикій вѣтеръ бездну вспѣнитъ —
И исчезнетъ навсегда!..

Море шутитъ надъ тобою!
Такъ не лучше-ль быть, скажи,
Въ золотисторусой ржи
Лентой свѣтлоголубою?!..

ВЪ ДОРОГѢ.

(Посв. К. К. Случевскому).

> **Ямщикъ лихой, — сѣдое время**
> **Везетъ — не слѣзетъ съ облучка.**
> **Пушкинъ.**

Какъ тянутся часы!.. какъ этотъ долгій путь
По выжженой степи невыразимо-скученъ...
Столбы, ракиты, пыль... Какъ даже взоръ измученъ—
И хоть на чемъ-нибудь хотѣлъ бы отдохнуть!
Гляжу я жадно въ даль... Но чуть замѣтно въ гору
Дорога тянется, не видно за горой
Ни рощи, ни жилья... А сзади, тамъ, за мной
Надъ рѣчкою село едва доступно взору:
Бѣлѣютъ хижины, въ туманѣ синемъ лѣсъ;
Вся въ золотѣ, рѣка на солнышкѣ играетъ!..
Смотрю — не нагляжусь и сердце замираетъ!
Но мигъ — и этотъ видъ плѣнительный исчезъ.
И такъ взгрустнулось мнѣ по немъ, что съ полдороги
Вернуться бы назадъ я, кажется, готовъ!
Но что-жь я встрѣтилъ тамъ? Угрюмыхъ мужиковъ...

Рѣка грязна, мутна... Какъ хижины убоги!
Листва корявыхъ вербъ запылена, тускла...
(А вербы издали потомъ казались лѣсомъ!)
Не въ сладостной тѣни, — подъ старенькимъ навѣсомъ
Жидовская корчма мнѣ отдохнуть дала!..
Дорога тянется. На небѣ солнце выше.
Еще проѣхали — и предо мной съ горы
Открылся новый видъ: рѣка, луговъ ковры
И лѣсъ, и хижинокъ соломенныя крыши...
И страстно сердце вновь забилося во мнѣ:
Я, прошлое забывъ, отдался весь надеждѣ.
Но что-жь найду я тамъ? — Все то же, что и прежде,
Что видѣлъ я не разъ въ родимой сторонѣ!
Но, полный странною сердечною тревогой,
Туда, скорѣй туда добраться я хочу
И въ нетерпѣніи возницѣ я кричу:
«Да что-жь ты, братецъ мой? Заснулъ ты, что ли?
Трогай!»
Такъ тянется порой печальный жизни путь
По выжженой степи: онъ такъ же пыленъ, скученъ,—
И бѣдный путникъ радъ, когда душой измученъ,
Въ какой-нибудь тѣни укрыться, отдохнуть, —
А послѣ вновь глядитъ съ такою же тревогой
Въ годовъ умчавшихся чарующій туманъ,
Иль, жаждой новизны нежданно обуянъ,
Кричитъ онъ времени: — «Заснуло, что ли? Трогай!..»

ЖЕНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

6.

Отцвѣло.

Перчатку въ юности она швырнуть посмѣла
И свѣту, и семьѣ; она презрѣть съумѣла
Приманку роскоши, тщеславья суету;
Съ избранникомъ души, убогимъ и гонимымъ,
Сильна сознаніемъ добра непобѣдимымъ,
Она пошла на все,—на скорбь и нищету!..

И годы потекли,—мучительные годы!
Въ тяжелые часы житейской непогоды
Не угасали въ ней ни правда, ни любовь—
И въ этомъ жизнь была, и въ этомъ было счастье!..
Но вотъ, на склонѣ лѣтъ разсѣялось ненастье:
Богатство и почетъ судьба дала ей вновь...

И на закатѣ дня, родившагося въ тучахъ,
Дитя ея любви, дитя страданій жгучихъ,—
Сіяетъ дочь ея безоблачной красой!

Вся—вылитая мать: станъ горделиво-стройный,
Въ лазури глазъ—огонь рѣшимости спокойной,
И темень цвѣтъ кудрѣй, змѣящихся косой.

Но что съ ней, Боже мой?! Сверкаетъ залъ огнями,
Пѣвучій льется вальсъ, веселыми роями
Мелькаютъ, крýжатся десятки юныхъ паръ,
Кругомъ веселье, шумъ...—Но съ дѣвушкой что сталось?!
Схватилась зà-сердце, блѣднѣя, зашаталась
И сѣла... Кто-жь нанесъ незримый ей ударъ?!.

Въ томъ залѣ, гдѣ кипитъ все жизнью молодою,
Стоитъ развалина во фракѣ со звѣздою—
И съ матерью ея о чемъ-то говоритъ...
Мамаша польщена... глаза горятъ восторгомъ...
— И сердцемъ чуетъ дочь, съ какимъ постыднымъ торгомъ,
Съ какою тьмой борьба ей, свѣтлой, предстоитъ!..

7.

Смѣхъ.

Эта барышня смѣется такъ охотно,
Безъ причины, зря, такъ весело смѣется!
Вѣрно радостно, пріятно ей живется?
Не понять: она глупа иль беззаботна?

Нѣтъ, она совсѣмъ не глупаго десятка
И не обошла души ея забота!

Въ голосѣ звучитъ надтреснутая нота,
У румяныхъ губъ нерадостная складка...

Ей не весело! Она глядитъ,—кому бы
Показать свои хорошенькіе зубы!..

8.

„Княгиня Марія Алексѣевна".

Княгиню Z почти весь городъ знаетъ.
У ней свой домъ, изящный домъ «au quai»;
Она гостямъ руки не пожимаетъ,
А допускаетъ лишь иныхъ къ рукѣ
И головою изрѣдка мотаетъ,
Какъ будто конь на строгомъ мундштукѣ.
Въ ней все: манеры, платье и прическа—
Все haute école кичливости и лоска!..

Межь тѣмъ, порой виднѣется... испугъ
Въ глазахъ ея: въ разгарѣ лжи блестящей
Тò просыпается больной, щемящій,
Мучительный вопросъ:—«А чтò, какъ вдругъ
«Сочтетъ меня grande-dame не настоящей
«Le trrrès-grand-monde,—нашъ избраннѣйшій кругъ?!.»
Какая смѣсь! холопство и гордыня!
Не человѣкъ, не женщина!.. Княгиня!..

9.

Зарница.

Она терялася среди подругъ нарядныхъ:
Одѣта проще всѣхъ, невзрачна, не смѣла, —
Ну, словомъ, барышня изъ самыхъ заурядныхъ...
Хозяйка дома къ ней внезапно подошла,
Поцѣловала въ лобъ и молвила ей что-то;
Та покраснѣла вся, пыталась возражать, —
Но гдѣ тутъ возражать! — пьянино, свѣчи, ноты —
Все приготовлено... Всѣ смолкли, стали ждать...
За клавиши сама хозяйка сѣла —
И гостья бѣдная, немало смущена,
Дрожа, вполголоса, неявственно запѣла...
Но черезъ мигъ-другой оправилась она —
И зазвенѣла пѣснь!.. То былъ языкъ Петрарки,
Чужой, невѣдомый, плѣнительный языкъ, —
Но чувства такъ сильны, такъ звуки были ярки,
Что каждый сердцемъ ихъ значеніе постигъ...
И все серьезнѣе, восторженнѣе лица,
Все слушателей кругъ становится тѣснѣй...
Неузнаваема, *она* теперь — царица,
Они-жь — смиренные невольники предъ ней!
Въ ея очахъ, большихъ, лазурныхъ съ поволокой, —
Насмѣшкой, удалью и вызовомъ на бой
Горитъ глубокій взглядъ ея души глубокой!
Да, вызовомъ на бой съ толпою и судьбой!..
Онъ словно говоритъ: «Вы предо мною дѣти,
«Вы — тѣни блѣдныя!.. Любить лишь я одна
«Умѣю, какъ никто, никто на цѣломъ свѣтѣ, —
«И за любовь испить всю чашу мукъ до дна!..»

ИЗЪ МОНОЛОГОВЪ.

«Камо пойду отъ Духа Твоего...»

О нѣтъ, — отъ Бога не уйти!
О нѣтъ! Всевѣдущъ и всесиленъ,
Онъ, царь всей жизни, всѣхъ извилинъ
Земнаго скорбнаго пути!..

Дитя — язычникъ простодушный:
Язычникъ проситъ благъ себѣ,
Готовясь къ жизненной борьбѣ,
Природы голосу послушный...

Источникъ страховъ и чудесъ,
Источникъ благъ — Отецъ Небесный!..
Но солнце встало — міръ чудесный
Съ туманомъ утреннимъ исчезъ!..

Объятъ сомнѣньемъ и гордыней,
Извѣдавъ натискъ первыхъ бурь,
Зоветъ небесную лазурь
Въ тревогѣ юноша — пустыней.

Смущенъ причудами судьбы,
Зоветъ онъ міръ не Божьимъ раемъ, —
Гнѣздомъ разврата, зла, борьбы,
Гдѣ мы живемъ и умираемъ,
Въ цѣпяхъ, какъ жалкіе рабы!

Но, проклиная съ дикой страстью
Былой, низверженный кумиръ,
Онъ не забытъ незримой Властью:
Онъ любитъ жизнь, онъ любитъ міръ,
Людей — собратьевъ по несчастью!

Пусть меркнутъ въ небѣ чудеса:
Земное знанье свѣтитъ ярче!
Пусть вѣра стынетъ: въ сердцѣ жарче
Горитъ любовь, любовь-краса!..

Но вдругъ... встаетъ вопросъ: — «Не Ты ли,
«Не Ты-ль, забытый, вѣчный Богъ,
«Стремленье къ истинѣ возжегъ
«Во мнѣ, — въ ничтожной горсти пыли?..»
Что говоритъ въ немъ, — прахъ иль Богъ?!

Что говоритъ въ немъ, — страхъ иль совѣсть?
Воспоминанье-ль о быломъ?
Ведетъ ли этотъ переломъ
Къ развязкѣ жизненную повѣсть?..

Какъ знать?! Но грозный, роковой
Вопросъ — не гость ума случайный, —
А кличъ души — и, силой тайной
Подъятъ въ ней, плещетъ, какъ прибой!

Но вотъ... онъ стихъ. Въ лучахъ заката
Горитъ событій череда;
Звѣздой вечернею тогда
Восходитъ вѣра въ то, что свято
Мы чтимъ въ разсвѣтные года!

Ее пріемлетъ умъ послушный —
И къ небу рвется сынъ земли,
Какъ духъ, влачившійся въ пыли,
И какъ язычникъ простодушный...

ИЗЪ ИСТОРІИ.

У нѣмца честнаго, у Фридриха-Вильгельма,
Суровой Пруссіи скупаго короля,
Шелъ скудный званый пиръ...—«Эй вы! протрите
бѣльма!
«Не спать, сановники! Нѣмецкая земля

* * *

«Затѣмъ-ли щедро намъ даетъ вино и пиво,
«Чтобъ унывали мы?! Эй! люди! поскорѣй
«Подать намъ рейнскаго! Послѣдняго разлива!
«Въ немъ лисій умъ вельможъ и мощь богатырей!..»

* * *

Вино принесено и нàлито въ бокалы.
И продолжалъ король:—«По вкусу-ль вамъ оно?
«Скажите правду мнѣ! Я строгъ,—но добрый малый,
«Ich bin ein guter Bursch, когда я пью вино:»

* * *

И отвѣчали всѣ: — «О ja! Вино превкусно!»
Но всѣ кривили ротъ; была наглядна ложь...
Король захохоталъ: — «Вы врете неискусно!
«Хлебнули уксусу? Неправда-ли?!.. Такъ что-жь?!

* * *

«Винцо дешевое и малость кисловато
«И вашей знатности оно не понутру?!
«Моя убогая казна въ томъ виновата:
«Я скромный труженикъ!.. Я.... взятокъ не беру!..»

* * *

И гости смущены, и замерла бесѣда...
Къ суровой истинѣ почтительная ложь
Поднять не смѣетъ глазъ—и каждый изъ вельможъ
Глядитъ лишь искоса на своего сосѣда...

* * *

Огарки сальные дымятся и горятъ,
Средь кубковъ, чашъ и блюдъ, въ шандалахъ деревянныхъ...
Жара... Накурено... Какъ въ облакахъ туманныхъ.—
Лицо властителя, гостей безмолвныхъ рядъ...

* * *

И, дверь пріотворивъ, испуганный и дикій
Вперяя дѣтскій взоръ въ черты смущенныхъ лицъ
И въ злобный ликъ отца,—стоитъ малютка—Фрицъ,—
Тщедушный, трепетный,—но въ будущемъ—Великій!..

БАЛТІЙСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Land und Leute.

По верхушкамъ ржи темнозеленой
Бродятъ волны розоваго свѣта...
Даль багряной дымкою одѣта...
Тихо вѣетъ вѣтеръ благовонный.

* * *

Въ морѣ нивъ зеленыхъ островами
Кровли мызъ готическія встали;
Вьется путь отъ нихъ къ багряной дали
Бѣлой змѣйкой, прячась за садами...

* * *

По лугамъ, на пахоти подъ паромъ
Распростерты глыбами граниты, —
Словно горы были тутъ разбиты
Чьимъ-то мощнымъ, яростнымъ ударомъ,

* * *

Словно море было тутъ когда-то!..
Недалёко море: подъ скалою,
Набѣгая сонною волною
Рдѣетъ море въ пламени заката...

* * *

Море нивъ надъ бездною морскою,
А надъ ними блещетъ море неба!..
Сколько свѣта, красоты и хлѣба!..
Отчего-же вѣетъ здѣсь тоскою?!

* * *

Гдѣ-же люди?!.. Сумрачны, понуры,
Вотъ они,—работаютъ и бродятъ...
Словно зори здѣсь и не восходятъ,
Словно волны моря вѣчно хмуры!

* * *

Словно здѣсь исторія пятою
Все живое въ людяхъ подавила,
Словно грубо надругалась сила
Надъ добромъ, надъ истиной святою;

* * *

Словно нѣтъ отцовъ, и женъ, и братій,
Нивъ родимыхъ, орошенныхъ потомъ,
Словно люди здѣсь подъ тяжкимъ гнетомъ
Роковыхъ, таинственныхъ проклятій!..

II.

Alte Geschichte.

Всталъ зубчатою стѣною
Вдоль залива хвойный лѣсъ;
Облегаютъ сводъ небесъ
Тучи сѣрой пеленою.

Мрачно море... Лишь вдали
Прорвался закатъ плѣненный:
Какъ по стали вороненой
Струйки крови потекли...

Все багрянѣй, ярче краски
Пламенѣющей зари!..
Корабли-богатыри
Битвы съ моремъ ждутъ, какъ ласки;

Распустили паруса—
И полны надеждой смутной,
Что проснется вѣтръ попутный,
Чуть померкнутъ небеса...

Догораетъ лучъ заката...
Смерклось... Крѣпнетъ вѣтерокъ...
Ропщетъ явственнѣй потокъ
Волнъ съ каймой бѣлесоватой...

Вотъ ужь пѣною сѣдой
Кое-гдѣ сверкаетъ море...
Закипаетъ въ сердцѣ горе
У рыбачки молодой...

Лишь она, да злая бездна
Сна не знаютъ въ этотъ часъ;
Въ сердцѣ свѣтъ надеждъ угасъ—
И, какъ ночь, оно беззвѣздно!..

Разметались волоса—
И заплаканныя очи
Смотрятъ въ даль, гдѣ дымка ночи
Охватила паруса...

О, храни ихъ, Промыслъ Божій,
Усмири пучину водъ!..
Тамъ въ безвѣстный край плыветъ
Чужеземецъ смуглокожій...

III.

Удріасъ.

Море—что зеркало!.. Гордыя бури забыты...
Трудно повѣрить въ возможность мятежной, неистовой
бури!..
Словно по мрамору жилки,—по ясному своду лазури
Тучки перистыя тонкимъ узоромъ развиты...

Берегъ извилистый врѣзался въ синее лоно
Гребнемъ высокихъ утесовъ—и зелень виситъ по об-
рывамъ,
Яркая, свѣжая зелень... И вѣтеръ безсильнымъ порывомъ
Зыблетъ боярышникъ, шепчется съ листьями клена...

Солнце торжественно съ горняго блещетъ чертога,
Свѣтомъ златымъ заливая, какъ будто потоками счастья,
Скалы и небо, и море, забывшія гнѣвъ и ненастье...
Всюду безмолвіе... Въ сердцѣ уснула тревога...

Всюду безмолвіе... Нѣтъ! Тишина не повсюду!
Издали смутные всплески, безсвязныя рѣчи несутся:
Тамъ, подъ обрывомъ, запѣнясь, струи безпокойныя
бьются,
Нѣжатъ лобзаньями камни, холодную груду...

Въ сердцѣ безмолвіе... Нѣтъ! Хоть и лаской согрѣто
Счастія солнцу повѣривъ, отдавшись лазурной на-
деждѣ,—
Сердце тревожнымъ и жгучимъ вопросамъ подвластно,
какъ прежде,
Сердце безумное тщетно все жаждетъ отвѣта!..

IV.

Германъ Тростъ.

Кузнецъ и фермеръ Германъ Тростъ
На видъ—портретъ фламандской школы.
Взглядъ сѣрыхъ глазъ спокоенъ, простъ,
Станъ бодръ и прямъ, кулакъ тяжелый...

Бѣлѣй, чѣмъ снѣгъ, воротнички,
Тая упрямство подбородка,
Закрыли чуть не полъ-щеки...
Степенна, медленна походка,

Степенна, медленна и рѣчь:
Старикъ болтать не любитъ вздора!
Слова и деньги онъ беречь
Рѣшилъ отъ сплетника и вора.

Не дастъ онъ денегъ даже въ ростъ:
Въ такихъ дѣлахъ не любитъ риска—
И самъ безъ долгу Германъ Тростъ;
Вовѣкъ не лгалъ: слова—росписка!

И этой честностью гордясь
И тѣмъ, что родомъ иностранецъ,—
За безшабашность, ложь и грязь
Онъ презираетъ русскихъ пьяницъ;

Предпочитаетъ онъ тупыхъ,
Нуждою вышколенныхъ чухонъ,—
И радъ онъ быть въ чести у нихъ;
Но къ ложной суетности глухъ онъ,

Въ немъ страсть къ отличьямъ не горитъ:
Молодцовато-гордымъ тономъ,
Не безъ презрѣнья говоритъ
Онъ съ промотавшимся барономъ.

А тѣмъ, кто мудръ и сердцемъ простъ,—
Порой, мигнувъ глазкомъ лучистымъ,
Не-прочь повѣдать Германъ Тростъ,
Что былъ и онъ контрабандистомъ!..

МИГЪ.

Въ этомъ паркѣ, мглой одѣтомъ,
Ароматной, свѣжей мглой,
И залитомъ луннымъ свѣтомъ,
    Мы одни съ тобой...

Вѣтерокъ въ листвѣ росистой
То зашепчетъ, то замретъ...
Легкой зыбью серебристой
    Блещетъ лоно водъ...

И надъ озеромъ,—лѣнивы,
Томной нѣгою полны,
Всѣ въ слезахъ,—внимаютъ ивы
    Лепету волны.

Всюду трепетъ сладострастья!..
Чтò за рама намъ дана
Для картинъ любви и счастья!..
    Что же ты грустна?!.

Счастья-ль краткаго измѣну
Ты извѣдала? Скажи!
Знаешь клятвамъ страстнымъ цѣну
И невольной лжи?

Ты боишься, другъ мой бѣдный,
Что любви самообманъ
Отлетитъ, какъ сонъ безслѣдный,
Какъ ночной туманъ?

Не страшись! Не все равно ли,—
Мигъ иль вѣчность?! Міръ влюбленъ!
Вѣчность—мигъ любви на волѣ,
Жизнь—минутный сонъ!..

КЪ МУЗѢ.

Не бойся, муза! нѣтъ!.. Я пылокъ, но не грубъ!
Я буду жалокъ, нѣмъ и холоденъ, какъ трупъ,
Иль самого себя я прокляну, тоскуя,—
Но вѣрь: насиліемъ тебя не привлеку я
Къ завѣтному столу, въ свой мирный уголокъ,
И не заставлю я тебя, мою богиню,
Работать на меня, какъ черную рабыню!
Безумецъ иль торгашъ бываетъ столь жестокъ!
И съ грустью вижу я порой, какъ литераторъ
(Такіе въ меньшинствѣ: пока спасаетъ Богъ!)
Становится къ тебѣ жестокимъ, какъ плантаторъ:
Затащитъ въ кабинетъ и тамъ,—какой позоръ!—
Хватаетъ за̀ руку, до боли стиснувъ пальцы,
И, повелительный въ тебя вперяя взоръ,
Сажаетъ подбирать причудливый узоръ,
Какъ вышивальщицу смиренную за пяльцы,—
Узоръ изъ тонкихъ чувствъ, блестящихъ, яркихъ словъ,—
И риѳмы нанизать, какъ свѣтлый рядъ жемчужинъ
На радугу живыхъ, ласкающихъ шелковъ...

Не ты ему нужна,—металлъ презрѣнный нуженъ!
Конечно, какъ и всѣ, металлу я не врагъ,—
Но ты, прекрасная, дороже мнѣ всѣхъ благъ,
Я для тебя живу! Какъ школьникъ жаждетъ лѣта,—
Я буду ждать тебя, ждать твоего привѣта—
И наглымъ приступомъ тебя не оскорблю:
Во-первыхъ, потому что я тебя люблю,
А во-вторыхъ... прости, я выражаюсь прямо:
Хотя богиня ты, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты... дама!
Я старой школы сынъ—и даму покорить
Подчасъ и я не прочь, но съ нею ни хитрить,
Ни быть невѣжливымъ, по-моему, не надо:
Взаимность—вольный даръ,—не призъ и не награда!
Любовь—созвучіе, ласкающій аккордъ!
И я, какъ трубадуръ, влюбленъ въ тебя, но гордъ!
Я знаю: ты сама слетишь съ высотъ лазурныхъ,
Неслышною стопой сама придешь ко мнѣ.
Но, прежде чѣмъ вкусить любви порывовъ бурныхъ,—
Согласная на все, но лишь наединѣ,—
Пуглива какъ раба, какъ женщина пытлива,
Ты взглянешь: нѣтъ ли тѣхъ, на бѣдную печать
Кто любитъ налагать молчанія печать...
Ихъ, слава Богу, нѣтъ!.. И ты во мракѣ ночи
Разскажешь мнѣ сперва, чьи горько плачутъ очи,
Кто счастьемъ обойденъ, какъ мачихою злой,
Кто,—жертва дикихъ бурь,—въ житейскомъ морѣ тонетъ,
Кто обманулъ людей и кто людьми не понятъ;
Шепнешь, въ кого пора, какъ жгучею стрѣлой,
Метнуть отравленной риѳмованной насмѣшкой
И въ чьей тѣни душа могла бы отдохнуть...
И я задумаюсь... Ты вымолвишь:—«Не мѣшкай!

«И не оглянешься, какъ я въ обратный путь
«Сбираться стану вновь! Свиданья часъ недо̀логъ:
«Чуть ясная заря подыметъ ночи пологъ,—
«Проснется будничный невыносимый шумъ
«И лиру заглушитъ... Воздушный замокъ думъ
«Растаетъ маревомъ вдали неуловимо,
«Исчезнетъ легкою, безслѣдной струйкой дыма!..»
Обнимешь ты меня—и я затрепещу,
И лихорадочно цѣвницу я схвачу:
Забывъ хвалу и брань,—о томъ спою свободно,
Что дорого тебѣ, а не другимъ угодно!..

---

* * *

«*Вчера*» прошло, а «*завтра*» не настало,
«*Сегодня*» — мигъ! чрезъ мигъ его не стало!
Нашъ путь земной — натянутый канатъ,
А съ двухъ сторонъ двѣ пропасти лежатъ!
Тѣ пропасти — минувшее съ грядущимъ...
Мы, внявъ судьбы велѣньямъ всемогущимъ,
Идемъ... и всѣхъ одна волнуетъ страсть,
Одна мечта: въ грядущее упасть,
Подольше не входить во мглу и тишь забвенья,
Какъ будто сто вѣковъ — не то же, что̀ мгновенья?!..

ВО ТЬМѢ.

(Посв. В. А. Гольцеву).

Темнѣе все становится вокругъ
И все сильнѣе въ сердцѣ жажда свѣта...
И гложетъ мысль меня: что̀, если вдругъ
Все кончено... погибло... пѣсня спѣта?!

Ужели всѣ благія сѣмена
Прохожими растоптаны нещадно,
Сгубили все волчецъ и бѣлена,
Иль стаи птицъ все расклевали жадно?

Ужели все, на что такъ много силъ
Потрачено и муки благородной, —
Все рокъ слѣпой, все глупый рокъ скосилъ
Своей косой блестящей и холодной?

И не придти цвѣтамъ на пиръ весны,
И озими не зеленѣть отнынѣ?
Ни пѣсни звукъ, ни вольный плескъ волны
Не оживитъ, не воскреситъ пустыни?

О, нѣтъ, не вѣрю! Нѣтъ, не можетъ быть,
Не смерть пришла, — лишь сонъ въ цѣпяхъ молчанья;
Навѣкъ нельзя минувшаго забыть,
Нельзя впередъ глядѣть безъ упованья!

Скорбитъ мой духъ, непобѣжденный сномъ, —
А тотъ не умеръ, въ комъ жива тревога.
Она кипитъ — и не во мнѣ одномъ, —
Я не одинъ: я чувствую, насъ много...

Невидимо горятъ надеждъ огни,
Но ихъ семья не вѣчной мглой одѣта:
Придетъ пора — и выглянутъ они,
Предвѣстники багрянаго разсвѣта!..

БАЛТІЙСКІЕ ОЧЕРКИ.

V.

Баронъ.

Барона Толлертагъ-фонъ-Шнеке
Въ мѣстечкѣ трусятъ, какъ чумы:
Все въ этомъ странномъ человѣкѣ
Страшитъ степенные умы.

Баронъ красивъ, но непріятенъ:
Цыганскій въ немъ оттѣнокъ есть;
Въ дѣлахъ совсѣмъ неаккуратенъ,
Не прочь, хоть трусъ, на ссору лѣзть.

Его дѣла не въ авантажѣ, —
Но кто проникнетъ въ ихъ секретъ?!
Сегодня — въ пышномъ экипажѣ,
А завтра — корки хлѣба нѣтъ!..

*

Онъ весь какой-то ненадежный!..
Оракулъ здѣшній, — фрейлейнъ Штрикъ, —
Плететъ, что онъ баронъ подложный...
Ахъ, фрейлейнъ Штрикъ — презлой языкъ!..

Нѣтъ, есть баронскія въ немъ страсти.
Такъ, напримѣръ, онъ одержимъ
Неутолимой жаждой власти...
Но тяготѣетъ рокъ надъ нимъ!..

Онъ въ Дерптѣ пиво пилъ лѣтъ восемь,
Потомъ былъ юнкеромъ; затѣмъ
Служилъ въ полиціи... но бросимъ
Стезю неловкихъ, скользкихъ темъ!..

Онъ устраненъ... Что было мило,
То стало мукой для него —
И жаждетъ стать онъ «у кормила»
Хоть средь мѣстечка своего.

Кругомъ разбоевъ нѣтъ, все тихо, —
А онъ, взявъ пса, двухъ кучеровъ,
Верхомъ все ночью рыщетъ, лихо
Гоняя... призраки воровъ...

Въ проказахъ дикихъ онъ искусенъ...
Откуда въ немъ весь этотъ вздоръ?!..
Нелестенъ нѣмцевъ приговоръ:
«Die Mutter war ja eine Russin!..» *)

---

*) «Вѣдь его мать была русская!..»

VI.

Фрейгерръ.

Прекрасна мыза Леммергофъ!
Домъ въ старомъ стилѣ, съ мезониномъ,
Ограждена высокимъ тыномъ
Усадьба, словно отъ враговъ;

Чудесный садъ плѣняетъ тѣнью
Разбитыхъ правильно аллей,
Украшенъ группой тополей,
Жасминомъ, розами, сиренью...

Кругомъ — богатство, благодать!
Хозяйство — въ видѣ образцовомъ.
Траву — не то, чтобы коровамъ,
А людямъ въ пищу можно дать.

Съ болотомъ, съ почвою песчаной
Не мало было тутъ борьбы...
«Да, все трудилися рабы!»
Читатель скажетъ мнѣ гуманный.

Пусть такъ! — Но здѣсь и батраки
Живутъ прилично, словно баре:
Любой — чуть не въ сюртучной парѣ,
И для носовъ тутъ есть платки.

Культурно все: заводъ съ больницей,
Дороги, школа — первый сортъ!
Взглянувъ, ругнешься: — «Фу ты, чортъ!
«Ужели я не за-границей?!..»

Фрейгерръ, дожившій до сѣдинъ, —
Владѣлецъ мызы, — чтимъ въ народѣ.
Въ буквальномъ русскомъ переводѣ,
Freiherr — свободный господинъ.

Когда въ Москвѣ сажали въ клѣтки
И били знатныхъ лицъ кнутомъ, —
На волѣ, съ гѐрбовымъ щитомъ
Гуляли фрейгерровы предки,

Охотой тѣшились, войной,
Иль промышляли, — мы не скроемъ, —
Обыкновеннѣйшимъ разбоемъ...
Теперь — порядокъ здѣсь иной.

Трудомъ занявшись плодотворнымъ,
Фрейгерръ — практичнѣйшій лэндлордъ.
Не служитъ онъ — и этимъ гордъ,
Но гордъ и званіемъ придворнымъ!..

Не посѣщаетъ онъ столицъ:
Въ Москвѣ — противный духъ Каткова,
Все въ Петербургѣ безтолково,
«На сценѣ» много «новыхъ» лицъ!..

Онъ пререкается съ властями
И за традиціи стоитъ, —
Но вѣжливъ: даже говоритъ
По-русски съ русскими гостями...

Но ихъ немного: разъ лѣтъ въ пять
Заглянетъ русскій изъ столицы —

И погостить, — чтобъ небылицы
Потомъ о фрейгеррѣ болтать.

Примѣрно: фрейгерръ скупъ немного, —
А гость кричитъ: «Онъ страшно скупъ!
«Тамъ изъ воронъ варили супъ!
«Я чуть не умеръ тамъ, ей-Богу!..»

VII.

Страстотерпецъ.

Скоро свѣту, знать, конецъ:
Въ басурманской Колывани *)
Чашу горькую страданій
Москворѣцкій пьетъ купецъ.

Исповѣдовалъ онъ твердо:
«Не обманешь, — не продашь...»
Нѣмцы взъѣлись — и шабашъ!..
Онъ выноситъ муки гордо.

Соплеменники ему,
Съ разрѣшенья строгой власти,
Утѣшенія и сласти
Носятъ изрѣдка въ тюрьму.

На вопросъ: «Въ халатикъ сѣрый
«Ты за чтó же облеченъ?» —
Съ тихимъ вздохомъ молвитъ онъ:
«Знáмо, — я не здѣшней вѣры!..»

---

*) Колывань—древнерусское имя Ревеля.

VIII.

Пасторъ.

Студентомъ будучи, теперешній пастóръ
Herr Buttermann давалъ страстямъ своимъ просторъ:
Онъ игнорировалъ существованье Бога,
Любилъ рапирный бой и выпить могъ премного;
Шалилъ онъ съ дамами и даже не избѣгъ
Зловреднѣйшихъ идей! Твердилъ онъ часто пьяный:
— «Н-ну да!.. я богословъ!.. Но вѣрьте: человѣкъ,
«Клянусь Гамбринусомъ, — потомокъ обезьяны!..»
Взрывъ хохота бывалъ наградой этихъ словъ...
Окончивъ полный курсъ, назначенъ богословъ
Въ Курляндію — и тамъ, обычаю послушенъ,
Онъ былъ къ религіи... довольно равнодушенъ:
Завелъ онъ рѣдкостныхъ охотничьихъ собакъ
И цѣлый арсеналъ; ни мало не келейно
Игралъ въ ландскнехтъ и штоссъ, покуривалъ табакъ
И быстро сталъ полнѣть отъ пива и рейнвейна...
Но паствой былъ любимъ, — за то, что былъ не-прочь
И правду отстоять, и ближнему помочь,
Хоть и глядѣлъ на міръ сквозь узенькую призму.
Спокойное житье, среда, реальный вѣкъ,
Конечно, въ томъ виной, что этотъ человѣкъ
Немного склонности питалъ къ идеализму...
Но вотъ, прошло лѣтъ пять... И двумъ его друзьямъ
Взбрело на умъ взглянуть, что дѣлаетъ онъ тамъ;
Одинъ былъ докторомъ, другой студентомъ вѣчнымъ.
Житьемъ пріятеля, веселымъ и безпечнымъ,
Они недѣльки двѣ надѣялись пожить,

Припомнить шалости и... повторить ихъ даже!..
Пріѣхали. Стучать: нельзя ли доложить?!
— «Онъ въ киркѣ!» былъ отвѣтъ... — «Ну что-жъ?
И мы туда же!»
И пò полю пошли коллеги въ Божій домъ;
Войдя-жъ, — очамъ своимъ повѣрили съ трудомъ:
Пасторъ на каѳедрѣ... Пророческое что-то
Горитъ въ его глазахъ, лирическія ноты
Звучатъ изъ устъ его!.. Высокія слова
Вливаются въ сердца безмолвнымъ прихожанамъ:
— «Блаженъ, кто сердцемъ чистъ и вѣра въ комъ
жива,
«Въ комъ духъ не усыпленъ пустымъ самообманомъ!
«Кто вѣритъ въ Истину, — не въ мертвенный обрядъ!
«Не усыпляйте душъ! Пусть вѣчно въ нихъ царятъ
«Стремленья чистыя, какъ солнце надъ туманомъ!
«Въ чьемъ сердцѣ свѣтъ любви, лучъ вѣры не погасъ, —
«Трудиться долженъ тотъ, трудиться каждый часъ,
«На благо ближнему, во славу Божьей нивѣ!...»
. . . .
—«Да ты миссіонеръ!»—въ восторженномъ порывѣ
Пастору молвили друзья наединѣ,
Идя съ нимъ завтракать въ его уютный домикъ.
—«Убить матерьялизмъ способенъ ты во мнѣ!»
Продолжилъ юный врачъ, неисправимый комикъ:
—«Мы ѣхали къ тебѣ охотиться! Въ лѣса!
«Пить пиво, шнапсъ — и вдругъ!.. такія чудеса!!.
—«Не время; господа!» — качая головою,
Хотѣлъ прервать пастòръ, — но докторъ былъ упрямъ
И закричалъ: «Herr — Je! Что сдѣлалось съ тобою?
«Какъ гусеница, ты доволенъ былъ землею—

VIII.

Пасторъ.

Студентомъ будучи, теперешній пасторъ
Herr Buttermann давалъ страстямъ своимъ просторъ:
Онъ игнорировалъ существованье Бога,
Любилъ рапирный бой и выпить могъ премного;
Шалилъ онъ съ дамами и даже не избѣгъ
Зловреднѣйшихъ идей! Твердилъ онъ часто пьяный:
— «Н-ну да!.. я богословъ!.. Но вѣрьте: человѣкъ,
Клянусь Гамбринусомъ, — потомокъ обезьяны!..»
Взрывъ хохота бывалъ наградой этихъ словъ...
Окончивъ полный курсъ, назначенъ богословъ
Въ Курляндію — и тамъ, обычаю послушенъ,
Онъ былъ къ религіи... довольно равнодушенъ:
Завелъ онъ рѣдкостныхъ охотничьихъ собакъ
И цѣлый арсеналъ; ни мало не келейно
Игралъ въ ландскнехтъ и штоссъ, покуривалъ табакъ
И быстро сталъ полнѣть отъ пива и рейнвейна...
Но паствой былъ любимъ, — за то, что былъ не-прочь
И правду отстоять, и ближнему помочь,
Хоть и глядѣлъ на міръ сквозь узенькую призму.
Спокойное житье, среда, реальный вѣкъ,
Конечно, въ томъ виной, что этотъ человѣкъ
Немного склонности питалъ къ идеализму...
Но вотъ, прошло лѣтъ пять... И двумъ его друзьямъ
Взбрело на умъ взглянуть, что дѣлаетъ онъ тамъ;
Одинъ былъ докторомъ, другой студентомъ вѣчнымъ,
[illegible] веселымъ и безпечнымъ,
[illegible]

Припомнить шалости и... повторить ихъ даже!..
Пріѣхали. Стучатъ: нельзя ли доложить?!
— «Онъ въ киркѣ!» былъ отвѣтъ... — «Ну что-жъ!
И мы туда же!»
И по̀ полю пошли коллеги въ Божій домъ;
Войдя-жъ,— очамъ своимъ повѣрили съ трудомъ:
Пасторъ на каѳедрѣ... Пророческое что-то
Горитъ въ его глазахъ, лирическія ноты
Звучатъ изъ устъ его!.. Высокія слова
Вливаются въ сердца безмолвнымъ [illegible]:
— «Блаженъ, кто сердцемъ чистъ и вѣра въ немъ жива,
«Въ комъ духъ не усыпленъ пустымъ [illegible]
«Кто вѣритъ въ Истину,— не въ мертвенный [illegible]
«Не усыпляйте душъ! Пусть вѣчно въ нихъ [illegible]
«Стремленья чистыя, какъ солнце [illegible]
«Въ чьемъ сердцѣ свѣтъ любви, лучъ вѣры не погасъ—
«Трудиться долженъ тотъ, трудиться каждый часъ,
«На благо ближнему, во славу Божьей [illegible]...»

. . . .

—«Да ты миссіонеръ!»—въ восторженномъ [illegible]
Пастору молвили друзья наединѣ,
Идя съ нимъ завтракать въ его уютный [illegible]
—«Убить матерьялизмъ способенъ ты [illegible]
Продолжилъ юный врачъ, [illegible]
—«Мы ѣхали къ тебѣ охотиться! Въ [illegible]
Пить пиво, шнапсъ— и вдругъ!.. [illegible]
—«Но время, господа!»— качая [illegible]
Хотѣлъ прервать пасторъ,— но докторъ [illegible]
И закричалъ: «Нѣтъ— Ja! Что [illegible]
«Какъ [illegible]
[illegible]

«И вдругъ, ставъ мотылькомъ, стремишься къ небесамъ!»
Пасторъ, вопросъ друзей оставя безъ отвѣта,
Простеръ лишь руку въ даль, гдѣ... новый русскій храмъ
Горѣлъ въ златыхъ лучахъ полуденнаго свѣта...

ПОЭТЪ «ЗАБЫТЫХЪ СЛОВЪ».

(Посв. А. М. Жемчужникову).

Пришли глухія времена,
Все захлестнула съ дикимъ ревомъ,
Все смыла въ натискѣ суровомъ
Разврата мутная волна...

И правда трепетомъ объята,
Наглѣе роскошь, ярче ложь!..
Вездѣ, у всѣхъ—одно и то-жь
Лицо понтійскаго Пилата...

Кàкъ тѣ состарилися вдругъ,
Что были юны такъ недавно!
Что ихъ низвергло такъ безславно?!
Какой разсчетъ? Какой испугъ?

Что совершило перемѣну?
Тотъ рабъ, кто былъ богатыремъ!—
Вновь человѣка съ фонаремъ
Искать пришлось бы Діогену.

Но чу!.. Не грома ли раскатъ,
Не моря-ль слышатся буруны?
То негодующія струны
Звенятъ... рокочутъ... говорятъ...

Пѣвецъ, объятый вдохновеньемъ,
Пророкъ вступилъ въ свои права—
И шлетъ *забытыя слова*
Въ улику падшимъ поколѣньямъ.

Съ тѣхъ дней, когда живымъ огнемъ
Его душа зажглась впервые,—
Страстей волненья роковыя
Не затемняли правды въ немъ.

Года промчались за годами—
И въ серебрѣ своихъ сѣдинъ
Блеститъ пѣвецъ, какъ исполинъ
Утесъ—нетающими льдами.

Все ближе ночь... Объяты мы
Густымъ клубящимся туманомъ...
Лишь *онъ* горитъ лучемъ багрянымъ
И гордо смотритъ въ бездну тьмы!..

ДЖИМЪ И ДЖОНЪ.

(БРИТАНСКАЯ БАЛЛАДА).

Толстый Джимъ и длинный Джонъ—
Силачи, борцы, боксеры.
Каждый славой окруженъ,
У обоихъ блещутъ взоры.

***

Въ Эдинбургѣ толстый Джимъ,
А въ столицѣ Альбіона
Неизмѣнно всѣми чтимъ
Ростъ огромнѣйшаго Джона.

***

Духомъ спорта одержимъ
Людъ въ тавернахъ шумныхъ Сити:
Интереснѣй Джонъ и Джимъ
Политическихъ событій!

***

Исходили всю страну,
Ко всеобщему экстазу,
Силачи, набивъ мошну,—
Но не встрѣтились ни разу!

***

Да! не видѣлъ Джима Джонъ—
И влечетъ неудержимо
Джона въ край, гдѣ окруженъ
Славой вѣсъ немалый Джима.

* * *

Лавки, площади, печать,—
Все полнȍ великой вѣстью:
Джима хочетъ развѣнчать
Джонъ,—иль самъ погибнуть съ честью.

* * *

Джимъ боится—и женѣ
Говоритъ съ тяжелымъ вздохомъ:
— «Маргарета! страшно мнѣ!»—
— «Какъ?! предъ этимъ скоморохомъ?!.

* * *

«Только слушайся меня—
«И побѣда за тобою!»
Черезъ три-четыре дня
Джонъ вошелъ, готовый къ бою.

* * *

«Дома Джимъ?!. Я—длинный Джонъ!»
Онъ промолвилъ Маргаретѣ.
— «Джимми въ гости приглашенъ
«И вернется на разсвѣтѣ.

* * *

«Если хочешь,—подожди:
«Ты сюда явился кстати!
«Но смотри, не разбуди
«Бэби нашего въ кровати!

* * *

«Ты потише говори!
«Проболѣлъ онъ двѣ недѣли!..»
— «Бэби?! Гдѣ?!»—«Да вотъ! Смотри!..»
— «Въ трехъаршинной колыбели?!..»

***

Джонъ взглянулъ—и задрожалъ:
Подрумяненный и бритый,
Въ колыбели той... лежалъ
Джимъ, пеленками обвитый!..

***

— «Мальчикъ?! Много ли годковъ?!..»
— «Девять мѣсяцевъ малюткѣ!..»
— «Эге-ге! Коль сынъ таковъ,—
«То съ папашей плохи шутки!»

***

Спохватился длинный Джонъ,
Джонъ, исполненный тревоги:
«Лѣзть не стоитъ на рожонъ!..»
И скорѣй—давай Богъ ноги!..

СТАНСЫ.

Прости, родная, мигъ печали—
И вѣрь: любовь моя жива!
 Ее не развѣнчали
 Сомнѣнія слова!

***

Она всесильна! Ей, какъ дань, я
Несу,—невольникъ красоты,—
 Завѣтныя желанья,
 И пѣсни, и мечты!

***

Но этотъ міръ унылый тѣсенъ;
Я рвусь изъ тьмы его ночей
 Въ предѣлъ немолчныхъ пѣсенъ,
 Негаснущихъ лучей!

***

— И тамъ любовь,—любовь иная!
Какъ мысль предвѣчная Творца,
 Она царитъ, не зная
 Начала и конца!

***

Я къ ней стремлюсь духовнымъ взглядомъ
И страсть мнѣ кажется порой
Безсмысленнымъ обрядомъ,
Обманчивой игрой!..

***

Но вновь волнуясь и сгарая,
Охваченъ страстью черезъ мигъ,
Я вижу отблескъ рая
Въ лазури глазъ твоихъ!

***

И вновь таинственныя звенья
Связуютъ правду съ красотой,
Земныя вожделѣнья
Съ небесною мечтой!

ГНѢВЪ.

Не замѣтилъ я, какъ юность отцвѣла,
Какъ любовь воспоминаньемъ стала,
Какъ мечту мою, что въ небесахъ витала,
Охватила мертвенная мгла!..

Не замѣтилъ я, покинутый друзьями,
Какъ я сталъ въ день скорби одинокъ!
Море жизни бьетъ въ убогій мой челнокъ,
Яро плещетъ мутными струями!..

Обезкрыленный, печальный и больной,
Жду я смерти,—смерти жду иль чуда!..
Но не сдамся я нечестію, покуда
Гнѣвъ святой, завѣтный гнѣвъ со мной!

Равнодушіе презрѣнное не смѣетъ
Въ храмъ души змѣею заползти:
Мечъ архангела закрылъ туда пути!
Гнѣва мечъ разитъ и пламенѣетъ!..

Чѣмъ наглѣй шумитъ неправды торжество,
Чѣмъ тяжéлѣ, гуще мракъ унылый,
— О! тѣмъ пламеннѣй мой гнѣвъ, источникъ силы,
Гнѣвъ-хранитель сердца моего!

Сердцу шепчетъ онъ чуть слышно: «Ты устало?!
«О, повѣрь, не вѣчна эта мгла!
«Кто сказалъ тебѣ, что юность отцвѣла,
«Что любовь воспоминаньемъ стала?!..»

ТРЯСОГУЗКА.

I.

Разыгралась буря-непогодушка,
Надъ дубравой темной разразилася.
Гдѣ прошла—дубы лежатъ столѣтніе,
Переломлены березоньки кудрявыя,
Прилегли къ землѣ кусты орѣшины...
По башкѣ медвѣдя громомъ треснуло:
Опоздавши былъ съ охоты Мишенька,
Не дошелъ медвѣдь до мѣстожительства,
Громомъ треснуло—хоть панихиду правь!..

II.

Не убила буря трясогузочку,
Бѣлобрюшку—птичку полосатую;
И сперва пичужка пріужáхнулась,
А потомъ гораздо возгордилася—
И пошла нести—хвостомъ трясти:
«Не страшна мнѣ буря—хлябь небесная!

«Сколько, вишь, бѣды въ лѣсу надѣлала!
«Повалила цѣльное медвѣдище,
«Повалила вὸ-каку огромину,—
«А меня и тронуть побояласяǃ..
«Знать, судьба мнѣ быть великой барыней,
«Безъ опаски всюду проклажатися!
«Знать, судьба мнѣ міру быть заступницей!..»

III.

А пока она несла—хвостомъ трясла,
Что несла — хвостомъ трясла, бахвалилась,
Надъ ручьемъ гулять себѣ изволила,—
Вдругъ настала темень непроглядная:
То вдругὸрядь тучи понадвинулись,
Наливныя, черныя, косматыя!..
Понависли низко надъ дубравушкой:
Ну вотъ-вотъ за сосны суховерхія
Наливныя тученьки зацѣпятся,
Ну вотъ-вотъ все небо нá-земь брякнется,—
А какъ брякнется—тогда аминь всему!..
Тутъ за міръ вступилась трясогузочка,
Возлегла на спинку полосатую,
Ножки-крошки къ небу оттопырила:
Значитъ, нѣтъ на то ея согласія,
Чтобы зря на землю небо падало!
Не попуститъ, вверхъ упрется ножками!..

IV.

Услыхалъ тѣ рѣчи старый воробей,
Сидючи въ кустѣ большомъ, напыжившись,

Воробушко пуганый да стрѣляный....
Слово птичкѣ молвилъ онъ степенное:
«Эхъ, напрасно, тетка, ты куражишься,
«Задираешь носикъ понапрасному,
«Искушаешь ты свово Создателя!
«Небеса-то нà землю не свалятся,—
«А вотъ крыса изъ ручья повылѣзетъ,
«Водяная крыса, темнобурая!
«У нея, вѣдь, носъ—что у подъячаго,
«Злые буркалы—что у сыскныхъ людей,
«А ужь брюхо—безо всякой совѣсти:
«Что завидитъ—безпремѣнно слопаетъ!..»

V.

Какъ тутъ вскочитъ птичка-трясогузочка!
Ну бѣжать скорѣй, куда глаза глядятъ,
Утекаючи несетъ—хвостомъ трясетъ:
«Тридцать разъ пусть нà-земь небо свалится!
«Пропадайте всѣ тутъ вмѣстѣ прòпадомъ,—
«Лишь бы крыса-то меня не слопала!..»

* * *

Глаза твои — лазурныя загадки!
Ищу я въ нихъ судьбы своей рѣшенья —
И мнѣ равно мучительны и сладки
И рай надеждъ и адъ сомнѣнья...

* * *

Едва мечтой я поднимусь отъ праха
До высоты, гдѣ солнце счастья блещетъ,
И робко внизъ я кину взглядъ,—отъ страха
Безумно сердце затрепещетъ!

* * *

И, въ тяжкой мглѣ сомнѣній цѣпенѣя,
Отрадный лучъ я вижу сквозь ненастье:
Свою любовь я чувствую сильнѣе —
И въ этомъ счастье, бездна счастья!..

* * *

Въ томъ сочетаньи, сердцу лишь понятномъ,
Трепещетъ жизнь, таится обаянье!
Въ той смѣнѣ чувствъ, какъ въ небѣ необъятномъ,
— И тьма ночей, и зорь сіянье!..

ЖЕНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

10.

Тихій омутъ.

Свободно дышетъ грудь... Спокоенъ, ясенъ взоръ,
Чело безоблачно... Съ улыбкою привѣта,
Давно привычная къ приличьямъ строгимъ свѣта,
Она ведетъ пустой, шутливый разговоръ;
Чужда тревогъ любви, на видъ она безстрастна,
Радушна и мила со всѣми наравнѣ...
На видъ... Но знаю: тамъ, въ сердечной глубинѣ,
Безмолвно дремлетъ страсть... Она проснется, властно,
Побѣдно рѣчь ея нежданно прозвенитъ!
Она размечетъ все, она все то разрушитъ,
Чтò сердце пылкое въ груди гнететъ и душитъ,
Чтò кровь кипучую дыханьемъ леденитъ!..
Я знаю, будетъ такъ! Для всѣхъ неуловимо
Порой чуть блещетъ взглядъ зарницами тревогъ....
Въ немъ сердцемъ я прочелъ: часъ бури недалекъ;
Она придетъ, грозна, придетъ, неотразима!..

Порой такъ на морѣ спокойствіе царитъ:
Сіяютъ небеса прозрачно-голубыя,
Едва колышется лазурная стихія,
Тревожный вѣтеръ, къ ней прильнувши, сладко спитъ...
Но тамъ, но далеко, гдѣ съ бездной небосвода
Просторъ спокойныхъ водъ неуловимо слитъ,
Чуть видно облачко: оно грозу таитъ!
Настанетъ страшный часъ—и грянетъ непогода!

11.

Casta e pura.

Пытливый носъ, ехидный ротъ,
Глаза безцвѣтны, бѣлы брови...
Должно быть, въ жилахъ, вмѣсто крови,
Иное что-нибудь течетъ...

Вся изможденная, сухая,
Тщедушна, плохо сложена...
Вамъ скажутъ всѣ: «Что за жена!
«Какая мать!.. Она святая!..»

Да, вышивать пріятно ей
Ермолку къ мужнему халату;
Она укутываетъ въ вату
Своихъ заморышей-дѣтей;

Ведетъ съ начальствомъ мужа дружбу,
Имѣетъ преданныхъ врачей
И проливаетъ слезъ ручей,
Постомъ внимая въ церкви службу...

Она кротка, чиста душой...
Но странно: ей всегда пріятно
Съ негодованьемъ видѣть пятна
На репутаціи чужой!

И безъ занятія такого
Ей скучно: некого судить!
Подругъ заставить согрѣшить
Она тогда почти готова!

— Потомъ... примѣрная жена
Съ восторгомъ волю дастъ злословью...
А вотъ сама, небось, вѣрна!
...Иль добродѣтельна она
По одному лишь... малокровью?!

12.

Звѣзда Востока.

Взоръ ея очей восточныхъ жгучъ
И румяны чувственныя губы,
Зубы—просто жемчугъ, а не зубы,
Станъ ея и гибокъ, и могучъ;

Ноздри нервны и слегка раздуты,
Дышетъ грудь, вздымаясь, какъ волна...
Эта дама, вѣрно, создана,
Чтобъ любить и... рвать стѣсненій путы?..

Нѣтъ, она,—совсѣмъ наоборотъ,—
Про любовь не станетъ даже слушать!..
— Полежать бы, пожирнѣй покушать,
Да соснуть, конфетку взявши въ ротъ!..

---

*
* *

Заманчивъ торный путь, весь въ блескѣ и цвѣтахъ...
Но строгой истины лучи едва проглянутъ—
И тѣ цвѣты завянутъ,
Мишурныя дѣла разсыплются во прахъ,
Мишурныя хвалы во мглу забвенья канутъ!..

Пусть признано давно завистливой толпой:
— «Кто въ полѣ одинокъ, тотъ не боецъ, не воинъ!»
О, нѣтъ! вѣнца достоинъ,
Кто шествуетъ одинъ нагорною тропой
Къ нетающимъ снѣгамъ, отваженъ и спокоенъ!

Увы! Не часты дни, когда толпа права
И гласомъ Божіимъ бываетъ гласъ народа,
Разумная свобода
Одушевляетъ все, поступки и слова,—
И ей внимаетъ тишь и вторитъ непогода!

Не часты эти дни! Коварная судьба
Не допускаетъ ихъ до полнаго расцвѣта!
Мгновенно пѣснь ихъ спѣта,
Недолго истина гоститъ въ душѣ раба,
Туманна, призрачна, какъ сѣверное лѣто!..

---

*

12.

М

Ми рать

Пу

—

чко.

ВРАЧЪ И ПОЭТЪ.

(Въ альбомъ врачу В. Б. Бертенсону).

Въ безмѣрной благости Творецъ
Далъ смертнымъ два святыхъ удѣла:
Для исцѣленья душъ—пѣвецъ
И врачъ—для немощнаго тѣла.

* * *

Жилося прежде, говорятъ,
Имъ одинаково прилично...
Теперь—одни врачи царятъ,—
Пѣвцовъ же доля... горемычна!

* * *

Виной ли тутъ реальный вѣкъ,
Что ужъ не словъ, а фактовъ хочетъ?
Нѣжнѣй ли тѣломъ человѣкъ,
А о душѣ и не хлопочетъ?

* * *

Поэты-ль сами тутъ виной,
Тѣмъ, что, забывъ о Божьемъ дарѣ,
Всѣ цѣлью заняты одной:
Пещись о бренномъ гонорарѣ?..

* * *

Пѣвцамъ бѣда!.. И замѣчалъ
Не разъ ужь кто-то не безъ злобы,
Что родъ ихъ больно измельчалъ,—
Но расплодились, какъ... микробы!..

* * *

Вездѣ ихъ гонятъ и бранятъ—
И вдругъ!.. нежданно фактъ отрадный:
Въ альбомъ зоветъ ихъ врачъ, какъ братъ
Убогихъ братьевъ въ домъ парадный!

* * *

И о врачѣ теперь пою
Я, залетѣвъ къ нему, какъ птичка...
Но ужь кончается страничка—
И надо кончить пѣснь мою!

* * *

Заштатный врачъ души,

Величко.

ОТДѢЛЪ II

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

ПЕРСИДСКАЯ ПѢСНЯ.

(Посв. М.).

Въ тѣни гранатныхъ
Деревьевъ ароматныхъ
Укрылся я отъ зноя.
Тамъ птички пѣли,
Тамъ ручейки шумѣли
Прозрачною волною...

Сонъ легкокрылый
Неуловимой силой
Сковалъ мнѣ тихо вѣжды;
Въ томъ снѣ глубокомъ
Кровавый дождь потокомъ
Багрилъ мои одежды;

Вонзая жало,
Какъ остріе кинжала,
Вползала въ сердце змѣйка...

ПЕРСИДСКАЯ ПѢСНЯ.

(Посв. М.).

Въ тѣни гранатныхъ
Деревьевъ ароматныхъ
Укрылся я отъ зноя.
Тамъ птички пѣли,
Тамъ ручейки шумѣли
Прозрачною волною...

Сонъ легкокрылый
Неуловимой силой
Сковалъ мнѣ тихо вѣжды;
Въ томъ снѣ глубокомъ
Кровавый дождь потокомъ
Багрилъ мои одежды;

Во [illegible]
Г [illegible]

И въ страхѣ дикомъ
Я пробудился съ крикомъ:
«Любовь моя Зюлейка!..»

Цвѣты съ гранатныхъ
Деревьевъ ароматныхъ
Сдувалъ зефиръ прохладный,
А въ сердцѣ страстномъ
Царилъ, былъ богомъ властнымъ
Твой образъ ненаглядный!..

СВИСТУНЪ.

Безъ денегъ жизнь считая игомъ,
Какой-то праведный мулла
Узналъ по старымъ, пыльнымъ книгамъ,
Кàкъ можно вызвать духа зла...

* * *

Шайтанъ явился... Не безъ страха
Узрѣвъ нечистаго въ тиши,—
Блѣднѣя, молвилъ рабъ Аллаха:
— «Не купишь ли моей души?

* * *

«Душа муллы—вѣдь это важно,
«Вѣдь это... цѣнность!»...—«Для кого?!
«Когда душа твоя продажна,—
«Она—моя и безъ того!..

* * *

«Товаръ сталъ очень плохъ! То древле
«Я покупалъ богатырей!
«А впрочемъ, если подешевле,—
«Изволь! Куплю!.. Пиши скорѣй!..»

* * *

И на свиной проклятой кожѣ
Написанъ кровью договоръ.
Мулла мгновенно сталъ вельможей.
Вокругъ него блестящій дворъ...

* * *

Онъ толстъ, величественъ, нарядѳнъ—
И челядь молвитъ про него:
«Довольно грубъ, тщеславенъ, жаденъ,
«Жестокъ, но... въ общемъ... ничего!..»

* * *

—«О, если такъ,—я овладѣю
«Довольно лакомой душой!»—
Нечистый мыслитъ,—но злодѣю
Барышъ достался небольшой!..

* * *

Вельможа умеръ...—«Уходи-ка,
«Усердный ангелъ, рабъ небесъ!
«Ужь я купилъ его!»... И дико
Захохоталъ довольный бѣсъ!

* * *

«А ты, душа, мой другъ прекрасный,
«Ко мнѣ въ объятія спѣши!..»
Зоветъ онъ, ищетъ—трудъ напрасный:
И нѣтъ, и не было души!..

* * *

Оторопѣвъ при этомъ чудѣ,
Шайтанъ воскликнулъ:—«Экой грѣхъ!
«Однако, нынче что̀ за люди!—
«Ни дать ни взять—пустой орѣхъ!..»

СОВѢТЪ.

Халифъ спросилъ у мудреца:
—«Кого бы мнѣ въ совѣтъ назначить?
«Того-ль, кто склоненъ всѣхъ дурачить,
«Иль неповиннаго глупца?

Старикъ-мудрецъ развелъ руками:
—«Ну, выборъ! Счастливъ ты, ей-ей!
«Бери того, кто похитрѣй!
«Страшнѣй дуракъ: онъ всѣхъ людей
«Способенъ сдѣлать дураками!..»

—«Дуракъ опаснѣй?! почему?!»
—«Да очень просто! Вотъ въ чемъ дѣло:
«Предѣлъ есть хитрости, уму,—
«Лишь нѣтъ у глупости предѣла!..»

ДИВЪ *).

СЪ ПЕРСИДСКАГО.

Въ Большой Байрамъ, великій праздникъ,
Слуга шайтана, хитрый дивъ,
Чалмой рога свои прикрывъ,
Подъ мышку взявъ коверъ-намазникъ **),

* * *

Принявши строгій видъ муллы,—
Въ толпѣ степенно шелъ къ мечети,
Гдѣ правовѣрные, какъ дѣти,
Возносятъ Вышнему хвалы.

* * *

Среди всеобщаго почтенья
(Народъ къ почтенію привыкъ!)
Шелъ дивъ... Какъ вдругъ одинъ старикъ
Былъ уязвленъ змѣей сомнѣнья:

* * *

---

*) Дивъ—злой духъ.

**) Намазникъ—коверъ, на который садятся мусульмане для молитвы.

У старца опытенъ былъ носъ,
Почуялъ сразу запахъ сѣры—
И старецъ молвилъ:—«Свѣточъ вѣры,
«Дозволь задать тебѣ вопросъ!

* * *

«Пойдемъ!..» И, сѣвъ въ тѣни орѣха,
Продолжилъ онъ:—«О, будь правдивъ!
«Ты не мулла,—ты адскій дивъ!..»
А дивъ ужь трясся весь отъ смѣха:

* * *

— «Сразилъ! попалъ не въ бровь, а въ глазъ!
«Да жаль, что опоздалъ ты малость!
«Я дивъ,—а мнѣ пустая шалость—
«Войти въ мечеть, свершить намазъ,

* * *

«Болтать во имя Магомета
«Толпѣ глупцовъ про всякій вздоръ!
«Я примѣнился съ давнихъ поръ
«Къ условьямъ суетнаго свѣта!

* * *

«Въ войскахъ, и въ лавкѣ, и въ судѣ,
«Я, въ соотвѣтственномъ нарядѣ,—
«Паша, торгашъ, продажный кади!
«Вездѣ найдешь меня, вездѣ!

* * *

«Порой, надѣвъ халатъ узорный,
«Я старшимъ визиремъ кажусь;
«Хочу—красоткой наряжусь,
«Женой коварною и вздорной!

* * *

«То прежде былъ я нелюдимъ,
«Дѣтей когда-то мной пугали!
«Теперь—иные дни настали
«И я, какъ видишь, сталъ инымъ!

* * *

«Ужь я утратилъ запахъ сѣры!
«То сѣрой пахнетъ мой нарядъ:
«Его за деньги, на прокатъ
«Далъ мнѣ мулла, далъ свѣточъ вѣры!

* * *

«Ко мнѣ съ прошеньемъ ты сто разъ
«Ходилъ почтительно, со страхомъ!
«Да, чтилъ!..—И въ томъ, клянусь Аллахомъ,
«Вся суть, весь блескъ моихъ проказъ!

* * *

«А превращенія донынѣ
«И не замѣтила толпа!
«Не мудрено: толпа слѣпа!..
«А ты не слѣпъ, но все-жь... разиня!..»

* * *

Сказалъ—и съ хохотомъ исчезъ...
А старецъ думалъ:—«Вотъ такъ диво!
«Куда ни сунься,—встрѣтишь дива,
«Куда ни глянь,—повсюду бѣсъ!

* * *

«А ну, рѣшись-ка я, попробуй
«Сказать, что шейхъ иль визирь—дивъ!
«Будь я, какъ слѣдуетъ, правдивъ,—
«Что сталось бы съ моей особой?!.»

ИГРА ПРИРОДЫ.

Однажды у купца богатаго въ Багдадѣ
Родился первенецъ отъ любящей жены,
— Но горестью отецъ и мать поражены:
У мальчика былъ горбъ и спереди и сзади!..

Потомъ... утѣшились—и имъ въ награду Богъ
Второго сына далъ: стройнѣе минарета,
Бѣлѣй, чѣмъ горный снѣгъ, румянѣе разсвѣта!..
Но много сынъ принесъ имъ бѣдствій и тревогъ!

Старухи-сплетницы рѣшили дружнымъ хоромъ,
Что это дитятко—грѣха, измѣны плодъ!
Купецъ сталъ ревновать—и чуть не цѣлый годъ
Былъ посвященъ слезамъ, допросамъ и раздорамъ.

Оно немудрено: второй былъ такъ красивъ,
А первенецъ, увы!—подобіе верблюда!..
Немножко зная жизнь и отвергая чудо,
Тутъ могъ увидѣть грѣхъ и тотъ, кто не ревнивъ!

Въ безуміи купецъ ужь доходилъ до драки,—
Но спасъ его Аллахъ!—Онъ внялъ словамъ жены:
— «Не сердцу вѣрилъ ты, а лающей собакѣ!
«Какого мнѣнья всѣ, однакожь, тутъ о бракѣ!
«Ужель рождаться въ немъ лишь могутъ горбуны?..»

ИЗЪ КН. А. Р. ЦЕРЕТЕЛИ.

съ грузинскаго.

I.

Народная пѣсня.

На пути нашелъ я самоцвѣтный камень,
На груди я спряталъ камень-самоцвѣтъ.....
Не огнистый камень, то любви былъ пламень,
Что носилъ я въ сердцѣ много, много лѣтъ!..

* * *

Превращенъ въ булыжникъ камень самоцвѣтный,
Стало не подъ силу вдаль нести его:
То любви прекрасной огонекъ завѣтный
Сталъ несносной мукой сердца моего...

* * *

Камень положилъ я на дорогу снова:
Пусть другой счастливецъ тамъ его найдетъ!
Пусть любовь-красотка въ сердцѣ у другаго
Огонькомъ заблещетъ, розой расцвѣтетъ!..

* * *

Капли дождевыя упадутъ на камень,
Капли слезъ горючихъ канутъ на любовь;
Но въ остывшемъ сердцѣ вновь не вспыхнетъ пламень,
Камню блескъ огнистый не вернется вновь...

II.

Улыбка.

Когда я окруженъ, какъ безпросвѣтной тучей,
Враждою, завистью, неправдою людской,
И, духомъ падая, въ тоскѣ сомнѣнья жгучей,
Готовъ смѣнить борьбу на мертвенный покой,—
Припомнить стоитъ мнѣ лишь полную привѣтомъ
Одну улыбку... взглядъ—и снова, какъ Самсонъ,
Я сталъ самимъ собой. На битву съ цѣлымъ свѣтомъ
Я радостно стремлюсь, безстрашенъ и силенъ!..

* * *

Не ласка матери,—источникъ утѣшенья,—
Не взоръ возлюбленной, что будитъ жаръ въ крови,—
Улыбка та—привѣтъ младаго поколѣнья,
Свободной лирѣ дань довѣрья и любви.
Не промѣнялъ бы я на всѣ богатства міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно пою!

III.

Соловей.

БАСНЯ.

Отдыхая средь росистыхъ,
Вѣтромъ зыблемыхъ вѣтвей,
Сталъ насмѣшливою трелью
Заливаться соловей:
«Что за странный людъ поэты?!» —
Онъ защелкалъ въ тишинѣ, —
«Бредни, вздоръ, сантиментальность
«Всѣ приписываютъ мнѣ!
«Говорятъ они, что въ розу
«Безнадежно я влюбленъ;
«Красотой и ароматомъ
«Опьяненъ и вдохновленъ,
«Изнываю въ мукахъ страсти...
«Вздоръ! Я просто съ лепестковъ
«Пью росы душистой капли
«И сбираю червячковъ!..»
И сказалъ садовникъ, слыша
Эту рѣчь въ тѣни вѣтвей:
«Э! Однако, эта птица —
«Современный соловей!..»

II.

Улыбка.

...ы?!. Тутъ мало и двухъ лѣтъ!
...... Съ торговымъ караваномъ
... ночнымъ туманамъ
...проснувшійся разсвѣтъ...

*
* *

...слеталъ Абгаръ, какъ птица,—
... началъ свой разсказъ:
...овъ,—ихъ людная столица,
...ъ хранима, какъ алмазъ.

*
* *

...нѣтъ пышности предѣла!
...оества краса!
... море побѣлѣло
... Знамена—что лѣса!

*
* *

... войскъ—живое знамя!
...тъ, чтобъ двинуться на насъ...»
...бѣда! Что будетъ съ нами?!..»
...—«Не конченъ мой разсказъ!

*
* *

...не успѣлъ покуда»...
...вятѣй?! Нахлынутъ и зальютъ
...—«Нѣтъ, намъ не будетъ худо!
... избрали тамъ пріютъ!

*
* *

...что былъ во время оно,
...гда склонять умѣлъ
...ъ,—святынею закона!
... ложью словъ и дѣлъ...

*
* *

СИЛА.

АРМЯНСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

Посв. А. К. Шеллеру.

Ирана царь Хозрой безмолвенъ, сдвинулъ брови;
Въ душѣ его кипитъ сомнѣній жгучихъ ядъ:
Съ Юстиніаномъ онъ помѣряться бы радъ,
— Но страшно за свой край и жаль народной крови!..

***

Сгубить все можетъ мигъ,—а возродить—вѣка!
Кто побѣдитъ? Какъ знать?!.. О силѣ Византіи
Немолчно говорятъ, поютъ ея витіи!
Тамъ Велизарій, тамъ несмѣтныя войска!..

***

Гайканскій князь Абгаръ великому Хозрою
Съ поклономъ говоритъ:—«О, если вѣришь мнѣ,—
«Пусти меня туда: во вражеской странѣ
«Пробывъ дня два, тебѣ всю правду я открою!..»

***

— «Два дня?! Смѣешься ты?!. Тутъ мало и двухъ лѣтъ!
«А впрочемъ... поѣзжай!..» Съ торговымъ караваномъ
Абгаръ отправился, едва ночнымъ туманамъ
Сталъ издали грозить проснувшійся разсвѣтъ...

***

Не долго ждалъ Хозрой: слеталъ Абгаръ, какъ птица,—
И, шаху поклонясь, такъ началъ свой разсказъ:
— «Гнѣздо твоихъ враговъ,—ихъ людная столица,
«Несмѣтнымъ полчищемъ хранима, какъ алмазъ.

***

«Богатству мѣры нѣтъ, нѣтъ пышности предѣла!
«Дворцы—ваянія и зодчества краса!
«Враги готовятся... Все море побѣлѣло
«Отъ тысячъ парусовъ. Знамена—что лѣса!

***

«И Велизарій самъ для войскъ—живое знамя!
«Онъ лишь приказа ждетъ, чтобъ двинуться на насъ...»
Хозрой въ уныніи:—«Бѣда! Что будетъ съ нами?!..»
Но прерываетъ князь:—«Не конченъ мой разсказъ!

***

«Повѣдать главнаго я не успѣлъ покуда»...
— «Чего ужь тутъ главнѣй?! Нахлынутъ и зальютъ
«Огнемъ и кровью все!..»—«Нѣтъ, намъ не будетъ худо!
«Извѣты, ложь и лесть избрали тамъ пріютъ!

***

«Юстиніанъ не тотъ, что былъ во время оно,
«Вѣнчанную главу когда склонять умѣлъ
«Предъ дѣтищемъ своимъ,—святынею закона!
«Трепещетъ истина предъ ложью словъ и дѣлъ...

***

«За все: за взоръ, за мысль—изгнаніе и плаха,
«Довѣрія—ни въ комъ, ни въ комъ и ни къ кому!
«Жестокость, жалкій плодъ безсилія и страха...»
— «Довольно!»—властелинъ отвѣтствовалъ ему:

* * *

«Бить сборъ войскамъ, едва забрезжетъ лучъ разсвѣтный!
«Поднимемъ славный стягъ и двинемся въ походъ!
«И будь я хоть одинъ, а ихъ полки несмѣтны,—
«Рабы не страшны мнѣ! Меня побѣда ждетъ!?».

ВЫСШІЯ ЗАДАЧИ.

Закона стражъ, маститый кади
Въ странѣ считался мудрецомъ;
Являлъ онъ праведность во всемъ:
Въ словахъ, во взорѣ и въ нарядѣ;

* * *

Въ ущербъ Аллаху самому,
Онъ, какъ источникъ благодати,
Всѣхъ привлекалъ... И вотъ, не кстати
Одинъ мулла пришелъ къ нему:

* * *

Вошелъ, взглянулъ — и растерялся,
И обомлѣлъ!.. Не мудрено:
Святой подвижникъ... пилъ вино!..
Не тò что пилъ, — а предавался!..

* * *

Негодованьемъ потрясенъ,
Невольно вскрикнулъ посѣтитель:
— «Закона стражъ! мудрецъ! учитель!
«И нарушаетъ самъ законъ?!..»

* * *

Безъ замѣшательства во взглядѣ
Привычныхъ къ строгости очей,
Но... съ меньшей плавностью рѣчей,
Муллѣ отвѣтилъ старый кади:

* * *

— «На видъ, какъ будто, ты мулла,—
«А непонятливѣй барана! —
«И разсуждать взялся ты рано
«Про недоступныя дѣла!

* * *

«Не удостоишь ли отвѣтомъ? —
«Скажи-ка мнѣ: ужаснѣй всѣхъ
«Какой людьми свершенный грѣхъ?
«И что за цѣль была въ грѣхѣ томъ?!»

* * *

Молчалъ въ смущеніи мулла...
А кади, въ гнѣвѣ благородномъ:
— «Грѣхомъ Адама первороднымъ
«Открыта грань добра и зла!

* * *

«Ты глупъ... Ты слѣпъ! — А я, какъ зрячій,
«Виномъ смываю эту грань!
«Не сатанѣ плачу я дань:
«Свершаю высшія задачи!..»

ДАНЬ ТАМАРЫ.

ГРУЗИНСКАЯ НАРОДНАЯ ЛЕГЕНДА.

Посв. Я. П. Полонскому.

За цѣпью синихъ горъ, какъ полымемъ пожара,
Румянцемъ вспыхнули разсвѣтнымъ небеса!..
На ложѣ царственномъ проснулася краса,
Зари соперница, — Тамара.

Тьму побѣдивъ, заря сквозь утренній туманъ
Улыбкою даритъ сребристыя вершины...
Царица-жь веселѣй: вчера ея дружины
Прогнали хищныхъ персіянъ!

Вчера герой-супругъ прислалъ ей съ поля брани
Знамена, плѣнниковъ, сокровищъ караванъ...
А ночью снился сонъ: изъ лучезарныхъ странъ
Пришли послы и просятъ дани;

*

Пришли — и, не смутясь, твердятъ себѣ одно,
Какъ неразумныя, назойливыя дѣти:
Что ихъ владычица сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ!
Сильнѣй Тамары?! Какъ смѣшно!..

Смѣялася во снѣ, проснулася съ весельемъ
И облеклась она въ торжественный нарядъ:
Сапфиры, яхонты въ вѣнцѣ ея горятъ,
Обвита шея ожерельемъ...

Ни тучки въ небесахъ, ни тучки на челѣ!..
Все дышетъ радостью и торжествомъ побѣды!
И пира ждетъ дворецъ, ждетъ кликовъ и бесѣды,
Сверкаютъ кубки на столѣ;

Князья, красавицы — что звѣзды вереницей,
Тѣлохранители въ доспѣхахъ боевыхъ, —
Все ждетъ, красуется, все меркнетъ черезъ мигъ
Предъ лучезарною царицей —

И вспыхиваетъ вновь въ огнѣ ея очей!..
И обступили тронъ: католикосъ маститый,
Вожди и азнауръ *) въ одеждѣ, златомъ шитой,
Ея ключарь и казначей...

И прозвучала рѣчь, какъ полное отрады,
Какъ животворное дыханіе весны:
— «Привѣтъ вамъ! радуйтесь, о Грузіи сыны,
«Бойцы, мтавары и тавады! **)

---

*) Азнауръ—дворянинъ.

**) Мтавары и тавады—грузинскіе вельможи и князья.

«Невѣрный пораженъ, окончена борьба!
«Пускай же счастья лучъ разсѣетъ всѣ печали,
«Обиды всѣ, нужду!.. Хочу, чтобъ ликовали
«Всѣ, — отъ вельможи до раба!..

«Скажи, мой казначей, исполнилъ ли велѣнье?!
«Далъ нищимъ золота?! и всѣ-ль довольны мной?!»
Отвѣтилъ азнауръ, поникнувъ головой:
— «Мой долгъ святой — повиновенье...

«Всѣ славили тебя... Лишь странница одна
«Рвала́сь къ тебѣ самой, хотѣла подаянье
«Изъ рукъ твоихъ принять... Безумное желанье! —
«Ты почивала въ грезахъ сна!..

«Я не пустилъ ее!.. Увидя въ томъ обиду,
«Ни денегъ странница, ни хлѣба не взяла, —
«А омрачилася, замолкла и ушла,
«И мигомъ скрылася изъ виду!..»

Вдругъ затуманился царицы свѣтлый взоръ —
И вскрикнула она: «О, заклинаю Богомъ
«Найти, найти ее, искать по всѣмъ дорогамъ...
«Скакать, летѣть во весь опоръ!..»

Не стая сизыхъ тучъ надъ Грузіей носилась! —
То пылью всадники дневной затмили свѣтъ!
Метались, рыскали... А нищей нѣтъ, какъ нѣтъ!
Сквозь землю словно провалилась!..

Тамара ждетъ, все ждетъ... И, вдругъ озарена
Чудесной мыслію, — упавъ предъ образами,
Въ восторгѣ крестится и молвитъ со слезами:
— «Я знаю, знаю, кто она!

«Ее послала Ты, о Всеблагая Мати!
«Ко мнѣ простерла Ты невидимую длань,
«Просила дани Ты! Тебѣ свезу я дань
«Въ Твою обитель, — Гаэнати! *)

«Ты родины моей надежда и покровъ,
«Ты правдою разишь гордыню всемогущихъ,
«Ты сила — немощныхъ, богатство неимущихъ!
«Ты — исцѣленіе грѣховъ!..»

И, преисполнена небесной благодати,
Съ себя сокровища царица сорвала —
И все: и золото, и жемчугъ повезла
Въ даръ Богоматери, въ Гелати.

---

*) Гаэнати или Гелати—Гелатскій монастырь близъ Кутаиса.

ИЗЪ ОМАРА ХАЙЯМА.

СЪ ПЕРСИДСКАГО.

Посв. В. А. Жуковскому.

1.

Умѣрь желанія и жажду бренныхъ благъ,
Коль счастья хочешь ты; съумѣй порвать оковы,
Которыми тебя опуталъ свѣтъ суровый,
Съ земнымъ добромъ иль зломъ связавъ твой каждый шагъ...
Живи, довольный всѣмъ: спокойное движенье
Сіяющихъ небесъ прерваться не должно,
А нашей жизни суждено
Исчезнуть въ вѣчности, блеснувши на мгновенье...

2.

Безумцы въ мірѣ есть, которыхъ самомнѣнье
Во мракъ надменности и чванства завело;
Иныхъ влечетъ мечта о райскомъ наслажденьи,
О зàмкахъ, гдѣ всегда прохладно и свѣтло,

Гдѣ гуріи нѣжнѣй и краше розъ Востока...
Безумцы! Какъ они обманутся жестоко!
Аллахъ! настанетъ день—и съ тайны бытія
Завѣсу темную сорветъ рука твоя,—
И обнаружится, что всѣ они упали
Далёко отъ тебя, во мглу безбрежной дали...

3.

О, бойся тѣло отдавать
На пищу горю и страданьямъ,
Томясь слѣпымъ любостяжаньемъ,
Предъ бѣлымъ серебра сіяньемъ,
Предъ желтымъ златомъ трепетать!
Спѣши съ друзьями пировать,
Пока веселья часъ не минетъ
И теплый вздохъ твой не остынетъ:
Твои враги на пиръ тогда
Придутъ, какъ хищная орда!..

4.

Счàстливо сердце того, кто въ жизни прошелъ неизвѣстный,
Шелковыхъ тканей не зналъ и пряжи волнистой Кашмира,
Кто, словно птица-Симургъ, вознесся къ лазури небесной,
А не гнѣздился совой въ развалинахъ этого міра...

5.

Достойнѣй, чѣмъ весь міръ воздѣлать, заселить —
Въ одной душѣ людской печали утолить
И лаской одного въ неволю заковать,—
Чѣмъ тысячѣ рабовъ свободу даровать!..

6.

Я непокорный рабъ... Гдѣ-жь воля, власть твоя?!
Душа моя черна, объята мглой порока...
Гдѣ-жь свѣтъ дающее, всевидящее око?!
О, если ты намъ рай, всесильный нашъ судья,
Даешь за та, что мы блюдемъ твои велѣнья,
Ты выполняешь долгъ — и больше ничего!
Гдѣ-жь милосердіе, свѣтъ лика твоего,
Куда-жь дѣвается твое благоволенье?!..

7.

Скажи, ты знаешь ли, за что въ устахъ народныхъ
Лилея, кипарисъ названье «благородныхъ»
Стяжали съ давнихъ поръ?
Для люда грѣшнаго ихъ воздержанье — диво:
Ей десять языковъ дано — и молчалива!
А у него сто рукъ — и онъ ихъ не простеръ!..

8.

Коль знаменитъ ты въ городѣ—ты «худшій изъ людей!»
Коль ты забьешься въ уголъ свой—ты «вредный чародѣй!..»
Святымъ ли будь, пророкомъ ли, — разумнѣе всего
Здѣсь быть для всѣхъ невидимымъ, не видѣть никого!

9.

Зла рѣчь твоя, мулла, и ненависть — ей мать!
Ты все зовешь меня безбожникомъ, невѣрнымъ...
Ты правъ, я уличенъ! Я преданъ всякимъ сквернамъ,
Но... будь же справедливъ: тебѣ ли обвинять?!.

10.

Никто на свѣтѣ не проникъ
Въ начала вѣчнаго тайникъ;
Не могъ никто ступить ни шагу
За грани личнаго мірка!
Я вижу: отъ ученика
До тѣхъ, кто насъ ведетъ ко благу,
Несовершенно все и вся, —
Все то, чтò матерью зачато, —
Несовершенства ядъ нося
Отъ дней разсвѣтныхъ до заката!

11.

Нѣтъ въ суетной любви могучаго сіянья:
Какъ пламя зыбкое въ минуту погасанья,
Она не можетъ дать живящаго тепла!
Ея наслѣдіе — холодная зола!
Но кто божественной любовію пылаетъ, —
Ни отдыха, ни сна, ни пищи тотъ не знаетъ!
Въ сіяньи радостномъ взойдетъ ли яркій день,
Иль міръ окутаетъ чадрою ночи тѣнь,
Несутся-ль мѣсяцы, годá чредой крылатой, —
Все призракъ для души, любовію объятой!..

12.

Назначьте свиданье, друзья:
Когда подъ землей буду я,
Сойдитесь въ условленномъ мѣстѣ!
Завѣту вѣрны моему,
Возрадуйтесь сердцемъ тому,
Что дружно пируете вмѣстѣ!..

Когда-жь виночерпій младой
Къ вамъ съ чашей войдетъ круговой,
Рубины заблещутъ огнями
Въ живительномъ старомъ винѣ, —
Пусть каждый, вздохнувши по мнѣ,
Пьетъ въ память о бѣдномъ Хайямѣ!..

13.

Въ могилахъ спящіе землѣ возвращены,
Частицы праха ихъ разсѣяны повсюду, —
Разсѣяны, какъ пыль!.. Какому-жь злому чуду,
Увы, подвержены ничтожества сыны?!
Какой напитокъ ихъ такъ держитъ въ опьянѣньи,
Въ невѣдѣньи всего, въ тревогахъ и сомнѣньи,
И будетъ омрачать разсудокъ ихъ всегда,
До дня послѣдняго суда?!..

14.

О, другъ! зачѣмъ пещись о тайнахъ бытія,
Въ безуміи желать того, что̀ невозможно?!

Мечтой безплодною охвачена тревожно,
Напрасно смущена зачѣмъ душа твоя?!
Будь счастливъ, веселись: при сотвореньи свѣта
Никто, вѣдь, у тебя не спрашивалъ совѣта!..

15.

То сокровененъ Ты, невидимъ никому,
То открываешься въ твореньяхъ, какъ Зиждитель...
О, нѣтъ сомнѣнія! себѣ лишь самому
Въ утѣху Ты творишь созданій чудныхъ тьму:
Ты—сущность зрѣлища и вмѣстѣ самъ Ты—зритель!..

16.

Дворецъ, гдѣ съ чашею въ рукахъ
Любилъ сидѣть Бехрамъ могучій,
— Исчезъ, разсыпался во прахъ!
Гдѣ все цвѣло, — песокъ сыпучій!
И тамъ пугливая газель
Своихъ дѣтенышей приводитъ,
Теперь тамъ левъ порой находитъ
Неприхотливую постель!..
А гдѣ-жь великій изъ великихъ,
Бехрамъ, суровый полубогъ,
Чтò ловко такъ онагровъ дикихъ,
Степныхъ ословъ арканить могъ?!
Гдѣ-жь царь Бехрамъ, весь — блескъ и сила?!
— Его, какъ дикаго осла,
Неумолимая могила
На свой арканъ взяла!..

17.

Убаюканъ тщетною надеждой,
Разметалъ я нà вѣтеръ полжизни,
Но и дня безоблачнаго счастья
Не позналъ въ земной своей отчизнѣ.

И теперь живу подъ гнетомъ страха:
Я боюсь, что время, время злое
Уловить мнѣ случай помѣшаетъ,—
Увѣнчать наградой хоть былое...

18.

Вчера на площади базарной видѣлъ я,
Какъ глину вязкую горшечникъ мялъ ногами;
Съ него усердья потъ катился въ три ручья...
И этотъ мертвый прахъ незримыми устами,
Казалось мнѣ, шепталъ: «Я ближнимъ былъ твоимъ!
«Стыдись! не будь такъ грубъ и такъ неумолимъ!..»

ПЕРЕДЕРЖАЛА.

Старикъ султанъ сталъ скупъ на ласки;
Какъ ни старалась дѣлать глазки

Ему любимая ханумъ *),
Онъ былъ безчувственъ и угрюмъ!

Тогда, вздыхая огорченно, —
Вполнѣ, вполнѣ опредѣленно

Султанша стала понимать,
Что не жена она, а мать...

Всѣ чувства, все, что въ сердцѣ было,
Она на сына обратила.

Любилъ малютку весь гаремъ.
Что за дитя былъ принцъ Хакемъ!

---

*) Ханумъ—жена.

Со всѣми ласковый и кроткій,
Онъ даже евнуха звалъ теткой!

Прошли года, подросъ Хакемъ.
Неузнаваемъ сталъ гаремъ.

Чуть не кусали всѣ другъ друга!
Султанша, главная супруга,

Слѣпа, какъ мать: ей не въ домекъ
Что въ томъ виной ея сынокъ!

Уже султанъ ворчалъ: — «Хакема
«Убрать пора бы изъ гарема!»

Супруга-жь, волю давъ глазамъ,
Кричитъ: — «Малютки не отдамъ!»

Боясь семейной непогоды,
Властитель, мирный отъ природы,

Ей отвѣчалъ, махнувъ рукой:
— «Да ну васъ! Дайте мнѣ покой!..»

Но гдѣ червя слабѣй властитель,
Тамъ случай — царь, судебъ рѣшитель!..

Обросъ изрядно бородой,
Глядитъ на евнуха съ враждой —

И сталъ Хакемъ, ребенокъ кроткій,
Бояться встрѣчи съ этой «теткой!..»

А въ заключенье, — не шутя
Избило евнуха «дитя...»

И мать прозрѣла: бородою
Обросшій принцъ грозитъ бѣдою!

Какъ пробужденная отъ сна,—
Въ тревогѣ, въ ужасѣ она,

Всплеснувъ руками, закричала:
— «Аллахъ! Аллахъ!.. Передержала!..»

ВЕСЕЛЫЙ ДРУГЪ.

Я друга своего не видѣлъ года два.
Тогда, въ былые дни, печальный и угрюмый,
По большей части онъ молчалъ, объятый думой—
И если говорилъ, то... скверныя слова.

* * *

Мы снова встрѣтились: какая перемѣна!
Веселый, свѣтлый взоръ, веселый плескъ рѣчей!
Расцвѣлъ онъ, какъ цвѣтокъ отъ солнечныхъ лучей,
Съ души стряхнувъ тоску, какъ воинъ—иго плѣна.

* * *

Я поспѣшилъ спросить, пріятеля любя
И любопытствомъ весь взволнованный до боли:
— «Наслѣдство крупное тебѣ досталось, что ли?
«Великимъ визиремъ назначили тебя?

* * *

«Нашелъ ли женщину, — букетъ очарованій?!..»
Онъ фыркнулъ: — «Нѣтъ! Тебѣ признаться я могу,
«Что только голову свою я берегу!
«Тутъ строгости пошли большія въ Тегеранѣ!

* * *

«Угрюмое лицо не прочь истолковать
«Иные господа... преступною причиной!
«И ты вооружись веселости личиной: —
«Не то — привяжутся!.. Тогда не сдобровать!..»

УЧЕНЫЙ СЛОНЪ.

ПЕРСИДСКАЯ СКАЗКА.

1.

У шаха былъ ученый слонъ, —
Такой, какихъ ужь нѣтъ въ подлунной:
Умѣлъ стрѣлять изъ ружей онъ,
На лютнѣ могъ бренчать двухструнной;
Шелками вышить могъ коверъ
И за ѣдою былъ опрятенъ;
Не то, что слово: каждый взоръ,
Малѣйшій знакъ ему понятенъ!
А сколько граціи въ его
Поклонахъ, льстивыхъ и проворныхъ!
По мнѣнью шаха самого,
Слонъ былъ умнѣе всѣхъ придворныхъ!..
Сгарая ревностью къ слону,
Вельможи плакали, какъ дѣти...
Но въ чувствѣ ревности... жену
Не превзойдетъ никто на свѣтѣ! —

И вотъ что молвила одна
Изъ очень многихъ женъ владыки:
— «Болтать не выучишь слона,
«Хоть ты и шахъ — и шахъ великій!..»
— «Что?!.. Мудрецовъ позвать сюда!..»
Одинъ, сказавъ «нельзя», заплакалъ, —
Другой... десятый... — «Не бѣда!
«Искать другихъ!.. А этихъ — нà колъ!..»
Всѣ разбѣжались!.. Въ царствѣ нѣтъ
Слѣда, нѣтъ запаха ученыхъ!..
Противенъ шаху бѣлый свѣтъ,
Владыка дни проводитъ въ стонахъ...

2.

Но вотъ... пришелъ въ его страну
На видъ сомнительный бродяга
И хвастать началъ: — «Я слону
«Могу дать плавной рѣчи благо!..»
И во дворецъ его ведутъ.
Онъ изложилъ условья кратко:
— «Червонцевъ тысячъ сто за трудъ
«Прошу я въ качествѣ задатка;
«Съ прислугой, съ утварью мнѣ домъ
«Необходимъ, — въ томъ нѣтъ вопроса!
«Въ мои бесѣды со слономъ
«Никто совать не долженъ носа...
«Преподаванье — мой секретъ!
«Судья мой — Богъ и чувство долга! —
«И черезъ двадцать восемь лѣтъ
«Твой слонъ...» — «Ну, это слишкомъ долго!

«Мнѣ скучно ждать!» отвѣтилъ шахъ,—
«Нельзя ли, другъ, ускорить шага?!.»
— И на пятнадцати годахъ
Сошлись владыка и бродяга...
Бродягѣ золото дано
И предпочтенье передъ всѣми;
Днемъ спитъ, а ночью пьетъ вино
И наслаждается въ гаремѣ.
Невидимъ слонъ: пора пришла
Въ плѣну томиться безъисходно...
А спроситъ шахъ: — «Ну, какъ дѣла?»
Учитель молвитъ: — «Превосходно!..»
А скажетъ совѣсть: — «Ой, гляди!
«Что, если плутни шахъ замѣтитъ?!»
Заноетъ что-то тамъ въ груди,
Но разумъ въ тотъ же мигъ отвѣтитъ:
— «Пятнадцать лѣтъ — немалый срокъ!
«Пируй, почтеннѣйшій, безъ страха!
«Иль слонъ умретъ, долбя урокъ,
«Иль самъ скончаешься, иль рокъ
«Вернетъ и шаха въ лоно праха!..»

3.

Проходятъ мѣсяцы, года...
До срока лѣтъ уже немного.
Бродяги душу иногда
Терзаетъ тайная тревога;
На немъ порою нѣтъ лица
И лихорадкой блещутъ очи.
Въ людскую шахскаго дворца

Заходитъ онъ во мракѣ ночи.
Онъ дружбой лестною даритъ
Начальство женской половины,
Но съ другомъ... мало говоритъ,—
А слушать, видно, есть причины!..
И вотъ, въ одинъ прекрасный день,
Въ богохранимые чертоги
Онъ, весь дрожа, блѣднѣй, чѣмъ тѣнь,
Вошелъ — и бухъ владыкѣ въ ноги...
Мрачнѣе тучи грозовой
Сталъ шахъ-инъ-шахъ — и рекъ сурово:
— «Чтò? Лживый рабъ! Питомецъ твой,
«Небось, не знаетъ ни полслова?!
«Чего молчишь?! вставай, холопъ!
«Встань! отвѣчай немедля!.. Ну же!..»
Бродяга бьетъ о плиты лобъ
И говоритъ рыдая: — «Хуже!..»
— «Что?! Умеръ слонъ?! Что слышу я?!
«О! за тебя мнѣ страшно вчужѣ!..»
Бродяга плачетъ въ три ручья
И лишь рукою машетъ: — «Хуже!..»
Бродягѣ плохо: мигомъ взятъ
Рукой властителя желѣзной
Онъ за узорчатый халатъ:
— «Ну, отвѣчай-ка, другъ любезный!..»

4.

И началъ тотъ: — «Мой ученикъ,
«Твой слонъ, о мощный повелитель,
«Твой слонъ — иль гнусный клеветникъ,

«Иль съумасшедшій сочинитель!
«Надняхъ посмѣлъ онъ молвить мнѣ:
«(Одни мы были, слава Богу!)
«А шахъ-то знаетъ толкъ въ винѣ!
«Онъ тайно пьетъ — и даже много!
«Въ карманѣ ключъ отъ погребка
«Шахъ носитъ, въ знакъ любви къ Пророку!..»
Но шахъ, сконфуженный слегка,
Прервалъ: — «Въ ученьи мало проку!
«Ну, дальше что̀?! Да говори!..»
— «А дальше... слонъ сказалъ недавно,
«Тому назадъ всего дня три,
«Что... шаха бьетъ жена исправно!..»
— «Не заикайся про жену!»
Воскликнулъ шахъ, смутясь немало:
«Молчи, несчастный!.. Нѣтъ! Слону
«Наука вовсе не пристала!..»
А тотъ несетъ: — «Я обомлѣлъ
«Вчера отъ рѣчи очень странной!
«Слонъ молвилъ: — «Шахъ-то нашъ не цѣлъ, —
«У шаха глазъ одинъ стеклянный!..»
Владыкой вновь бродяга взятъ
И брошенъ ѝ-земь грузной тушей!..
Владыка рветъ на немъ халатъ:
— «А ты не слушай! Ты не слушай!..»

5.

Но вотъ, владыка утомленъ;
Избитъ порядочно бродяга...
И мыслитъ шахъ: — «Обязанъ слонъ

«Утратить плавной рѣчи благо!
«Но какъ тутъ быть: убить слона?!
«И жаль, и передъ всѣми стыдно!..
«Бродяги помощь вновь нужна!..»
— «Ну, встань! Тебѣ, вѣдь, не обидно?!
«Вѣдь я шутилъ!.. Халатовъ дать
«Тебѣ готовъ я цѣлыхъ десять, —
«Лишь научи слона молчать!
«Не то—велю тебя повѣсить!
«Ты знаешь, братъ, я не шучу:
«Сниму немедля жизни бремя!..»
— «Ну, что-жь?! Прикажешь, — отучу
«Слона болтать, — но... нужно время!..»
— «О! Время! Тридцать лѣтъ бери!..
«Но въ заключеньи одиночномъ
«Слона отнынѣ ты запри —
«И подъ замкомъ довольно прочнымъ!..»
Условье вновь заключено...
Бродягѣ золото дано
И всякихъ благъ онъ удостоенъ!
Днемъ спитъ, а ночью пьетъ вино,
Душой безоблачно-спокоенъ...
Навѣкъ слону пора пришла
Въ плѣну томиться безъисходно...
А спроситъ шахъ: — «Ну, какъ дѣла?!»
Учитель молвитъ: — «Превосходно!..»

ИЗЪ КН. А. Р. ЦЕРЕТЕЛИ.

4.

Любовь.

Коварная любовь! Зачѣмъ всѣ говорятъ,
Что ты—небесный даръ, даръ свыше совершенный,—
Когда за сладкій мигъ, за счастья лучъ мгновенный
Ты требуешь, какъ дань, мученій горькихъ рядъ?!

* * *

За то ли, что въ твоемъ загадочномъ началѣ
Таится высшаго блаженства колыбель?
Когда-жь незримо ты уходишь,—не въ тебѣ-ль
Могила темная, пріютъ нѣмой печали?!

* * *

Непостоянная, покоя ты чужда!
Ты бродишь безъ пути, отъ края и до края
Восторги сѣешь ты въ сердцахъ, не разбирая,
—А жатва какова?!—Попреки и вражда!...

* * *

Для всѣхъ желанная и грозная! Недаромъ
Царица ты межь тайнъ земнаго бытія!
И горечь самая, знать, сладостна твоя,—
Коль поддаются всѣ твоимъ волшебнымъ чарамъ!...

5.

Саламури.

(свирѣль).

Гдѣ ты, свирѣль моя, родная саламури,
Гдѣ, сладкогласная, поешь ты въ тишинѣ?...
Зачѣмъ на сѣверѣ, гдѣ стужей вѣютъ бури,
Созвучій пламенныхъ не льешь ты въ сердце мнѣ?!..

Тамъ, въ Грузіи моей, когда пастухъ играетъ,
По дóламъ и горамъ несется пѣсня вдаль—
И каждый счастья звукъ въ небесной выси таетъ
И мукой адскою звучитъ твоя печаль!..

Тогда охвачены, какъ братъ въ объятьяхъ брата,
Твоими звуками души моей мечты—
И въ книгѣ прошлаго, вся трепетомъ объята,
Душа читаетъ вновь кровавые листы!..

Въ стенаніяхъ твоихъ отчизны внемлю стонамъ:
Тò грудь ея разитъ персидскій ятаганъ,
Съ турецкихъ сабель кровь течетъ по горнымъ склонамъ,
Тò горцы къ ней ползутъ, какъ воры, какъ туманъ

Жестокая свирѣль! Источникъ жгучей боли!
Тоскуешь, плачешь ты! Зачѣмъ же я внимать,
Впивать хочу твой стонъ?! Зачѣмъ?! Не для того ли,
Чтобъ долю горькую отчизны проклинать?!..

О, нѣтъ! Ты не всегда печальна, саламури!
Порой ликуешь ты!.. Вскипаетъ кровь во мнѣ —
И пылкія мечты къ безоблачной лазури
Стремятся съ жадностью — и тонутъ въ вышинѣ!..

Я вижу витязя: въ его подъятой длани
Огнемъ сверкаетъ мечъ и гонитъ вражью тьму!
Кличъ удали родной звучитъ на полѣ брани!..
Всю жизнь безъ устали внимать хочу ему!..

Родная мнѣ свирѣль! Въ отрадѣ и въ печали
Душѣ грузина ты священна и близка:
Рисуешь предковъ жизнь, изъ-за туманной дали
Ты манишь пѣснію минувшіе вѣка!

Увы! Но кто-жь теперь внимать тѣмъ пѣснямъ станетъ,
Что дышутъ правдою и чувствомъ?! О, позоръ!
Героемъ предокъ былъ! — Не тѣмъ потомокъ занятъ!..
— Звучи же пастухамъ, убогимъ дѣтямъ горъ!..

6.

Басня о навозномъ жукѣ и пчелѣ.

Пчелу навозный жукъ однажды повстрѣчалъ,
Немедля принялъ видъ внушительный и строгій
И повелительно, сердито закричалъ:
—«Не видишь, кто идетъ?! Бродяга! прочь съ дороги,
«Тварь безпокойная! Нигдѣ не посидитъ!
«Безъ толку бы жужжать, безъ цѣли все бы шляться,—
«А въ довершенье золъ непрочь еще кусаться!..
«Вотъ я—не то, что ты! Солиденъ, сановитъ,
«Съ утра и дò ночи трудомъ привычнымъ занятъ,
«Мѣстечко теплое облюбовалъ, нагрѣлъ,
«Живу съ достоинствомъ и счастье—мой удѣлъ—
«И глупъ, конечно, тотъ, кто съ этимъ спорить станетъ!..»
Съ улыбкою пчела взглянула на него
И молвила:—«О жукъ, какъ рѣчь твоя надменна!
«Солиденъ ты и сытъ, прилеженъ несомнѣнно...
«Но трудишься... надъ чѣмъ? Надъ чѣмъ и для кого!
«Усидчивъ, домосѣдъ: для дѣла твоего,
«Куда ни оглянись, матеріалу много!..
«Иное дѣло я: весь день должна летать
«Я отъ цвѣтка къ цвѣтку, по атомамъ достать
«И меду сладкаго для хижинъ и чертога,
«И воску на свѣчу для мертвецовъ и Бога!
«Безспорно: мнѣ порой приходится кусать—
«Чувствительно кусать,—но вѣрь: не безъ разбора!..
«Кусаю наглеца, бездѣльника и вора,
«Мѣшающихъ мнѣ трудъ священный выполнять...

«Однако, мнѣ пора! Займись своимъ... предметомъ
«И предавайся всласть кичливости мечтамъ!..»
И пчелка рѣзвая умчалася къ цвѣтамъ...

Не жребій ли пчелы судьбою данъ поэтамъ?

7.

Лебединая пѣснь.

Когда для лебедя мигъ смерти неминучій
Настанетъ, онъ поетъ, внезапно вдохновленъ,
И тихо гаснетъ жизнь: ее сливаетъ онъ
Съ потокомъ трепетныхъ, плѣнительныхъ созвучій...

Подъ нимъ—пучина водъ; надъ нимъ синѣетъ твердь...
Свободно льется пѣснь въ просторъ необозримый,
Для міра прелестью полна неизъяснимой,
Таинственнымъ звеномъ связуя жизнь и смерть...

Сливаясь съ тишиной, какъ съ ночью лучъ заката,
Навѣкъ смолкаетъ пѣснь въ чарующей дали...
Сроднившись съ нею, жизнь уходитъ отъ земли,
Восторгомъ неземнымъ и сладостнымъ объята...

О, еслибъ могъ и я, земной кончая путь,
Свободно спѣть свой гимнъ предсмертный, лебединый!
Всю душу въ немъ излить,—безъ боли, безъ кручины,
Въ родныхъ созвучіяхъ погаснуть... потонуть!..

ВОРЪ.

СЪ ТАТАРСКАГО.

Шумъ, смятенье на майданѣ!
Блещутъ шашки и ножи,
Всѣ бѣгутъ, кричатъ: «Держи!
«Воръ!.. ловите, мусульмане!!»

Обокраденъ оружейникъ:
Дорогой кинжалъ исчезъ;
Ловкій воръ въ толпу пролѣзъ,
Чтò кишитъ, какъ муравейникъ;

Онъ съ толпой слился мгновенно,
Словно съ вòлнами волна...
Всѣ шумятъ; лишь старшина
Бродитъ важно и степенно,

Точно аистъ по болоту,
Напрягая слухъ и взоръ,
И внезапно:—«Вотъ онъ, воръ!»—
Вскрикнулъ вдругъ, схвативъ кого-то.

Вмигъ могучихъ рукъ десятки
Протянулись—и упалъ
Уворованный кинжалъ
Съ бирюзой на рукояткѣ.

Старшина сѣдой хохочетъ:
— «Подозрителенъ мнѣ видъ
«Тѣхъ, кто громче всѣхъ кричитъ,
«Слишкомъ ревностно хлопочетъ!»

ГОРДЫЙ ВОРЪ.

ЛЕЗГИНСКАЯ ШУТКА.

Въ часъ полуночной прохлады,
Тихихъ сновъ и сладкихъ нѣгъ,
Чью-то тѣнь увидѣлъ бекъ
Близь бѣлѣющей ограды.

Мигъ—и парой сильныхъ рукъ
Тѣнь взята за архалукъ.

— «Не въ гаремъ ли мой дорогу
«Ты во тьмѣ ночной избралъ?!
«Что въ мѣшкѣ?!.. Ты груши кралъ?!
«Груши!.. А!.. ну, слава Богу!

«Но кчему ты кралъ, дуракъ?!
«Я-бъ ихъ далъ тебѣ и такъ!

«Если-жь крова нѣтъ и пищи,—
«Денегъ дамъ! Я радъ помочь!
«Хочешь?.. Вотъ и деньги!»...— «Прочь!»
Воръ воскликнулъ:—«Я не нищій!»...

Бекъ ему:—«Прости, дружокъ...»
— Но «дружокъ», свершивъ прыжокъ,

Какъ стрѣла съ тугой тетивы,
Вдаль умчался безъ слѣда...
Бекъ и ротъ разинулъ:—«Д-да!
«Человѣкъ самолюбивый!»...

Беку кланяться съ тѣхъ поръ
Не желаетъ гордый воръ!..

ЧЕСТНЫЙ МУЛЛА.

Толпа мятежниковъ, какъ горна́я рѣка,
Въ казнохранилище султана съ дикимъ воемъ
Однажды хлынула... Но, подоспѣвъ, войска
Хищенье дерзкое смѣнили краткимъ боемъ...

* * *

Мѣшокъ съ червонцами, плодами грабежа,
Какимъ-то воромъ былъ утерянъ на дорогѣ.
Его мулла нашелъ—и, честью дорожа,
Отнесъ мѣшокъ властямъ, полнъ радостной тревоги.

* * *

Неласковый пріемъ оказанъ былъ ему:
Онъ честностью повергъ вельможъ въ недоумѣнье;
Червонцы приняты, но самъ онъ, взятъ въ тюрьму,
Тамъ года три сносилъ обиды и мученья...

* * *

Дознаньемъ обѣленъ, былъ выпущенъ мулла,
Но ждали горести его и на свободѣ:
— «Какія-то свершилъ онъ темныя дѣла!»—
Болтали сплетники досужіе въ народѣ...

* * *

А вскорѣ: стоило напомнить про муллу,—
Вопили хоромъ всѣ:—«Да это воръ извѣстный!»...
Таковъ убогій людъ: онъ скоро вѣритъ злу!
Злодѣя онъ пойметъ!.. Какъ рѣдко понятъ честный!..

РОЗА ДРУЖБЫ.

Въ изумленьи весь Иранъ:
Русудана и Зарема,
Звѣзды шахскаго гарема,
Уроженки разныхъ странъ,—

* * *

Подружилися безъ мѣры;
Дружба ихъ, какъ водопадъ,
Много рушила преградъ:
Разность рѣчи, разность вѣры...

* * *

На одномъ родномъ стеблѣ
Словно выросли двѣ розы!
Одновременны ихъ слезы,
Грусть и радость на челѣ!..

* * *

Шахъ дивится чрезвычайно
И дивится весь народъ...
(Все народъ разузнаётъ:
Для него—ничто не тайна!)

* * *

— «Вотъ потѣха! Ну, чему
«Изумляются народы?!»—
Мыслитъ евнухъ безбородый,
«Ясно все мнѣ одному:

*
**

«Слишкомъ часто рѣчь заводитъ
«Съ новой плѣнницею шахъ!
«Знать, на здѣшнихъ небесахъ
«Солнце новое восходитъ!

*
**

«Оттого-то межъ собой
«Звѣзды шахскаго гарема,—
«Русудана и Зарема,—
«Дружбой связаны такой!

*
**

«Изощрилъ, живя на свѣтѣ,
«Я чутье, и взоръ, и слухъ:
«Роза дружбы женщинъ двухъ
«Пахнетъ... ненавистью къ третьей!

ПОБѢДА.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛЕГЕНДА О ЦАРИЦѢ ТАМАРѢ.

Посв. А. А. Л — вой.

Вихря степнаго быстрѣй,
Горной лавины грознѣй,
Мчится съ дружиною ханъ Карабага;
Съ нимъ юный братъ Ширваншахъ;
Блещетъ отвага
Въ ихъ искрометныхъ очахъ...

Вѣсть имъ лазутчикъ принесъ,—
Вѣсть ароматнѣе розъ:
Съ войскомъ ничтожнымъ царица Тамара,
Въ бродъ перейдя Алазань,
Весело, яро
Гонитъ и барса, и лань.

Вѣсть ароматнѣе розъ!
Много несчастій и грозъ
Видѣли ханства отъ вѣщей царицы!..
Въ плѣнъ бы красавицу взять
И для жаръ-птицы
Клѣтку златую сковать!..

Рога доносится звонъ...
Алый померкъ небосклонъ...
Вводятъ Тамару въ шатеръ златотканный.
Гаснутъ, дымяся, костры...
Въ дымкѣ туманной
Хищники лѣзутъ съ горы...

Мигъ—и рѣзня свершена!..
Въ ставкѣ царица одна...
Жадно рванулся къ ней ханъ Карабага;
Съ нимъ молодой Ширваншахъ...
Страсть и отвага
Блещутъ въ ихъ черныхъ очахъ...

Пышной красою горя,
Плѣнница ихъ—что заря!
Мантія, станъ охватившая гибкій,
Въ складкахъ струится къ ногамъ...
Съ гордой улыбкой
Молвитъ царица врагамъ:

—«Что же, отважные львы,
««Что-жь?! не боитесь ли вы?!
«Войско мое вы сгубили засадой!
«Женщину легче сгубить!..
«Чьей же наградой,
«Чьей же рабыней мнѣ быть?

«Кто самый дерзостный воръ?
«Кто изъ васъ приметъ позоръ,
«Кто облечется безславною властью?!..»
Ярость у хана въ очахъ;
Злобой и страстью
Юный вскипѣлъ Ширваншахъ...

Ревностью дикой полны,
Словно двѣ мощныхъ волны,—
Мигомъ, съ налету, другъ другу въ объятья,
Вынувъ кинжалы свои,
Ринулись братья,—
Двѣ разъяренныхъ змѣи...

Падаетъ на землю ханъ...
Вотъ ужь надъ нимъ ятаганъ
Въ сумракѣ грозно сверкнулъ, какъ зарница!..
Прянувъ къ борцамъ, какъ стрѣла,
Властно царица
Лютый ударъ отвела!..

—«Каинъ, безумецъ, постой!
«Тлѣнной моей красотой
«Дьяволъ вамъ очи и душу туманитъ!
«Лучше меня ты убей!
«Часъ пусть настанетъ
«Смерти безгрѣшной моей!..»

Ханъ и младой Ширваншахъ
Пали предъ нею во прахъ
И со слезами воскликнули оба:
—«Ты побѣдила въ борьбѣ!
«Знай: мы до гроба
«Будемъ рабами тебѣ!..»

ДРУЗЬЯ ВИЗИРЯ.

СЪ ТУРЕЦКАГО.

Халифъ однажды визиря спросилъ:
— «Прошу тебя, скажи мнѣ откровенно,
«На свѣтѣ кто тебѣ всѣхъ больше милъ??»
— «О, властелинъ! Особенно священна...
«Всегда была...» — «Ты обо мнѣ забудь!»
Прервалъ халифъ: «Давно мы знаемъ оба,
«Что всѣхъ милѣй тебѣ моя особа!..
«Ты назови еще кого-нибудь:
«Ну, хоть жену... иль друга подороже!..
«Но только лгать, эффенди, не моги!..»
Тотъ поблѣднѣлъ и молвилъ не безъ дрожи:
— «Мнѣ всѣхъ милѣй, о царь, твои враги:
«Вѣдь изъ-за нихъ я здѣсь, въ златыхъ хоромахъ,
«Вѣдь изъ-за нихъ и есть во мнѣ нужда!..»
И властелинъ, смѣясь, отвѣтилъ: — «Да!
«Я вижу, ты не промахъ!!..»

БЛАГОДѢТЕЛЬ.

(Изъ Саввы-Сулхана Орбеліани).

СЪ ГРУЗИНСКАГО.

Два государя въ старину
Вступили въ лютую войну;
Одинъ разбитъ былъ не безъ сраму,
Попался въ плѣнъ, былъ брошенъ въ яму
И думалъ кончить въ ней свой вѣкъ,—
Какъ вдругъ какой-то человѣкъ
Веревку длинную брасаетъ,
Великодушно предлагаетъ
Свободу плѣнному царю...
— «Благодарю! Благодарю!»
Воскликнулъ царь; какъ витязь ловкій,
Онъ вмигъ поднялся по веревкѣ—
И жаждой воли весь горитъ!..
Но благодѣтель говоритъ:
— «А что?! Немалая услуга?!»
— «Спаситель мой! Тебя, какъ друга,
«Благодарю, благодарю!»

Царь отвѣчаетъ... Но царю
Бѣжать, скорѣй бѣжать охота, —
А тотъ свое: — «Я изъ-подъ гнета
«Тебя великодушно спасъ!..»
И царь вспылилъ на этотъ разъ:
— «Я здѣсь не рабъ, а только плѣнникъ!
«Сюда! сюда! меня измѣнникъ
«Хотѣлъ спасти!..» И черезъ мигъ
Сбѣжались воины на крикъ.
Обоихъ взяли... — «Почему же
«Ты не бѣжалъ?! Намъ странно вчужѣ!»
Царя спросили. — «Оттого,
«Что помощь тяжкая его
«Меня-бъ навѣрно задавила!
«Не проще-ль прямо лечь въ могилу?!.»

---

*

ГРѢХЪ АЛИ-БЕКА.

У хана было двѣсти женъ...
Онъ слылъ примѣрнымъ семьяниномъ
И, въ назиданіе мужчинамъ,
Строжайшій издалъ онъ законъ:

* * *

Кто, грубъ десницей, мыслью грѣшенъ,
Чадру насильственно сорветъ
Съ чужой жены, — да будетъ тотъ,
Какъ тать, немедленно повѣшенъ!

* * *

Подъ тѣнь чинаръ, на ханскій дворъ
Всегда виновный приглашался —
И тамъ же, кряду, совершался
Надъ нимъ и судъ, и приговоръ.

* * *

Но ханъ сознalъ: «Судя такъ строго,
«Казнишь, пожалуй, всѣхъ мужчинъ!» —
И часто мудрый властелинъ
Искалъ къ прощенію предлога.

* * *

Разъ женщина на ханскій дворъ
Пришла въ смятеніи великомъ
И въ ноги хану пала съ крикомъ:
«Воззри на страшный мой позоръ!

* * *

«Я за селомъ копала грядки,
«Вдругъ... Али-бекъ! — прыгъ черезъ ровъ,
«Приподнимаетъ мой покровъ —
«И... убѣгаетъ безъ оглядки!..»

* * *

Ханъ молвилъ: «Этотъ человѣкъ
«Въ бою отваженъ, хладнокровенъ, —
«И жаль... Но, если онъ виновенъ,
«Повѣшенъ будетъ Али-бекъ!

* * *

«Но что-жь его такъ испугало?!
«Узнать желаю очень я!
«Здѣсь не мужчина я, — судья:
«Приподними-ка покрывало!»

* * *

Та, озираясь на народъ,
Повиновалась; ханъ, какъ глянулъ,—
Въ невольномъ ужасѣ отпрянулъ
И прошепталъ: «Какой уродъ!»

* * *

Потомъ изрекъ: «За грѣхъ наказанъ
«Былъ въ тотъ же мигъ обидчикъ твой;
«Тебѣ-жь, повѣрь, самой судьбой
«Путь добродѣтели указанъ.

* * *

«И коль гнѣвна ты оттого,
«Что бекъ умчался безъ оглядки,
«А не... остался тамъ на грядкѣ,—
«Я-бъ могъ, заботясь о... порядкѣ,
«Тебя казнить, а не его!..»

ПЕЧАЛЬ ЮСУФА.

АРАВСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Юсуфу сильно повезло:
Халифъ призвалъ его въ число
Премудрыхъ визирей своихъ!
Юсуфъ въ халатахъ парчевыхъ,
Ему почетъ всѣ воздаютъ,
Червонцевъ — куры не клюютъ!..

Казалось бы, — ликуй, живи!..
Но у Юсуфа жаръ въ крови:
Онъ дѣла жаждетъ! Дѣла-жь... нѣтъ!
Немилъ Юсуфу бѣлый свѣтъ —
И пристаетъ къ халифу онъ:
— «Я праздной жизнью истомленъ!»

Ему отвѣтствуетъ халифъ:
— «Ты подозрительно ретивъ!
«Тебѣ завидуетъ вся знать!
«Чего-жь еще, — нельзя-ль узнать?—
«Прибавки жалованья, что-ль
«Желаешь ты?! Я дамъ! Изволь!»

— «О, нѣтъ! Клянусь, доволенъ я...
«Но дѣла ждетъ душа моя!..»
— «Здѣсь разсуждать способенъ такъ
«Лишь иноземецъ иль дуракъ!
«Всѣ эти бредни — сѣмя смутъ!
«Отстань-ка! Видишь этотъ кнутъ?!!.»

Съ тѣхъ поръ бездѣйствіемъ своимъ
Юсуфъ нимало не томимъ...

ИЗЪ ОМАРА ХАЙЯМА.

СЪ ПЕРСИДСКАГО.

19.

Хоть жемчугъ должнаго тебѣ повиновенья
Я не нанизывалъ на нити поведенья
И сердца не влачилъ я въ прахѣ ногъ твоихъ, —
Я чуждъ отчаянья — и вѣрю: будетъ мигъ, —
Приду къ подножію божественнаго трона —
И буду принятъ я на милосердья лоно,
И буду милъ тебѣ: вѣдь я всю жизнь молчалъ!
Вѣдь жалобами я тебѣ не докучалъ!..

20.

Непобѣдимую въ насъ поселилъ ты страсть, —
Но ты же не велишь отдаться ей во власть!
— И бѣдный родъ людской въ большомъ недоумѣньѣ:
Твой даръ, приказъ твой — страсть! Твое-жь и запре-
щенье!
Ты словно повелѣлъ намъ чашу наклонить, —
Изъ содержимаго-жь — ни капли не пролить!..

21.

Жалкая страсть человѣка — подобна собакѣ цѣпной:
Крикъ ея—лай непристойный, докучный, безъ всякаго толка!
Лисья таится въ ней хитрость... Даетъ она мнимый покой,
Зайца обманчивый сонъ... Сочетались, слились въ ней одной
Бѣшенство лютаго тигра и жадность голоднаго волка!..

22.

Когда бы ясно тайны жизни
Постигло сердце человѣка, —
Оно-бъ и тайны смерти знало,
Намъ недоступныя отъ вѣка!

И если ты — слѣпой невѣжда
Теперь, когда ты «самъ съ собою»
И съ міромъ видимымъ, и съ жизнью
Не разлученъ еще судьбою, —

То что-жь, когда «себя покинешь»
И жалкій прахъ въ землѣ истлѣетъ,—
О, что-жь тогда твой духъ безплотный,
Безличный духъ уразумѣетъ?!..

23.

Расцвѣла сегодня пышно
Роза счастья твоего!
Гдѣ же чаша? Чаши въ руку
Не берешь ты отчего?!

Время — врагъ нашъ безпощадный!
Другъ мой милый, пей вино:
День отрадный, какъ сегодня,
Снова встрѣтить... мудрено!

24.

Я цѣлый вѣкъ вину хвалебный гимнъ пою.
Веселія лозой обвилъ я жизнь свою!
О, доблестный ханжа! Будь счастливъ убѣжденьемъ,
Что мудрости самой ты внемлешь поученьямъ,—
Но знай, по крайности, что мудрость, менторъ твой,
— Ничтожный школьникъ предо мной!..

25.

Подобье каравансарая, —
Нашъ міръ, въ которомъ тьма ночная
Попеременно съ днемъ гоститъ, —
Остатокъ пира исполиновъ,
Объѣдки сотни властелиновъ
Гостепріимныхъ, какъ Джемшидъ!
Нашъ міръ — гигантская могила,
Что ложемъ смерти послужила
Могучимъ, грознымъ ста царямъ,
Неустрашимымъ, какъ Бехрамъ!..

26.

Мнѣ лучше быть съ Тобой въ вертепѣ, въ кабакѣ
И помышленьями завѣтными дѣлиться,
Чѣмъ безъ Тебя, мой Богъ, идти въ мечеть молиться
Безъ пламени въ душѣ, но съ четками въ рукѣ!..

Да! Сотворившій все, что было, есть и будетъ!
Что-бъ ни было со мной, но знай: такъ вѣрю я, —
Введетъ ли въ рай зато меня рука Твоя,
Иль на сожженіе въ аду меня осудитъ!..

27.

Подобно соколу, мой духъ, расправивъ крылья,
Изъ міра чудныхъ тайнъ стрѣлою полетѣлъ, —
Умчаться въ высшій міръ хотѣлъ —
И что-жь?! Упалъ сюда, — въ міръ праха и безсилья!..
Не встрѣтивъ никого, кому души тайникъ
До сокровеннѣйшихъ извилинъ
Открыть бы могъ, любя, — печаленъ и безсиленъ,
Я выйду въ ту же дверь, въ которую проникъ!..

28.

Кчему, когда осуществленья
Желаньямъ нашимъ не дано
И все заранѣе судьбой предрѣшено, —
Кчему всѣ замыслы, усилья и стремленья?!.
Мы вѣчно мучимся, влачась въ земной пыли
И сожалѣнія все растравляемъ рану,
Со вздохомъ говоря: «Ахъ, поздно мы пришли!
«Уйти придется слишкомъ рано!..»

29.

Добросовѣстныхъ и умныхъ
Уважай и посѣщай —
И подальше, безъ оглядки
Отъ невѣжды убѣгай!

Если ядъ мудрецъ предложитъ—
Не смущайся, смѣло пей!
Дастъ глупецъ противоядье,—
Вылей на̀ землю скорѣй!

30.

О, если я проникъ въ храмъ твоего довѣрія,—
То слушай: дамъ тебѣ спасительный совѣтъ!
Любовію къ тому, въ чьей власти мракъ и свѣтъ,
Молю: не надѣвай одежды лицемѣрія,
Плаща ханжи не надѣвай!
Чрезъ мигъ нашъ бренный міръ исчезнетъ въ безконечности!
Лишь вѣчность—безъ конца! Пойми-жъ: не продавай
За краткій мигъ все царство вѣчности!..

31.

Есть въ небѣ быкъ Первинъ,—созвѣздіе Плеядъ,
А на рога другой взялъ землю, говорятъ...
Открой же взоръ души, открой глаза сознанья,
Какъ тѣ, сподобился кто истиннаго знанья,—
И посмотри-ка тамъ, межъ этихъ двухъ быковъ,
На горсть ничтожную ословъ!..

32.

Чье сердце благости лучемъ озарено,
Невидимымъ лучемъ невидимаго Бога,—
Гдѣ-бъ ни былъ сердца храмъ,—мечеть иль синагога,

Гдѣ-бъ ни молился тотъ, чье имя внесено
Въ скрижали истины, въ любви святую книгу, —
Онъ чуждъ волненія, онъ недоступенъ игу,
И не страшитъ его кромѣшный, жгучій адъ,
И не плѣняетъ рай, исполненный усладъ!..

ЦАРЬ ВАХТАНГЪ.

ГРУЗИНСКАЯ БАЛЛАДА.

Посв. Алексѣю Михайловичу Унковскому.

Царь Вахтангъ на конѣ, далеко отъ дружинъ,
Быстрой лани во слѣдъ, въ горныхъ дебряхъ одинъ,
Безъ боязни, безъ устали скачетъ...
Конь ретивый заржалъ, прянулъ въ сторону вдругъ...
Оглянулся Вахтангъ,—видитъ: бѣдный пастухъ
На землѣ распростерся и плачетъ.

— «Ты о чемъ это, другъ?» — «Государь, у меня
«Былъ единственный конь—и сегодня коня
«Поутру злые люди украли.
«Очень крѣпко я спалъ»... Царь прервалъ его рѣчь:
— «Эдакъ могутъ украсть даже голову съ плечъ!
«Голова-то, пощупай, цѣла ли?»

«Эхъ! лѣнтяй мой народъ!..»—«Чѣмъ напрасно корить,
«Ты бы долженъ былъ, царь, мнѣ коня подарить!
«Я плательщикъ оброка исправный,
«За тебя кровь пролить я съумѣю, любя,—
«Такъ не грѣхъ и поспать: хоть разокъ на тебя
«Положиться, мой сторожъ державный!...»

Разсмѣялся Вахтангъ: «Ну, пастухъ—молодецъ,
«Я коня тебѣ дамъ!.. Приходи во дворецъ!..»
И домой царь направился шагомъ,
На пути-жь разсуждалъ: «Оборванецъ-то правъ:
«Чѣмъ носиться безъ толку средь горъ и дубравъ,
«Не заняться ли родины благомъ?..»

ИЗЪ ПРЕДАНІИ О ХОДЖѢ НАСРЪ-ЭДДИНѢ.

СЪ ТАТАРСКАГО.

1.

Домъ Тамерлана.

Великій Тамерланъ, завоеватель міра,
Въ одинъ изъ рѣдкихъ дней спокойствія и мира,
Съ муллою разъѣзжалъ по вотчинамъ своимъ
И тихо рѣчи велъ съ премудрымъ Насръ-Эддиномъ—
О смерти, о судьбѣ, о Господѣ единомъ,
    О славѣ царствъ, развѣянныхъ, какъ дымъ...

И выходилъ народъ вездѣ къ нему съ дарами;
Но принялъ Тамерланъ плетушку лишь съ плодами,
Сказавъ: «Довольно мнѣ и вашихъ податей!»
Въ плетушкѣ былъ инжиръ, весь янтаремъ налитый,
И персикъ золотой, сѣдымъ пушкомъ покрытый,
    И винограда пять большихъ кистей;

То былъ даръ нищаго, калики перехожей,—
Но принялъ царь его, сказавъ: «Онъ всѣхъ дороже!»
И во дворецъ велѣлъ его снести муллѣ...
Но, воротясь домой ко времени намаза,—
Въ дворцѣ, гдѣ бирюза—соперница алмаза,
Онъ не нашелъ плетушки на столѣ.
И гнѣвно онъ въ муллу свой взоръ вперилъ орлиный
И ждалъ...
— «Да сохранить тебя Господь единый!»
Мулла такъ на нѣмой отвѣтствовалъ вопросъ:
«Вѣдь здѣсь не твой дворецъ! Ты здѣсь лишь—посѣтитель!
«Твой домъ—на кладбищѣ! Въ послѣднюю обитель,
«Въ твой вѣчный домъ корзину я отнесъ!..»

2.

Кого больше?

— Повѣдай, мудрый Насръ-Эддинъ,
(Вѣдь мы невѣжды всѣ, какъ дѣти!)
Кого имѣется на свѣтѣ
Побольше: женщинъ иль мужчинъ?»
Мулла отвѣтилъ: «Слава Богу,
«По пальцамъ если перечесть,
«Мужчинъ, пожалуй, больше есть...
«Но коль судить мы станемъ строго,—
«Раскроемъ свой духовный глазъ,
«Увидимъ, какъ мужчины слабы,
«Какъ заправляютъ ими бабы,—
«То женщинъ... больше во сто разъ!..»

3.

«По третьему теленку».

Всегда цѣна коровѣ высока,
Когда у ней теленокъ третій:
Тогда въ ней—море молока!
То знаютъ въ селахъ даже дѣти!

Мулла повелъ корову на базаръ
И, торговать умѣя тонко,
Отлично продалъ свой товаръ,
Сказавъ: «Отъ третьяго теленка».

И торгомъ онъ похвастать былъ не прочь.
Къ его женѣ явились бабы
И говорятъ: «У васъ есть дочь
«И хочетъ замужъ!.. Люди слабы!

«Мы жениха нашли красавца ей:
«Сынокъ богатаго сосѣда...»
Мулла подслушалъ—и скорѣй
Кричитъ: «О чемъ у васъ бесѣда?!»

«Молчи, жена! Я лучше разскажу!
«Нѣтъ краше дѣвушки на свѣтѣ!
«Къ тому же, я вамъ доложу,
«У ней какъ разъ ребенокъ третій!..»

Бѣжали свахи съ криком: «Вотъ-те-на!..»
— «Ты дочь родную опозорилъ!»
Пошла бранить муллу жена...
— А онъ ожесточенно спорилъ:

*

«Взбѣсилась ты?! Твердишь: «Злодѣй, дуракъ!»
«Ей не понять, о, правый Боже,
«Что здѣсь базарный торгъ и бракъ—
«Почти всегда—одно и то же!..»

4.

Ложь.

Былъ мулла лжецомъ примѣрнымъ.
Разъ онъ крикнулъ правовѣрнымъ:

* * *

— «Ей! бѣгите поскорѣй!
«Старый бекъ съ ума сошелъ:
«Онъ уставилъ цѣлый столъ,
«Хоть на тысячу гостей,—

* * *

«Всѣхъ зоветъ отвѣдать плова!
«Всѣхъ! Даю честнòе слово!..»

* * *

— И немедля старъ и малъ,—
Кто съ тарелкой, кто съ котломъ,
Кто съ открытымъ просто ртомъ,—
За пилавомъ побѣжалъ.

* * *

А мулла атукалъ съ жаромъ
Вслѣдъ мелькавшимъ шароварамъ...

* * *

— «Ну, надулъ же я ословъ!»
Думалъ онъ: «тутъ все село!
«Вишь ты, какъ ихъ понесло,
«Даромъ кушать вкусный пловъ!

***

«Вишь! бѣгутъ быстрѣй газели!..»
— «Ну, а что̀, какъ въ самомъ дѣлѣ

***

«Это правда̀, а не ложь,
«Коль повѣрить всѣ могли?!
«Даже слюнки потекли
«И всего пробрала дрожь!..»

***

Такъ нашептывалъ желудокъ
И мрачилъ его разсудокъ...

***

И мулла желудку внялъ:
И безъ миски, не съ котломъ,
А съ отрытымъ жадно ртомъ
За пилавомъ побѣжалъ,

***

Просто съ юношескимъ жаромъ,—
Вслѣдъ мелькавшимъ шароварамъ...

5.

На погребенье.

Прослышалъ какъ-то Насръ-Эддинъ,
Что бекъ, вельможный господинъ,
Слугу любимаго хоронитъ;
Услышалъ онъ,—да какъ застонетъ:
— «Ахъ, бѣдный, бѣдный! Ахъ, какъ жаль!
«Скорѣй коня!..» И чрезъ мгновенье
Онъ, весь въ слезахъ, ужь несся въ даль,—
На погребенье.

* * *

Въ пути какой-то человѣкъ
Сказалъ: «То самъ скончался бекъ!»
— «О, если такъ,—статья другая!
«Вѣдь я же ѣхалъ, полагая
«Его вниманье заслужить,
«Слезами выразить почтенье...
«Онъ умеръ самъ?! — Кчему спѣшить
«На погребенье?!

* * *

«Хоть заслужѐнный я мулла,—
«Но мнѣ на мертвыя тѣла
«Глядѣть безъ толку непріятно!..»
Сказалъ—и поскакалъ обратно...

6.

Мертвый котелъ.

На пять-шесть дней просить кастрюли
Пришелъ мулла къ сосѣду въ домъ;
Просилъ — и выпросилъ съ трудомъ.
Пять дней мгновеньями мелькнули —

И, возвратясь, сказалъ мулла:
— «Твоя кастрюля родила!

«Спѣшу вернуть ее съ приплодомъ!..»
Открылъ кастрюлю: дивный видъ!
Кастрюлька-крошка въ ней лежитъ!..
Сосѣдъ былъ всякимъ радъ доходамъ —

И рекъ, взявъ обѣ: «Да, мулла!
«И впрямь кастрюля родила!..»

Мулла смѣялся... Мчится время...
Къ сосѣду вновь мулла пришелъ:
— «Дай на недѣльку мнѣ котелъ...»
— «Ну что-жь?! Услуга мнѣ не бремя!

«Я радъ жить въ дружествѣ съ людьми»,
Скупецъ отвѣтилъ: «На! возьми!..»

Такъ молвилъ онъ — и ждалъ приплода:
Соображалъ онъ: «У муллы
«Рожать съумѣютъ и котлы!
«На чудеса щедра природа!..»

Увы! въ слезахъ пришелъ мулла:
— «Котелъ твой померъ! Нѣтъ котла!..»

Сталъ разъяреннымъ, дикимъ звѣремъ,
Кричать, ругаться сталъ сосѣдъ...
Мулла-жь сказалъ: «Такъ созданъ свѣтъ!
«Мой другъ! вѣдь если мы повѣримъ,

«Что и кастрюля родила, —
«То какъ не вѣрить въ смерть котла?!..»

СЪ АРАБСКАГО.

1.

«Нѣтъ бога, кромѣ Бога!..»

Старый шейхъ свершалъ намазъ
Близъ дороги, гдѣ какъ разъ
Проходилъ халифъ со свитой.
И владыки взоръ сердитый
Сталъ придворныхъ вопрошать:
— «Какъ онъ могъ! какъ смѣлъ не встать,
«Не привѣтствовать какъ надо
«Повелителя Багдада?»
Дрожь объяла робкихъ слугъ.
— «Здравствуй!» царь промолвилъ вслухъ....
Весь въ молитвѣ, духомъ свѣтелъ,
Шейхъ владыкѣ не отвѣтилъ...
— «Сочтены его часы!
«Взять его!..» и, словно псы,
Слугъ набросилась орава.
Коротка была расправа:
Къ повелителю земли

На веревкѣ привели
Старца Божьяго мгновенно.
И промолвилъ шейхъ смиренно,
Мимолетный страхъ поправъ:
— «Ты халифъ, но ты неправъ!..
«Если-бъ я тебѣ, царь славы,
«О дѣлахъ твоей державы
«Вдохновенно рѣчи велъ,
«И твой рабъ къ намъ подошелъ,
«Гордо требуя привѣта, —
«Я надѣюсь, что за это,
«Правосудіе храня,
«Ты его, а не меня,
«Проучить велѣлъ бы строго!..»
— «Да!.. нѣтъ бога, кромѣ Бога!»
Царь сказалъ, урокъ понявъ:
— «Я халифъ, — но я неправъ!»

2.

Задача.

Шейхъ, потомокъ Магомета,
Слылъ въ странѣ любимцемъ Бога:
По молитвѣ шейха было
Можно благъ добыть премного.

* * *

И пришли за той молитвой
Къ шейху въ Мекку, городъ древній,
Земледѣлецъ и горшечникъ —
Два сосѣда по деревнѣ.

* * *

Первый молвилъ: «Старецъ вѣщій!
«Испроси мнѣ дождь у неба:
«Безъ того погибнутъ нивы
«И останусь я безъ хлѣба!..»

* * *

Но въ слезахъ прервалъ горшечникъ:
«Въ дождь не выжечь мнѣ посуду!
«Старецъ! вымоли бездожье,
«А не то я нищимъ буду!..»

* * *

Въ этотъ день премудрый старецъ
Былъ душой не очень свѣтелъ:
«Уходите, братцы, съ миромъ!»
Онъ просителямъ отвѣтилъ,

* * *

«Пусть изъ васъ пребудетъ каждый
«Въ Божьей милости увѣренъ, —
«А въ тупикъ Аллаха ставить
«Изъ-за васъ я не намѣренъ!..»

ОЧЕНЬ ПРОСТО.

ЛЕЗГИНСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Съ дикихъ горъ, твердынь свободы,
Въ гости къ жителю равнинъ
Прибылъ разъ вольнолюбивый,
Гордый вольностью лезгинъ.

* * *

И очамъ его орлинымъ
Не понравилась Нухà; *)
Совращать онъ сталъ знакомца
На опасный путь грѣха:

* * *

— «Ну, порядки! Ханъ вашъ — просто
«Кровожадный, лютый звѣрь!
«Двадцать лѣтъ, какъ вы боитесь
«Показать ему на дверь!

* * *

---

*) Нуха — бывшая столица нѣкогда грознаго Шекинскаго ханства.

«Онъ слуга, намѣстникъ шаха:
«Пусть бы шахъ его прогналъ! —
«А не то, — у васъ, надѣюсь,
«Есть у каждаго кинжалъ!!!..»

* * *

Но прервалъ хозяинъ: — «Полно!
«Слишкомъ пылокъ ты, мой другъ!
«Ханъ, положимъ, вѣшать любитъ, —
«Но страшнѣй намъ шайка слугъ!

* * *

«Слуги хана — мы же сами,
«Корень зла не въ немъ, а въ насъ:
«Хану рай открыть кинжаломъ
«Мы могли бы хоть сейчасъ!

* * *

«Ну, — и что-жь за перемѣна?!..
«Развѣ та, что ханъ другой
«Сталъ бы, для разнообразья,
«Вѣшать книзу головой!!!..»

МНОГОЖЕНСТВО.

(Истинное происшествіе).

Разъ, на раутѣ блестящемъ
У персидскаго посла,
Опрометчивая дама
Рѣчь такую повела:

* * *

— «Excellence! pardon... скажите,
«Неужели по сей часъ
«Многоженство, — этотъ ужасъ
«Принятъ въ Персіи у васъ?!»

* * *

Не смутился персіянинъ,
Дипломатъ большой руки:
Лишь въ восточныхъ черныхъ глазкахъ
Засверкали огоньки.

* * *

«Да», сказалъ онъ, «многоженство,
«Этотъ ужасъ, — на бѣду,
«Совершенно какъ въ .... Европѣ,
«И у насъ въ большомъ ходу;

***

«Но условно многоженство
«Разрѣшаетъ намъ законъ:
«Прокормить своихъ должны мы,
«А чужихъ не трогать женъ!..»

***

«Ну... а здѣсь мужья, — насколько
«Я обычаи постигъ, —
«Многихъ женъ имѣютъ тайно
«И... не очень кормятъ ихъ!..»

ИЗЪ КН. ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ.

СЪ ГРУЗИНСКАГО.

Довольно! перестань, жестокая судьба!
Ты много лѣтъ меня терзала, какъ раба:
Кровавою слезой мнѣ очи обжигала,
Отрадныя мечты злорадно попирала,
Надежды лучшія во мнѣ губила ты,
Топтала счастія цвѣты!..
— И раны сердце жгутъ, изныла грудь отъ гнета!..
Довольно! часъ насталъ, желанный часъ разсчета!
Дни рабства отошли, свобода впереди!
Куда-жь дѣвалась ты? Не прячься, выходи!
Перемѣниться намъ давно пора мѣстами:
Подъ дудку я твою плясалъ до этихъ поръ,
Стоналъ, въ безсильи свой оплакивалъ позоръ!
— Теперь я взялъ свирѣль отважными перстами —
И грянетъ пѣснь моя, побѣдный кличъ души!
Теперь съиграю я, — а ты, судьба, пляши!..

ТАМАРА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ВЪ СТИХАХЪ.

ТАМАРА.

Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, кн. А. Р. Церетели *).

Посв. кн. А. И. Сумбатову.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Георгій, владѣтель имеретинскій, бывшій князь Гуріи.
Тамара, царица, жена его.
Гоча, поэтъ.
Шутъ.
Цира, служанка царицы.
Накашидзе, великій визирь.
Кутатели, верховный судья.
Нико, гуріецъ.
Слуга.
Первый } игроки въ мячъ.
Второй }

Толпа игроковъ въ мячъ, придворные обоего пола, представители народа, стража и т. д.

Дѣйствіе происходитъ въ Имеретіи, въ XVII-мъ вѣкѣ.

---

*) *„Тамаръ-Цбіери“*, изд. Діасамидзе, Тифлисъ, 1886; въ томъ же году эта драма была поставлена на тифлисской грузинской сценѣ. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ I.

Большая площадь; посрединѣ ея развѣсистый чинаръ; въ сторонѣ видна часть дворца на берегу Ріона.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Эй! кинули! Ловите, удальцы!
Ловите мячикъ! Эй, сюда бросайте!
Лови! хватай! Вонъ, всаднику достался!
А ну, посмотримъ, кто быстрѣй коня!
Вотъ молодецъ! Гуріецъ догоняетъ!
Какая прыть! Не человѣкъ, а тигръ!
Вмигъ на коня вскочилъ и отнялъ мячикъ!
Назадъ несетъ! Держите! выручайте!
Эй! Кто смѣлѣй?!.. Нѣтъ, не зѣваютъ наши!
Вотъ... окружили, сшибли!.. Отнятъ мячъ!..
Эй! не задерживать! бросайте снова!..

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ два игрока, въ бешметахъ, съ засученными рукавами.

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Ухъ! какъ усталъ я! просто мо̀чи нѣтъ!
И для чего намъ этакъ убиваться?!

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Да что̀ тутъ дѣлать?! Развѣ ты не слышалъ,
Что царь съ царицей бились объ закладъ?!

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Да, слышалъ! царь на сторонѣ гурійцевъ,
Ну, а за насъ царица: оттого
Играютъ всѣ такъ страстно и усердно!

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Признаться надо: будь гурійцевъ больше,—
Досталась бы навѣрно имъ побѣда!
Какая ловкость, сила, удальство!
Что за прыжки! Степной газели впору!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и шутъ.

ШУТЪ.

А... Что̀ вы тутъ изволите творить?

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Устали, умникъ!.. Сѣли, отдыхаемъ
И отъ тебя премудрыхъ ждемъ рѣчей.

ШУТЪ.

Когда борзыя прозѣваютъ зайца,
Ихъ вмѣсто хлѣба, плетью угощаютъ?

Собачки милыя! Вашъ заяцъ—мячъ!
Упустите изъ рукъ—и вы пропали:
Задастъ вамъ перцу добрая царица!

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Куда гурійцамъ нашихъ побѣждать?!
Да здравствуетъ великая Тамара!..

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Унесъ! бѣжитъ! Гурійца не пускать!

Показывается гуріецъ съ мячикомъ въ рукахъ.

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ [**загораживая ему дорогу**].

Постой! Брось мячъ! Мы сами, братъ, съ усами!..

Гуріецъ ловкимъ ударомъ ноги опрокидываетъ его, перескакиваетъ черезъ него и убѣгаетъ съ мячемъ; толпа игроковъ перебѣгаетъ черезъ сцену.

ШУТЪ.

[**Долго смотритъ вслѣдъ убѣгающимъ, потомъ возвращается на авансцену съ насмѣшливой улыбкой**].

Охотно ястребъ бьетъ перепеловъ,
А голубей гоняетъ ясный соколъ...
Игрою въ мячъ себя царица тѣшитъ.
А царь не прочь и отъ иной игры,—
Да скованъ! Эхъ!.. Сама царица—мячикъ!
Сама къ другимъ все въ руки попадаетъ,—
Ни у кого лишь долго не побудетъ!..
Нѣтъ, есть такой: я думаю, что Гоча
Ее навѣки могъ бы удержать!..
Да что̀ ему?! Какъ видно, всѣ поэты
Однѣмъ мечтамъ, мечтамъ безплоднымъ служатъ!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Онъ же и Накашидзе.

НАКАШИДЗЕ.

Ты здѣсь?

ШУТЪ.

Кто? Я?.. Конечно, нѣтъ!
Я васъ прошу считать меня въ отлучкѣ!

НАКАШИДЗЕ.

Я знаю! да! душа твоя въ аду—
И предо мной лишь дрябленькое тѣло!

ШУТЪ.

Частенько адъ вы стали вспоминать!
Не въ стачкѣ-ль вы, почтеннѣйшій, съ чертями?!

НАКАШИДЗЕ.

Съ чертями въ стачкѣ развѣ тотъ, кто душу
Продать имъ могъ за шутовской колпакъ!

ШУТЪ.

Нѣтъ! Колпакомъ я душу прикрываю,
Чтобъ сохранить въ покоѣ, въ чистотѣ,
Тогда какъ...

НАКАШИДЗЕ.

Чтò?! Ну, продолжай:—тогда какъ...

ШУТЪ.

Такъ, ничего... Я лишь хотѣлъ замѣтить,
Что тяжело не по теченью плыть!
Кто изъ толпы посмѣетъ выдѣляться,
На тѣхъ, увы! собаки даже лаютъ!..
И вамъ о томъ подумать не мѣшало-бъ...

НАКАШИДЗЕ.

Поздненько, братъ! Кто въ старости начнетъ,
Какъ мальчуганъ, учиться на чонгури,—
Тотъ пѣсенку порядочно сыграть
На томъ лишь свѣтѣ развѣ умудрится!
Я отжилъ вѣкъ! Мѣняться не пристало!
Эхъ! не до смѣха намъ! Несчастный царь,
Нашъ царь, почти утратившій разсудокъ,
Богъ знаетъ, что̀ творитъ! Отчизну губитъ!..
Какъ я тебѣ завидую!—Ты—шутъ!
Ты высказать все можешь безъ утайки!..

ШУТЪ.

Нѣтъ! зависть брось! Горька и наша доля!
Въ годину бѣдъ, во дни кровавыхъ смутъ,
Позоръ шута кто добровольно приметъ—
Слыветъ глупцомъ! Послѣдній хамъ и песъ
Предъ нимъ свой носъ холопскій задираетъ!..

НАКАШИДЗЕ.

Все это такъ... Зато, когда мы въ страхѣ
Нѣмѣемъ,—шутъ игривой прибауткой
Дѣла вершитъ, рѣшаетъ участь многихъ!..

ШУТЪ.

Вся жизнь такимъ минутамъ отдается!
Тогда предѣла, мѣры счастью нѣтъ!..

НАКАШИДЗЕ.

Чего же вамъ?!.. Счастливѣй насъ, придворныхъ,
Вы во сто кратъ! Обязаны другъ другу
Мы подражать, должны по-волчьи выть,
Въ себѣ гасить святыя мысли, чувства,
Губить невинность ядомъ клеветы,
Виновности почтительно мирволить
И предъ неправдой ползать на колѣняхъ,
Безжалостно осмѣивая правду!
Да, ужь таковъ придворной жизни строй!
Не только здѣсь! — вездѣ проказа эта
Растлила жизнь, гдѣ нѣтъ законной власти!..
О, тяжело все это сознавать
И поступать наперекоръ сознанью!...
Мнѣ съ малыхъ лѣтъ былъ ввѣренъ царь Георгій:
Наставникомъ, отцомъ я былъ ему —
И что-жь?!. Молчу!.. Сказать не смѣю правды
И въ роковыхъ ошибкахъ уличать!..
Кахетіей и карталинскимъ царствомъ,
Какъ мячикомъ, играетъ Шахъ-Абасъ!
Родная кровь потоками струится, —
А онъ, герой, имеретинскій царь, —
Игрою въ мячъ и джигитовкой занятъ!..
О, кто могъ ждать?!.

ШУТЪ.

Онъ, вѣрно, околдованъ!
Не зелья ли ему змѣя-Тамара
Подсыпала?..

НАКАШИДЗЕ.

У, вѣдьма! До тѣхъ поръ,
Пока ее не уберутъ отсюда, —
И намъ бѣда, и всей отчизнѣ горе!..
До той поры мы будемъ...

ШУТЪ.

Тссс!.. идутъ!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и слуга.

СЛУГА [къ Накашидзе].

Васъ царь зоветъ...

НАКАШИДЗЕ.

Да развѣ состязанье...

СЛУГА.

Окончено давно, и, какъ всегда,
Имеретинамъ выпала побѣда...

НАКАШИДЗЕ.

Не мудрено: на каждаго гурійца
По двадцати имеретинъ пришлося!..
Не то — другой бы вышелъ разговоръ!..

[Къ Шуту].

Ты остаешься?

ШУТЪ.

Да, дождусь поэта...

НАКАШИДЗЕ.

А послѣ онъ пускай зайдетъ ко мнѣ!

[Уходитъ].

ШУТЪ [одинъ].

Не диво ли, что старца Накашидзе
Досель еще царь держитъ при себѣ?!
Ужель не видитъ хитрая Тамара,
Ужель не чуетъ запаха измѣны?!
Иль, все замѣтивъ взоромъ дальновиднымъ,
Лишь до поры до времени молчитъ,
Чтобъ разомъ всѣхъ накрыть одною сѣтью,
Подсыпавъ раньше корму золотаго
Довѣрчивымъ и глуповатымъ птицамъ?!.
Тогда прощай!.. Однако, что̀ же я!..
Ужели я боюсь?! Теперь ужъ поздно!
Не ждать бѣды — за дѣло браться надо!..
Кончать пора! Не даромъ говорятъ:
Рѣшительность — сестра родная счастья!..

[Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Гоча — одинъ.

ГОЧА [читаетъ письмо].

«Хотѣла-бъ я розою быть благовонной,
«Чтобъ ты соловьемъ надо мною виталъ
«И пѣлъ бы мнѣ пѣсни, безумно влюбленный,
«Отъ страсти бы млѣлъ, трепеталъ!..

«Хочу быть фіалкой, чтобъ ты былъ прохладной
«Росой, благодатью для рощъ и для нивъ:
«Тебя я впивала-бъ восторженно, жадно,
«Свой вѣнчикъ душистый раскрывъ!

* * *

«Иль быть кипарисомъ изъ райской дубравы,
«Чтобъ ты былъ плющомъ, ненаглядный ты мой!
«Имѣть на безсмертье блаженное право —
«И все промѣнять, — вѣчный свѣтъ и покой, —
«За мигъ наслажденья съ тобой!..»

[Свертываетъ письмо].

Опять стихи! Однако, не на шутку
Ко мнѣ царица гордая снисходитъ!
Замѣтила смиреннаго пѣвца!
Всю жизнь она любовью упивалась —
И мало все! Любви фіала, видно,
Она до дна еще не осушила!..
Бѣда грозитъ! Опасна месть Тамары!
Да... женщины прощаютъ все и всѣмъ:
Измѣннику, злодѣю, грубіяну, —
Но равнодушнымъ нѣтъ у нихъ прощенья!..
А кто изъ нихъ глубоко, честно любитъ?!
То не любовь — задоръ самолюбивый!..
Но если онъ въ красоткѣ уязвленъ, —
Ее отказъ холодный разжигаетъ
И кажется ей прихоть вѣчной страстью!..
Пять разъ Тамара, отъ живыхъ мужей,
Какъ будто въ шутку, замужъ выходила!
Окружена поклонниковъ толпою,
Чѣмъ старше, тѣмъ задорнѣй, ненасытнѣй—

И молніей минутныхъ увлеченій
Готова міръ, весь міръ испепелить
Преемница развратной Дареджаны,
Достойная злодѣйки ученица!..
Пора-бъ и ей принять конецъ такой же!
Пора спасать растлѣнный, бѣдный край!..
Пора!.. Но мать успѣха — осторожность!..
Несмѣлъ и старъ нашъ добрый Накашидзе...
Да вообще, — участниковъ гдѣ много,
Тамъ заговоръ кончается ничѣмъ!
Нѣтъ, лучше я одинъ возьмусь за дѣло
И все свершу!.. Что-жь Цира не приходитъ?!
Орудіемъ послужитъ мнѣ она!
А... вотъ она!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гоча и Цира.

ГОЧА.

А, крестница! малютка!
Скажи, дитя, узнала что-нибудь
О нашей бѣдной, горестной царевнѣ,
Всего лишенной, мужа и свободы?!.

ЦИРА.

Увы! Моя молочная сестра,
Души моей и помысловъ царевна,
Заточена навѣки въ монастырь, —
Какъ будто грѣхъ ужасный совершила!
Унижена... Въ оковахъ... И за что же?!

За то, что мужъ ея родную мать
Взялъ въ жены! Съ тещей въ бракъ вступилъ законный!
Законный!.. О! будь проклята, колдунья!
Нѣтъ ничего святаго для тебя!
Сидитъ моя печальная голубка
И слезы льетъ, одна въ угрюмой кельѣ,
Со мной не можетъ горемъ подѣлиться!..

ГОЧА.

Твоя печаль бѣды не отразитъ,
И не спасутъ стенанія царевну!
Пойми: на смерть она обречена!..

ЦИРА [отскакивая].

На смерть?!. На смерть?!. Чтò ты сказалъ?! Ты бредишь?!
Ты мнѣ солгалъ, отсохни твой языкъ!..

ГОЧА.

Не горячись и не кричи! услышатъ!
Чему дивишься ты?! Все очень просто:
Тайкомъ ее въ монастырѣ задушатъ —
И скоро все забудется, какъ сонъ!
Такія ли дѣла творятся въ мірѣ?!
Кто беззаконій жертвы всѣ исчислитъ?!.

ЦИРА.

Скажи... ты вѣрно что-нибудь узналъ?!

ГОЧА.

Я?.. Нѣтъ... Но ясно, ясно, что царица
До той поры спокойно спать не будетъ,

Пока съ царевной бѣдной не покончитъ;
И святотатецъ гнусный Генатели,
Какъ старый другъ, поможетъ въ этомъ ей!..

ЦИРА.

О, Боже мой! Ужель ей нѣтъ спасенья,
Ужели ей погибнуть суждено?!
Не можетъ быть! Пѣвецъ! Нѣтъ, я не вѣрю!
Тогда бы міръ не могъ существовать
И свѣтлый рай призналъ бы власть геенны!
Не можетъ быть! Искать, придумать надо...
На помощь звать и небеса, и землю!..

ГОЧА.

Я знаю средство: въ немъ спасенья ключъ...
Но прежде будь со мною откровенна:
Чтò, еслибы понадобилась жертва?..
Да, для своей царевны угнетенной
Готова-ль ты на подвигъ?!. Говори!..

ЦИРА.

Какой вопросъ?! Да развѣ ты не знаешь,
На чтò грузинка вѣрная готова?!
Я племени родному измѣнила-бъ,
Когда бы ту, что матерью моей,
Какъ дочь родная, вскормлена, пригрѣта,
Я, какъ сестру, какъ душу, не любила!
О, за нее отрадно умереть!
Такая смерть была бы слаще жизни!..

ГОЧА.

При чемъ тутъ смерть? Твоей не нужно смерти!
Убить врага, убить Тамару надо,
Чтобъ все спасти, — царевну и страну!..

ЦИРА.

Страну?!

ГОЧА.

А что-жь?! Ты думаешь, царица
Одну ее, одну царевну губитъ?!
А кто, скажи, кто, если не она,
Довелъ нашъ край до гибели позорной?!
Свой головной уборъ, взамѣнъ лечаки,
Украсивъ сѣтью, сотканной чертями,
Она въ волнахъ постыднаго разврата,
Безъ ўстали, какъ опытный рыбакъ,
Проклятой сѣтью ловитъ негодяевъ!
Столпы страны, вожди, свѣтила царства, —
Всѣ другъ на друга, скоро тридцать лѣтъ,
Какъ поднялись съ мечемъ братоубійцы!
И божьи слуги, божій страхъ забывъ,
Потворствуютъ дѣяньямъ нечестивымъ!
Спасенья нѣтъ! Погибель неизбѣжна!

ЦИРА.

Зачѣмъ во всемъ винить одну Тамару?
Гдѣ-жь царь? Гдѣ мужъ? Зачѣмъ онъ дозволяетъ?..

ГОЧА.

Гдѣ царь?!. Увы! Онъ разумъ потерялъ!
Когда-бъ ты знала, кѣмъ нашъ царь былъ прежде!
Иль думаешь, дитя, что не любилъ онъ
Своей жены, своей царевны кроткой?!..
Въ его душѣ любовь не умерла:
Другія мысли грѣхъ ему внушили!
Не будь при немъ Тамары безсердечной,
Свою жену давно бы воротилъ онъ —
И ожилъ бы, расцвѣлъ бы цѣлый край!
Нашъ край — мертвецъ, пока жива Тамара!..

ЦИРА.

Царевна!.. Правда!.. Царство оживетъ,
Воспрянетъ все для счастья и свободы!..
Что-жь медлю я?! Что-жь медлишь ты, пѣвецъ?!
Скорѣе путь надежный укажи мнѣ!
Не надо! Нѣтъ! Я знаю, что̀ мнѣ дѣлать!
Дай мнѣ кинжалъ!..

ГОЧА.

Геройское дитя!
Ты доблестью растрогала мнѣ душу!
Я вижу, ты недаромъ дочь мингрельца!
Но не тебѣ за это дѣло браться:
Ты нѣжное, ты слабое созданье!..
Невѣрный шагъ одинъ сгубить все можетъ:
Тутъ надобно разить навѣрняка!..
Подробно все и зрѣло я обдумалъ.
Есть удалецъ Нико, Нико-гуріецъ,

Прославленный у насъ игрою въ мячъ;
Его вблизи видала-ль ты, скажи мнѣ?!
При немъ сердца красавицъ кутаисскихъ,
Какъ птички передъ ястребомъ, трепещутъ,—
Но тщетно все: онъ ихъ и знать не хочетъ,
Онъ полюбилъ одну, что краше всѣхъ,
Онъ отдалъ ей всѣ помыслы, всѣ чувства
И для нея пожертвовалъ бы жизнью...
Но кто-жь она?.. Не знаешь ли, мой другъ?
Не ты-ль сама?!. Ого, какъ покраснѣла!..
Къ чему тебѣ скрываться и стыдиться?!
Любви такого витязя отвѣтить
Не только можно,—должно, Богъ велитъ!
Не выдастъ онъ! Надежный, вѣрный малый!
Во всемъ ему открыться можешь ты,
И если онъ тебѣ душою преданъ
И къ родинѣ любовью вдохновленъ,
Ты проведи его въ опочивальню,
А тамъ ужь онъ...

ЦИРА.

Вѣдь онъ за то погибнетъ!
Нѣтъ, лучше я пожертвую собой!..

ГОЧА.

Да кто-жь узнаетъ?! Все свершится тайно,
Убійцу ночь безмолвная покроетъ...
А если нѣтъ,—его всегда ты можешь
Спасти, принявъ убійство на себя...

ЦИРА.

Да! Да, ты правъ...

ГОЧА.

Довольно волноваться!..
Вокругъ него обвейся хитрой змѣйкой,
Провѣрь его, взволнуй, обворожи —
И, лишь увидѣвъ твердую рѣшимость,
Повѣдай все... не сразу, понемногу...

ЦИРА.

Довольно! все я поняла! Прощай!
И да поможетъ мнѣ святой Георгій!

[Убѣгаетъ].

ГОЧА [одинъ].

Ужели гордую, всесильную царицу,
Гнетущую народъ презрительной пятой,
Во прахъ низвергнетъ ножъ прислужницы простой?!
Мышенокъ загрызетъ свирѣпую тигрицу?!
Ужель? О, торжество!.. Дай силъ ей, Боже силъ!
И на меня воззри! Избавь отъ мукъ сомнѣнья!
Что, если это грѣхъ, измѣна, преступленье?!
Его давно въ душѣ лелѣялъ я, носилъ!
Нѣтъ, погасить хочу, а не возжечь крамолу!
Низринувшись во мракъ, отчизнѣ свѣтъ вернуть,
Геройскій духъ — царю, величіе — престолу!..
Давно истомлена тяжелымъ гнетомъ грудь!
Все кто-то мнѣ твердилъ во мглѣ ночей безсонныхъ:
— «Свершай кровавый судъ! Пора спасать народъ!»
Не Ты ли мнѣ вѣщалъ, безсильнаго оплотъ,
Духъ вѣчной истины, надежда угнетенныхъ,

*

Не Ты-ль вѣщалъ, мой Богъ:—«Иди! преступникъ тотъ,
«Кто въ равнодушіи погрязъ, въ болотной тинѣ,
«Чья не подымется разящая рука!
«Вотъ сонмы жертвъ людскихъ трепещутъ въ паутинѣ!
— «Дави же паука!..»

ДѢИСТВІЕ II.

Богатая уборная Тамары.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тамара въ красивомъ нарядѣ и Цира.

ТАМАРА.

А! Цира! Что-жъ? Исполнила приказъ?!

ЦИРА.

Была — и все исполнено, царица!

ТАМАРА.

Ты видѣлась?

ЦИРА.

О, да... И отдала...

ТАМАРА.

И что же?

ЦИРА.

Ничего... Прочелъ онъ, силясь
Волненье скрыть, и, ставъ ко мнѣ спиною,

Онъ бережно запряталъ на груди
Сокровище — письмо — и страстно къ сердцу
Дрожащею рукою прижималъ!..

ТАМАРА.

Онъ былъ одинъ?

ЦИРА.

Одинъ, моя царица;
Онъ говорилъ какіе-то стихи —
И радостью лицо его сіяло,
Блаженствомъ скрытымъ, смутнымъ ожиданьемъ,
А вмѣстѣ съ тѣмъ... какъ будто удивленьемъ,
Недоумѣньемъ взоръ былъ затуманенъ...

ТАМАРА.

Не помнишь ли, что̀ Гоча говорилъ?

ЦИРА.

Два слова помню: «роза» и «фіалка»...

ТАМАРА.

Ну, хорошо! Ступай! Когда придетъ онъ —
Предупреди меня — и знай: сегодня
Лишь для него открыта дверь моя!..
[Цира уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тамара—одна.

ТАМАРА.

[Ходитъ въ волненіи и по временамъ, подойдя къ зеркалу, съ самодовольной улыбкой разсматриваетъ себя].

Да! Какъ луна, достигшая предѣла
И полноты, и яркости сіянья,
И вышины своей стези лазурной,
Съ небесъ глядитъ съ улыбкой горделивой
И властно льетъ волшебный, тихій свѣтъ
На сонный міръ, на міръ завороженный, —
Такъ и моя, достигшая зенита,
Въ величіи расцвѣтшая краса!..
Надъ ней полетъ остановило время,
Ее крыломъ нетлѣнность осѣнила —
И я досель, на зло годамъ ревнивымъ,
Какъ подати, біеніе сердецъ
Беру съ земли и даже съ выси горней!..
И предо мной, въ оковахъ жгучей страсти,
Дрожатъ вожди, безстрашные герои, —
Дрожатъ, какъ лань предъ хищною тигрицей!..
Въ угоду мнѣ и слуги алтаря
Велѣнія соборовъ нарушаютъ!
Моя краса влечетъ ихъ, какъ магнитъ;
Волшебною, таинственною силой,
Мое сіянье зрячихъ ослѣпляетъ,
Моя краса слѣпыхъ доступна взорамъ!
Все для того, чтобъ какъ веретеномъ,

Я всѣмъ вертѣть могла по произволу!
Такъ ослѣпленъ былъ думой обо мнѣ
Степенный мужъ, премудрый Генатели:
И позабылъ онъ прошлое святое,
Грядущее, всю вѣчность радъ былъ дать
За краткій мигъ грѣховнаго соблазна!..
Князь Дадіанъ, ораторъ знаменитый,
Передо мной въ смущеніи нѣмѣетъ —
И только смотритъ, смотритъ, какъ на чудо!
И царь-слѣпецъ, смиренный царь Багратъ
Меня всегда, какъ будто зрячій, видѣлъ,
Какъ въ райскомъ снѣ весеннюю зарю!..
И даже самъ угрюмый Гуріели,
Могучій вождь, какъ левъ неукротимый, —
Передо мной покорнѣе овцы!
Онъ — рабъ мой! Вещь! Онъ у моей лечàки,
Онъ у вѣнца сталъ трепетнымъ подвѣскомъ!..

[Послѣ нѣкотораго раздумья].

Надъ всѣмъ я властна... Лишь одинъ пѣвецъ,
Одинъ поэтъ, бездомный и безродный,
Загадочный, задумчивый скиталецъ,
Влечетъ меня къ себѣ неотразимо,
Какъ сладостный безсмертія источникъ, —
Но не дано мнѣ жажды утолить!..
Моимъ желаньямъ онъ лишь непокоренъ —
И въ честь другой его рокочетъ лира,
Къ другой несутся звуки дивныхъ пѣсенъ!..
Не примѣчаетъ онъ живой Тамары,
Сверкающей въ расцвѣтѣ красоты:
Къ другой, давно исчезнувшей Тамарѣ
Онъ неземною страстію пылаетъ!

Какъ странно! Призракъ любитъ онъ!.. Чтò, если...
Лукавитъ онъ — и, для отвода глазъ,
Ввѣряясь лишь крылатымъ пѣснопѣньямъ,
Черты мои, томимъ любовью робкой,
Въ чертахъ другой Тамары воплощаетъ?!..
Самообманъ!.. Увы! себя я тщетно
Въ уныніи мечтой безумной тѣшу!..
Все это бредъ! Не вижу развѣ я,
Что онъ во мнѣ царицу только видитъ,
Даетъ мнѣ дань холоднаго почета!
О, эта дань обиднѣй подаянья!..
Нѣтъ!.. Какъ звѣздѣ не слышны всплески моря, —
Не внемлетъ онъ трепещущему сердцу,
Не видитъ молній страсти огневой,
Въ очахъ его отвѣтной нѣтъ зарницы!
Холодный взоръ стрѣлою ядовитой
Преступное пронзаетъ сердце мнѣ,
Взволнованную душу отравляетъ!..
И на устахъ его порой змѣится
Жестокая, бѣсовская улыбка...
О, еслибъ я могла тогда мгновенно
Повергнуть въ прахъ жестокаго безумца,
Испепелить, стереть съ лица земли!..
Мнѣ-бъ этотъ мигъ сталъ вѣчнымъ наслажденьемъ!..
Но нѣтъ! Увы! Лицо его порою
Озарено другой, иной улыбкой:
Надежды райской льетъ она бальзамъ!..
Взгляну — и въ сердцѣ муки утихаютъ,
На душу рой волшебныхъ грезъ нахлынетъ, —
Обиды, скорбь и слезы — все забыто!..
Безсильна я! изныла я въ плѣну,

Рабыня двухъ загадочныхъ улыбокъ!
Огонь и ледъ! Во мнѣ двоится сердце,
Душа... все существо мое двоится!
Люблю его — и вмѣстѣ ненавижу,
Сквозь ненависть мучительно люблю...
И подчинить его себѣ я жажду,
И жажду стать невольницей его!..
Его душой владѣть, отдать всю душу, —
Чтобъ, слившись съ нимъ, въ немеркнущемъ сіяньи,
Въ лучахъ любви исчезнуть навсегда!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тамара и Цира.

ЦИРА [входя].

Царица! Онъ пришелъ и ждетъ...

ТАМАРА.

Зови же!

[Цира уходитъ].

ТАМАРА.

Сейчасъ войдетъ!.. Посмотримъ, гордый Гоча,
Чего теперь меня ты удостоишь!..
Но, чу! Его шаги!.. Все ближе... ближе!..
Умѣрь же, сердце, трепетъ недостойный!
Молчи, языкъ! Постыдныхъ тайнъ не выдай!..

[Входитъ Гоча].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тамара и Гоча.

ТАМАРА.

[Сперва дѣлаетъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ Гочи, углубившись въ чтеніе книги].

Ты здѣсь уже?! А я и не слыхала!
Ты самъ виной: ни сердца, ни очей
Отъ твоего послѣдняго творенья
Я не могу, не въ силахъ оторвать!
О! со временъ безсмертныхъ Руставели
Не видѣли мы творчества такого!
Въ чье сердце стихъ твой молніей падетъ,
Тотъ весь объятъ восторгомъ вдохновенья,
Какъ ты, самъ ты, стиха создатель вѣщій!..
Въ немъ музыкѣ слова подчинены,
А музыка предъ мыслью преклонилась,
Летучихъ риѳмъ накрывшись опахаломъ!..
И въ плѣнъ берутъ твои созвучья душу!
Кто внемлетъ имъ—невольникъ ихъ творца:
Апостола въ немъ видитъ и пророка!..

ГОЧА.

Благодарю! благодарю, царица!..
О, нѣтъ, не мнѣ, смиренному рабу,
Такая честь! Твоей души щедротамъ
Обязанъ я высокой этой честью,
Такой хвалѣ не по заслугамъ внемлю!

Когда бы мнѣ сказали, что царица
Такимъ привѣтомъ пѣснь мою оцѣнитъ, —
Я-бъ эту вѣсть насмѣшкой злою счелъ!
Могучій левъ сравнится ли съ котенкомъ?!
Сравниться можетъ ли пѣвецъ убогій,
Дитя страны, подавленной несчастьемъ,—
Съ пѣвцомъ побѣдъ, могущества и славы,
Рожденнымъ, въ дни народнаго расцвѣта,
На ясномъ небѣ яркою звѣздой!
Той лиры звонъ былъ чуднымъ пѣньемъ рая
И отголоскомъ радости народной!
Такъ пѣть лишь могъ великій Руставели!..
Мой слабый стихъ — надгробное рыданье, —
Стенаньямъ вторитъ братьевъ угнетенныхъ...
И если звукъ веселья иногда
Слетитъ со струнъ моей печальной лиры, —
Отъ жгучихъ мукъ то — отдыхъ мимолетный,
Во мракѣ тучъ просвѣтъ небесъ лазурныхъ,
То — жизни сонъ средь мертвенной пустыни!..

ТАМАРА.

Тебя мечта отрадная уноситъ
Къ далекимъ днямъ священной старины,
И вдохновленъ ты образомъ Тамары,
Уже давно воспѣтой Руставели...
Но не равны задачи двухъ пѣвцовъ:
Вѣдь Руставели видѣлъ въ блескѣ славы,
Въ лучахъ красы воспѣтую царицу,
Благоговѣлъ предъ ней и вдохновлялся...
А ты... изъ тлѣнья творческой мечтой

Любимый призракъ тщетно вызываешь
Изъ-за сѣдыхъ столѣтій невозвратныхъ!..

ГОЧА.

О, нѣтъ, царица! такъ не говори!
Да развѣ могутъ умирать Тамары?!
Онѣ живутъ, безсмертныя навѣки,
Какъ ясный мѣсяцъ, вѣчно обновляясь!
Для нихъ мигъ смерти — новой жизни мигъ
И бытія нетлѣннаго начало!
Въ сердцахъ народныхъ — тронъ ихъ нерушимый!..
И предо мною вѣчная Тамара
Рисуется видѣньемъ лучезарнымъ —
И трепещу, охваченъ силой чудной,
Я передъ ней, святынею моей!
Въ ней чистыхъ думъ источникъ свѣтлоструйный
И бытія духовнаго заря,
Въ пути земномъ неугасимый свѣточъ,
Святой воды родникъ неистощимый!..

ТАМАРА.

Какъ странны вы, мечтатели-пѣвцы!
Не плѣнены луною восходящей,
Ища давно померкшаго заката!
На свѣтъ живой закрыли очи вы —
И предъ угасшей молитесь лампадой,
Забывъ про жизнь, за сказками гоняясь!..
Всѣхъ васъ молва народная плѣняетъ!
Какъ жаль! Вы ей привыкли вѣрить слѣпо
И прихоти обманчивыхъ созвучій
Вы сердца жизнь, вы душу отдаете!..

ГОЧА.

О, нѣтъ, царица! Еслибъ такъ все было, —
Къ добру, впередъ идти не могъ бы міръ,
Мракъ настоящаго закономъ сталъ бы
И для годовъ грядущаго крылатыхъ!
Мечты пѣвца, народныя повѣрья
Порой вѣрнѣй дѣйствительности мнимой —
И то, что́ нынѣ кажется мечтой, —
Чрезъ день, чрезъ мигъ дѣйствительностью станетъ!..
Не пѣтуха-ль, ничтожной птицы, голосъ
На правды путь апостола вернулъ?!
Такъ лиры звонъ, такъ вольный стихъ поэта
Грѣховный, тяжкій сонъ раба-народа —
Какъ вольный вѣтеръ тучу — разгоняетъ!
Не привлекаютъ истинныхъ поэтовъ
Ни зной страстей, ни золото, ни власть,
Ни красоты отравленныя чары!
Свободно бьются вѣщія сердца
И плещутъ звуки лиры неподкупной!..

ТАМАРА [съ досадой].

Я это вижу, — и твои слова
Пронзаютъ сердце мнѣ стрѣлою жгучей!
Какъ въ самолюбіи бываютъ люди
Безчувственны къ страданіямъ другихъ!..
[Въ сторону].
Нѣтъ силъ моихъ!.. Ужели онъ не видитъ?
Кчему-жь молчать?.. Лишь рабская душа
Сама съ собой и съ ближними лукавитъ!
[Поэту].

Пѣвецъ! ты видишь, я схожу съума!
Истомлена, безсильна и больна я!
И, какъ врачу, тебѣ хочу повѣдать
О нѣдугѣ мучительномъ своемъ!..
Притворство, ложь—царицы недостойны,
Но во сто кратъ позорнѣй для поэта!..
Откройся мнѣ, всю правду мнѣ скажи:
Упоренъ твой мечтамъ подвластный разумъ,—
Но чувство?.. сердце?.. Чтó творится въ сердцѣ?!..

ГОЧА.

Царица, я...

ТАМАРА.

Молчи! тамъ нѣтъ царицы,
Гдѣ властвуетъ надъ всѣмъ иная сила,
Природою вѣнчанная на царство!..
Больная ждетъ спасенья отъ врача—
И что-жь въ отвѣтъ?! Молчанье и насмѣшки!..

ГОЧА.

Царица!

ТАМАРА.

Грѣхъ тому играть словами,
Кто правды пѣснь поетъ землѣ и небу!..
Не знаешь развѣ, чтó такое сердце
Несчастной женщины, когда оно
Охвачено стихійной, жгучей страстью?!..

ГОЧА [въ сторону].

Она права! Пора!.. И я не въ силахъ
Притворства муки дольше выносить!
Все ей скажу, всѣхъ думъ завѣтныхъ тайны!
[Къ Тамарѣ].

Мнѣ жаль... Увы! желаннаго отвѣта
Ты отъ меня, царица, не услышишь!
Какъ передъ Богомъ, искренно хочу
Я исповѣдоваться передъ тобою!
О, да, царица! Знаю, чтò такое,
Чтò значитъ сердце женщины влюбленной!
Въ ней рай и адъ, добро и зло волшебнымъ
Между собою связаны звеномъ—
И нéктара живительная влага
Въ немъ слита съ желчью... съ ядомъ смертоноснымъ!
Влечетъ къ себѣ, влечетъ неотразимо
Источникъ чудный!.. Сладокъ онъ вначалѣ,
А подъ конецъ—невыносимо горекъ!
Минутнаго блаженства колыбель
И многихъ лѣтъ холодная могила!..

ТАМАРА.

О, если такъ,—зачѣмъ на звонкихъ лирахъ
Иную рѣчь ведете вы, пѣвцы?!
Неискренни ли ваши пѣснопѣнья?
Очаровать ли міръ хотите ложью,
Любовь, какъ даръ небесный, воспѣвая?!
О вѣчно-юномъ, чистомъ, свѣтломъ чувствѣ
Поете вы, приковывая слухъ
Дѣтей земли, довѣрчивыхъ и слабыхъ!..

ГОЧА.

Нѣтъ! вѣщихъ струнъ коснуться ложь не можетъ
И о другой любви онѣ рокочутъ!
Не молній страсти бѣглый огонекъ,

Не вешнихъ грозъ минутные порывы,—
То вѣчный блескъ алмазныхъ звѣздъ небесныхъ,
То вѣчный шумъ гиганта-океана!
Земная страсть доступна въ мірѣ всѣмъ!—
Лишь избраннымъ—огонь любви небесной!
Онъ избраннымъ чаруетъ взоръ духовный,—
Толпѣ-жь дано во мракѣ пресмыкаться!..

ТАМАРА.

О, поняла! Но что-жь?! не всякій развѣ
Стремиться долженъ къ этому блаженству?!
Вѣдь счастья нѣтъ, нѣтъ жизни безъ любви!
За что-жь клеймить, когда ея мы ищемъ,
Насъ приговоръ толпы несправедливой?!..

ГОЧА.

Царица!.. я-бъ хотѣлъ... и могъ отвѣтить...
Боюсь... отвѣтъ мой будетъ слишкомъ смѣлъ!.

ТАМАРА.

Нѣтъ, говори! все говори... хотя бы
Въ твоихъ рѣчахъ звучали мнѣ упреки!

ГОЧА.

Возвышенной любви не осуждаютъ!
Лишь та любовь грѣховна и позорна,
Которой въ жертву нужно крови... слёзъ...

ТАМАРА [въ волненіи].

Какъ странно!.. Часто слѣпы, близоруки
Въ простыхъ дѣлахъ бываютъ прозорливцы!
Ужель и ты, пѣвецъ, меня винишь

Въ волненіяхъ безумнаго народа?!..
Когда бушуетъ, плещетъ океанъ,
Тогда корабль—могучихъ волнъ игрушка!..
Я карталинка! Пламеннымъ потокомъ
Клокочетъ кровь въ неугомонномъ сердцѣ,—
Внимаю я однѣмъ его рѣчамъ!
Охвачена неутолимой жаждой
Любовью жить, все ей отдать на жертву,—
Металась я, въ исканьѣ изнывая,
Искала я—и все не находила!..
Виною въ томъ не я! Виной судьба,
Одна судьба! нелѣпая случайность!..
Вѣдь мотылекъ, покуда онъ не встрѣтитъ
Желаннаго прекраснаго цвѣтка,—
Не кружится-ль надъ сорною травою?!
Нѣтъ! Лишь когда тэбя я увидала,—
И умъ, и сердце разомъ закричали:
«Вотъ онъ! Его вездѣ искала ты!..»
Ты слышишь! Я твоя! Твоя навѣки!
Моя судьба въ твоихъ рукахъ, пѣвецъ!
Не только я!—въ твоихъ рукахъ все царство!
Тамары сердце кто привелъ въ смятенье,—
Тотъ можетъ дать желанный миръ народу!
Хоть безъ вѣнца,—ты властью будешь царь—
И каждое твое желанье, прихоть
Святымъ закономъ будетъ для Тамары!..
Все сказано!... О, заклинаю лирой,—
Не мучь меня! Отвѣтствуй смѣло мнѣ!..

ГОЧА.

Царица!.. я... смущенъ... я не достоинъ...
Иного ищетъ горестная лира,
Иныхъ отвѣтныхъ ждетъ она созвучій!..
На удивленье міру, на соблазнъ
Тебя создавъ, могучая природа
Ни творческихъ, волшебныхъ силъ своихъ,
Ни чуднаго искусства не щадила—
И одарила всѣмъ тебя, къ чему
Душа поэта пламенно стремится!
Предъ совершенствами твоей красы
Языкъ убогій смертнаго нѣмѣетъ!..
Мнѣ кажется, когда тебя я вижу,
Что небо, рай передо мной открыты!..
Невѣдомымъ блаженствомъ опьяненъ,
Невольно я завѣтныхъ струнъ касаюсь,
Къ твоимъ стопамъ готовъ упасть въ восторгѣ!..
Склоняю я чело благоговѣйно...
И что-жь, о ужасъ, предо мной встаетъ?!..
Я вижу кровь, потоки алой крови!
Я гибнущихъ внимаю стонъ предсмертный!
Среди братоубійственной войны
Сиротъ и вдовъ мнѣ слышатся проклятья...
Униженный, забитый, обнищалый
Народъ челомъ поникъ и глухо ропщетъ!..
Все вижу, слышу!.. Вмигъ мои мечты,
Какъ чудный сонъ, безслѣдно исчезаютъ,
Волшебный пламень мигомъ въ сердцѣ гаснетъ!
Оно кипитъ лишь ядомъ, желчью горькой—
И злобною смѣняются сатирой

Любви моей восторженные гимны!—
Я все сказалъ!.. Судить вели, царица,
Казнить меня за дерзкое признанье!..

ТАМАРА.

Пусть прошлое печально и ужасно:
Не я, повѣрь, виновна въ этихъ бѣдахъ!
Грядущее зато—въ твоихъ рукахъ!
Спаси меня!.. Мой путь, судьбу народа
Своей любви сіяньемъ озари!

ГОЧА.

Любить не можетъ сердце по приказу!
Оно другой принадлежитъ всецѣло,
Для ней трепещетъ свѣтлыми мечтами,
Для ней одной, любимой, расцвѣло!

ТАМАРА.

Такъ любишь ты кого-нибудь?!.. Кого же?!..

ГОЧА.

Тамару.

ТАМАРА.

Дочь мою?...

ГОЧА.

О, нѣтъ, царица!

ТАМАРА.

Тамару Абашидзе?!

ГОЧА.

Нѣтъ, царица!

ТАМАРА.

Молю! не медли, не терзай меня!
О, кто она?! Какая же Тамара...

ГОЧА.

Безсмертная, которая дала
Странѣ родной величіе и силу!
Которой славу лира Руставели
Въ созвучьяхъ дивныхъ міру возвѣстила!..

ТАМАРА.

Ха, ха, ха, ха! Теперь спокойна я!
Не ревновать же къ мертвымъ, въ самомъ дѣлѣ!
Но знай! Ты мой! Пѣвецъ, ты мой! Живая
Тебя живымъ Тамара не уступитъ!..

[Обнимаетъ его].

ГОЧА.

О, что̀ со мной?!.. Теряю разумъ я!..
Нѣтъ силъ!.. О, гдѣ я!.. Боже!.. Я ли это?!..

Вырывается изъ ея объятій.

Нѣтъ!.. Прочь!.. Нѣтъ!.. Стыдно истины пѣвцу
Проклятымъ чарамъ поддаваться!.. Дальше!..
Прочь отъ меня, волшебница!.. Змѣя!..
Безсильна ты!.. Ты надо мной не властна!
Ступай!.. Другимъ ты сѣти разставляй,
Другихъ тумань красою сатанинской!..
Чье прошлое запятнано проклятьемъ,
По чьей винѣ въ краю война пылала,
Шелъ родъ на родъ, съ ножемъ шелъ братъ на брата,

Все попрано,—и вѣра, и законъ,—
Для той во вѣкъ не станетъ сердце биться,
Тў—пѣснь моя позоромъ заклеймитъ!

ТАМАРА.

Все кончено!.. О!.. этотъ стыдъ ужасный!
Ужаснѣй всѣхъ страданій на землѣ!..
Погибло все!... Вновь на лицѣ змѣиномъ
Я вижу эту адскую улыбку!..
[Вдругъ вскакиваетъ и срываетъ съ себя головной уборъ—лечаку]
О, наглый рабъ! Тебя лишь испытать
Хотѣла я! Ты дерзокъ былъ, несчастный!..
Довольно!.. Эй!.. Сюда!..

[Вбѣгаютъ придворные и стража; царица указываетъ имъ на поэта; его вяжутъ; онъ въ недоумѣніи молчитъ].

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Передъ дворцомъ. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Шутъ одинъ.

ШУТЪ.

Весь этотъ міръ—огромный маскарадъ...
Кто лучше всѣхъ переодѣтъ и маской
Лицо и душу лучше скрыть съумѣетъ,—
Предъ тѣмъ толпа склоняется въ почтеньи!
Какъ различить поддѣлку, мишуру
Отъ истины святой и неизмѣнной?!
Кто край хотѣлъ отъ путъ освободить,
Тотъ самъ, увы!—томится въ заточеньи,
А я, себя унизивъ добровольно,
Ношу личину жалкаго шута,
Посмѣшищемъ служу для дармоѣдовъ,
Голодныхъ псовъ и сытыхъ ротозѣевъ!..

Да стоитъ ли все это выносить,
Когда слова утратили значенье?!..
Да, правъ поэтъ! Однажды молвилъ онъ:
«Вода нужна для омовенья тѣла,
«Чтобъ душу вымыть—требуется кровь»!..

[Вынимаетъ кинжалъ

Вотъ онъ, кинжалъ, убившій Дареджану!
Быть можетъ, намъ онъ счастье принесетъ!
Какъ мы въ бѣдѣ бываемъ суевѣрны!
Какъ зданіе ума людскаго хрупко!
Чуть грянетъ громъ — и трещины повсюду!
Сквозь нихъ, какъ паръ, выходитъ здравый смыслъ—
И вмигъ туда вползаетъ, лѣзетъ нѐчисть...
Чего тамъ нѣтъ?! Сороконожки, мухи,
Нетопыри, драконы, саламандры!..
Какъ въ головѣ, однако, мѣста много!..
Что-жь это я?! До шутокъ ли теперь?
А я смѣюсь, когда и плакать стыдно!
Впилась въ меня, какъ въ бороду репейникъ,
Проклятая привычка къ шутовству!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Шутъ и Цира.

ЦИРА.

Ждала Нико — и что же?! Кто приходитъ?!
Иль ты посмѣлъ отъ имени его
Писать мнѣ, шутъ?...

ШУТЪ.

Малютка, не смущайся
И не сердись! Не могъ я знать навѣрно,
Что ты, краса, придешь на зовъ шута, —
Къ Никò-жь, небось, пожаловала скоро!..
Но шутки бросимъ!.. Видѣть непремѣнно,
Какъ другъ, тебя я долженъ былъ сегодня...

ЦИРА.

Скажи, ко мнѣ ты присланъ кѣмъ нибудь?

ШУТЪ [показываетъ кинжалъ].

Да, вотъ кинжалъ...

ЦИРА.

Отъ Гочи?..

ШУТЪ.

Ну, конечно!

ЦИРА.

Какъ? видѣлся ты съ нимъ? Вѣдь онъ подъ строгимъ...

ШУТЪ.

На то я шутъ!.. А вотъ его письмо!!.

[Подаетъ письмо Цирѣ].

ЦИРА [читаетъ].

«Все, чтò случилось, чтò насъ ожидаетъ, —
«Разскажетъ шутъ! Послушайся его:

«Онъ другъ! во всемъ держись его совѣтовъ!..
«Спѣшите!.. Время дорого... Спѣшите!..»

[Къ Шуту].

О, говори скорѣе, что̀ случилось!..

ШУТЪ.

Гроза виситъ у насъ надъ головой!
Царица заговоръ подозрѣваетъ —
И, дочь свою виновницей считая,
Съ ней завтра же покончить приказала!

ЦИРА.

О, горе намъ!

ШУТЪ.

Не время горевать!
Самимъ пора скорѣй за дѣло браться!..

ЦИРА.

О, Боже мой!.. Такъ скоро!..

ШУТЪ.

Замолчи!
Скорѣй Нико̀ вручи кинжалъ завѣтный
И пусть...

ЦИРА.

Вѣдь онъ... погибнетъ, какъ измѣнникъ!..
Лишусь его... сгублю его сама я!..

ШУТЪ.

Иль заживо пріятнѣе терять?!..
Друзья спасти преступника съумѣютъ!
Но пусть въ живыхъ останется Тамара, —
Тогда прощай, плѣнительный Нико!..
Иль ты слѣпа?! Ты развѣ не видала,
Какъ на него глядитъ царица страстно?!
Намѣтила его и не упуститъ!..

ЦИРА.

Напрасный трудъ! Онъ любитъ лишь меня!

ШУТЪ.

У юноши измѣнчивое сердце...
А силу чаръ злодѣйки ты забыла?!
Нѣтъ! передъ ней, предъ этимъ обаяньемъ
И не юнецъ, — никто не устоитъ!..

ЦИРА.

О! я тогда... убью... убью себя!..

ШУТЪ.

Убьешь себя?.. Тѣмъ лучше, тѣмъ удобнѣй!
Излечитъ все властительное время, —
Нико тебя, любовь свою забудетъ!..
Когда въ гробу холодномъ будетъ червь
Останками твоими угощаться, —
Тебя насмѣшкой будетъ поминать
Нико, съ твоей соперницей обнявшись!..

ЦИРА.

О, замолчи! проклятая сова!

ШУТЪ.

Ага, должно быть, правда непріятна?!

ЦИРА.

Пока жива, — не уступлю его!

ШУТЪ.

Попробуй-ка не уступить царицѣ!

ЦИРА.

Въ любви сама я — властная царица!

ШУТЪ.

Царица ты?.. Такъ повели рабу,
Вели Нико исполнить долгъ кровавый!..

ЦИРА.

О, да! Но гдѣ онъ?! Какъ его увидѣть?!
Скорѣй...

ШУТЪ.

Онъ здѣсь... Онъ ждетъ неподалёку!
Я позову... И все — въ твоихъ рукахъ!..

[Уходитъ]

ЦИРА.

О, Господи! Зачѣмъ священнымъ чувствамъ
Безъ низости, безъ крови, безъ коварства

Здѣсь не дано успѣхомъ увѣнчаться?!
Кто переплелъ хлѣба съ травой ползучей,
Добро со зломъ и счастье съ преступленьемъ?!
О, Боже мой, какъ тяжко обнимать
Грѣховными, кровавыми руками!
Какъ тяжко мнѣ!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Циро и Нико.

НИКО.

Ты здѣсь, мое блаженство?!..
[Обнимаетъ ее].

ЦИРА [отталкивая его].

Прочь, дерзкій!.. Прочь! Я не давала права
Такъ оскорблять...

НИКО.

Гдѣ-жь оскорбленье, Цира?!
Люблю тебя — и ты оскорблена?!

ЦИРА.

Когда любовь... границы переходитъ...

НИКО.

Жестокая! Вѣдь я же заслужилъ...

ЦИРА.

Мою любовь?! Чѣмъ?! не игрой ли въ мячикъ?!
Иль тѣмъ, что ты придворныхъ, эту челядь,
Веселой пляской, звонкой пѣсней тѣшишь?!
Гдѣ подвиги геройскіе твои?!

НИКО.

Испытывай!.. Вели! Скажи, что дѣлать!
Я жизнью радъ пожертвовать тебѣ!..

ЦИРА.

Мнѣ сказочныхъ, безцѣльныхъ жертвъ не нужно!
За тридевять земель не попрошу я
Тебя скакать за птичьимъ молокомъ,
Иль добывать мнѣ камень самоцвѣтный,
То хитростью, то лютымъ, смертнымъ боемъ,
Изъ грозныхъ лапъ огнистаго дракона!
Ты помнишь ли героя Ласхи-Швили?!
Онъ сказочныхъ затмилъ богатырей,
Онъ славенъ, чтимъ народомъ благодарнымъ!

НИКО.

За то, что онъ царицу закололъ?!

ЦИРА.

Да, онъ убилъ царицу-людоѣдку,
Онъ поразилъ дракона — Дареджану —
И край родной онъ спасъ кинжаломъ этимъ!
[Показываетъ кинжалъ].
Его кинжалъ!.. Возьми его!.. Ты понялъ?!..

НИКО.

Ты шутишь, Цира?! Какъ?! Убить царицу?!..

ЦИРА.

Что?! жаль ее?!.. Ха, ха! Я пошутила,
Лишь испытать хотѣла я тебя!..
Такъ вотъ, Нико! Вотъ, ка́къ меня ты любишь?!
Иди же къ ней и все открой скорѣе!
Дадутъ награду!..

НИКО.

Цира! что съ тобой?
Не жалость...

ЦИРА.

Трусость!.. Ты меня не любишь!

НИКО.

О, замолчи! Я вырвалъ бы языкъ
Тому, кто мнѣ сказать посмѣлъ бы это!..
Но знать хочу я, Цира, ты не шутишь?!

ЦИРА.

Нѣтъ, мой Нико! Увы! мнѣ не до шутокъ!
Знай: безъ того, клянусь, я не твоя!

НИКО.

А если я... рѣшусь?..

ЦИРА.

О, все отдамъ я,
Любовь и жизнь!.. Всю жизнь!

НИКО.

Повелѣвай!
Веди меня, приказывай, что хочешь!
На все пойду... Но знай: при неудачѣ,
Не свидимся, быть можетъ, мы съ тобой!..
Позволь обнять тебя хоть на прощанье!
Твой поцѣлуй горячій вдохновитъ,
Дастъ силы мнѣ на подвигъ непривычный!
Георгіемъ святымъ тебѣ клянусь,
Что я...

ЦИРА.

Довольно! Не клянись! Я вѣрю!
Согласна я! мой первый поцѣлуй
Пусть вѣрности, любви залогомъ будетъ!
А если ты, какъ воръ, не сдержишь слова, —
Пусть на уста твои позоромъ ляжетъ!..

[Цѣлуются].

О, мой Нико! Желанный!.. Тсс... шаги!..

[Вырывается изъ объятій].

НИКО.

Не бойся!.. Нѣтъ! Во мракѣ торопливо
Ночная птица мимо пролетѣла...

ЦИРА.

Нѣтъ! Нѣтъ! Пойдемъ!.. и сядемъ подъ чинаръ!
Тамъ продолжать бесѣду безопаснѣй...

[Уходятъ].

СЦЕНА II.

Богато убранная спальня царицы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Царица спитъ за занавѣсью; Цира сидитъ въ углу, играетъ на чонгури и поетъ.

ЦИРА [**поетъ**].

Спи, фіалка скромная,
Роза благовонная,
Счастьемъ озаренная!
Баюшки-баю!
Міру украшеніе,
Людямъ удивленіе —
Создалъ Царь творенія
Красоту твою!
Спи, какъ безмятежные,
Спи, какъ бѣлоснѣжные
Ангелы въ раю!
Тихо ночь туманная,
Ночь благоуханная
Шепчетъ: «Спи, желанная!
Баюшки-баю!»

[**Откладываетъ въ сторону чонгури**].

Да, засыпать моя царица любитъ
Подъ звуки нѣжной, трепетной чонгури,
Перелетать на крыльяхъ райскихъ грезъ
Въ объятія крылатыхъ сновидѣній!

Покрѣпче спи! На этотъ разъ, быть можетъ,
Красавица, заснешь — и не проснешься!

[Царица просыпается; Цира снова беретъ чонгури и поетъ].

Завидуетъ пышная роза
Румянцу лица твоего,
Фіалка — стыдливости нѣжной!
Ихъ горе — твое торжество!
Ихъ сердце смятеньемъ объято
Отъ чаръ твоего аромата!..
Краса неземная, сомкни
Свои лучезарные глазки
И сномъ, что плѣнительнѣй сказки,
До яснаго утра засни!..

[Поютъ пѣтухи, она откладываетъ чонгури].

Ужь пѣтухи поютъ, а ей не спится!
Предчувствіе не гложетъ ли ее?!
Я вся дрожу!.. Мнѣ страшно стало...

ТАМАРА.

Цира!

ЦИРА.

Я здѣсь, царица!..

ТАМАРА.

Съ кѣмъ ты говорила?

ЦИРА.

Я здѣсь одна... ужь поздно... вслухъ молитву
Твержу...

ТАМАРА.

Еще мнѣ спой и уходи,
Взамѣнъ себя пришли ко мнѣ другую...

ЦИРА [поетъ].

Черныхъ локоновъ твоихъ
Пряди шелковистыя
Затмеваютъ ночь!
Взоры глазокъ огневыхъ,
Ясные, лучистые,
Гонятъ зорьку прочь.

* * *

Сонъ пока ихъ не сомкнетъ, —
Зорька не появится:
Стыдно, страшно ей!
Сонъ! врачуй истомы гнетъ!
Здѣсь моя красавица!
Сонъ, лети скорѣй!..

* * *

На рѣсницы опустись
Къ ней незримой дымкою!
Краше мѣста нѣтъ, —
Облети хоть неба высь,
Землю невидимкою,
Хоть бы цѣлый свѣтъ!

* * *

Не найдешь такой красы!
Обними же радостно

Плѣнницу свою!
Спи, краса!.. Бѣгутъ часы...
Спи спокойно, сладостно!..
Баюш...

[Лопается струна. Царица мѣрно дышетъ. Цира оставляетъ чонгури].

Хорошій признакъ! Лопнула струна!
Порвется нить ея преступной жизни!..

[Прислушивается].

Заснула!.. мѣрно дышетъ!.. Да!.. Пора!..

[Уходитъ и черезъ минуту вводитъ Нико съ кинжаломъ въ рукѣ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Цира, Нико и Тамара.

ЦИРА.

Тихонько!.. Тссс!.. Она заснула крѣпко!
Закрой же дверь! Пора, пора!.. Смотри же,
Чтобъ у тебя рука не задрожала!..
Безъ промаха! Рази ее смѣлѣй!..
Къ твоимъ ногамъ тогда паду навѣки
Я, какъ жена, любовница, раба...

НИКО.

Какъ?! Женщина безсильная желаетъ
Меня, бойца, учить владѣть кинжаломъ?!
Да еслибы я даже трусомъ былъ, —
Воспламененъ обѣщанной наградой, —
Мгновенно я въ героя обратился-бъ!..

[Идетъ на цыпочкахъ къ Тамарѣ].

ЦИРА [отходитъ въ сторону и закрываетъ лицо руками].

О, Боже мой! Какъ тяжело, какъ страшно
На человѣка руку поднимать!..
Всѣмъ сердцемъ я Тамару ненавижу,—
А слезы жалости неудержимо
Текутъ изъ глазъ! Не въ силахъ я смотрѣть
На этотъ ужасъ!..

НИКО [отдергиваетъ занавѣсъ съ постели и замираетъ въ этой позѣ].

Боже! Чтò я вижу!
Не райское-ль видѣнье съ небеси,
Не чудо ли на грѣшный міръ слетѣло?!
Да смѣетъ ли холодный ножъ коснуться
Такихъ красотъ волшебныхъ, несравненныхъ?!

[Дрожитъ и роняетъ кинжалъ].

ТАМАРА [проснувшись].

Кто здѣсь?! Никò?!.. Ты какъ вошелъ сюда?!
И какъ ты смѣлъ, несчастный?!

[Никò трепещетъ; царица продолжаетъ ласково].

Нѣтъ! Не бойся!
Простила я! Мнѣ юноши отвага
Всегда мила!.. Ты время выбралъ кстати...

НИКО.

Преступникъ я! Казнить меня вели!
Казнить меня! живьемъ зарыть въ могилу!
Я заслужилъ!.. Я прòклятъ!.. Я несчастный!

ТАМАРА.

Безумецъ мой! Ты страстью опьяненъ!..

[Хочетъ обнять его и притягиваетъ къ себѣ].

ЦИРА.

Что̀ вижу я?! Объятья, поцѣлуи?!
Обманывать?! Меня отдать ей въ жертву?!
Будь проклята, Нико̀, твоя измѣна!
Вы кровью мнѣ заплатите!..

[Выхвативъ кинжалъ, бросается къ нимъ; Нико̀ вырываетъ кинжалъ].

ТАМАРА.

Сюда!
Сюда!.. Измѣна! Рѣжутъ!.. Помогите!..

[Въ боковыя двери вбѣгаютъ Царь и нѣсколько придворныхъ].

ГЕОРГІЙ.

Что здѣсь за крикъ?! Измѣна?! Кто измѣнникъ?!

ТАМАРА.

Во время сна хотѣла эта... Цира
Убить меня, — но онъ вошелъ и спасъ!..

ЦИРА.

Царь! Лжетъ она! Къ царицѣ на свиданье
Явился онъ! Вѣдь онъ — ея любовникъ!
Ихъ опьянилъ туманъ безумной страсти:
Я тутъ была, — они и не видали!..
А сколько разъ меня онъ увѣрялъ
Священною, горячей, страшной клятвой

Что мной одной онъ и живетъ, и дышетъ!
И что-жъ?! Онъ здѣсь!.. Въ объятіяхъ царицы!..
Не въ силахъ я была снести ударъ:
Въ безумствѣ я кинжалъ тогда схватила,
Чтобъ поразить его, а не царицу!..

ГЕОРГІЙ.

Что слышу я?!.. Царица...

ПРИДВОРНЫЕ.

Оскорбленье!..

ТАМАРА [къ царю].

Казалось бы, опомниться пора!
Тутъ заговоръ, тутъ противъ насъ измѣна,
Возстаніе... и царь его не видитъ!
[Къ придворнымъ].
Я вижу, есть измѣнники средь васъ!
Пускай теперь поддерживаютъ Циру!
Ха, ха! такъ вотъ, кого вы подослали!
Такъ вотъ, кто долженъ былъ меня убить!..
Подумаешь, какая героиня!..
А за спиной моей служанки вѣрной
Кто̀ спрятался?!.. Пора бы допросить!
Другіе кто?!.. Узнать!

ГЕОРГІЙ.

Вяжите Циру!
Вы слышали?! Велѣніе царицы
Исполните и доложите намъ!
[Циру вяжутъ и уводятъ].

ДѢЙСТВІЕ IV.

Комната во дворцѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тамара одна.

ТАМАРА [**сидя у окна, берется за сердце**].

Тутъ... тутъ болитъ... болитъ невыносимо!...
Нигдѣ себѣ не нахожу покоя!..
Что это?!.. Страсть?!.. Нѣтъ!.. страсть не такова!..
Не то!.. Не то во мнѣ заговорило,
Когда въ тюрьмѣ... О! что за сила въ немъ,
Какія чары въ этомъ человѣкѣ!..
Въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, на волоскѣ отъ смерти,
По манію мизинца моего
Готовый стать ничтожной горстью пыли,—
Онъ для меня все тотъ же повелитель!..
Какъ съ высоты безоблачныхъ небесъ
Глядятъ во тьму спокойныя свѣтила,
Такъ взоръ его мнѣ въ душу проникаетъ,

Безжалостный, неотразимый взоръ!..
Ушла!.. и что-жъ?! Я вижу эти очи,
Я вижу ихъ... И этотъ исхудалый,
Измученный, но все же властный ликъ!..
А нѣжности, любви въ немъ сколько скрыто!
Мгновенно какъ преобразился онъ,
Узнавъ о томъ, что̀ Циру ожидаетъ!..
Какой мольбой затеплились глаза!
И подъ лучомъ невидимаго солнца
Гордыни ледъ слезами заструился!
О, какъ пѣвецъ упалъ къ моимъ ногамъ
И, ка̀къ дитя, залепеталъ: «Простите,
«Прости ее!..» О! этотъ голосъ!.. Боже!..

[Закрываетъ лицо руками].

Тамъ... гдѣ-то тамъ, въ душевной глубинѣ
Проснулися невѣдомыя струны...
Звенятъ онѣ... все громче... все слышнѣй!..
Какъ смѣетъ онъ?!.. Все онъ!.. Я встрепенулась
И съ хохотомъ ушла я изъ тюрьмы...
Пора!.. Нельзя!.. Нельзя мнѣ такъ... постыдно...
Да что со мной?! Съ ума схожу я, что-ли?..
Царица я, а мнѣ обиды сладки...
Я жизнь люблю, я жизнью вся дышу,
А между тѣмъ... А между тѣмъ... порою
Завидую... Кому же?!.. Той... Тамарѣ...

[Вскакиваетъ и ходитъ по комнатѣ].

Съ ума сошла!.. Да это навожденье!..
О, страшно мнѣ! я все чего-то жду...
Да, новое, таинственное что-то...
Казнить его!.. казнить — и все пройдетъ!
Все глупости! Тамарѣ не пристало

Нелѣпыхъ чувствъ быть жалкою рабыней!
Нѣтъ! я — дитя любимое судьбы
И, какъ судьба, грозна, неумолима,
Не стану я оплакивать, считать
Раздавленныхъ моею колесницей,
Свершая путь, мой путь побѣдоносный!..

[Останавливается у окна, видитъ нѣсколько человѣкъ, идущихъ во дворецъ, и отскакиваетъ въ волненіи].

Идутъ сюда!.. Я не хочу ихъ видѣть,
Я не могу... Я знаю, всѣ меня...
Я ненависть читаю въ каждомъ взглядѣ!..
Все... воздухъ... все... пропитано измѣной...
Уйду отъ нихъ!... Но отъ самой себя,
Да! отъ себя куда уйти мнѣ, Боже?!..

[Быстро удаляется].

ЯВЛЕНІЕ II.

Кутатели, Накашидзе и Шутъ.

КУТАТЕЛИ.

Ну, что̀ нашъ царь? Скажи, какія вѣсти?..

НАКАШИДЗЕ.

Не спрашивай! Глядѣть невыносимо!
Усилилось еще разлитье желчи:
Весь пожелтѣлъ, глаза поблекли странно...
Да, признаюсь, мнѣ страшно за исходъ...

КУТАТЕЛИ.

Пройдетъ! Господь поможетъ милосердый!
Вѣдь столь же плохъ бывалъ и прежде царь:
Болѣзнь сама собою проходила!..
Зачѣмъ-же намъ терять надежду?! Полно!

НАКАШИДЗЕ.

Замѣтьте! онъ вѣдь былъ совсѣмъ здоровымъ,
Какъ вдругъ... ему подноситъ секретарь
Для подписи рѣшеніе совѣта...
Вмигъ на чертахъ могучихъ, благородныхъ,
Досада, гнѣвъ, тревога отразились!
Онъ на клочки, казалось, былъ готовъ
Сейчасъ порвать проклятую бумагу!..
Но въ этотъ мигъ явилася Тамара
Во всей красѣ грѣховнаго соблазна...
Остолбенѣлъ, внезапно вздрогнулъ царь,
Волшебной силѣ словно повинуясь, —
Схватилъ печать и приложилъ къ бумагѣ!..
Покончилъ онъ съ судьбой поэта горькой,
А вмѣстѣ съ тѣмъ... и съ собственной судьбой!..
Загадочнымъ событіемъ той ночи
И этимъ всѣмъ глубоко потрясенъ,
Онъ изнемогъ! Сомнѣній жгучихъ змѣи
Чувствительное сердце обвиваютъ!
Онъ мечется, какъ безъ руля корабль!
Двойнымъ біеньемъ сердце въ немъ трепещетъ:
То вѣритъ онъ всему, не разбирая,
То никому и ничему не вѣритъ!
Онъ, какъ въ тюрьмѣ, безъ пищи и безъ сна,
Сидитъ одинъ средь роскоши пустынной —
И, признаюсь, я очень удивляюсь
Тому, что насъ онъ приказалъ позвать!
Къ чему теперь?!.. Посмотримъ, что̀-то скажетъ!

[Къ Шуту].

А ты какъ здѣсь?! Неужто и шутовъ
Уже зовутъ къ царю на совѣщанье?!

ШУТЪ.

А что же?! Да! я призванъ, какъ и вы!
Сначала вамъ болтать необходимо, —
А послѣ я повру не хуже васъ!
Ну, съ Божьей помощью, тогда, быть можетъ,
Удастся намъ состряпать что-нибудь!..
Вы сами знать изволите: чѣмъ больше
Придворныхъ явится въ совѣтъ, — тѣмъ хуже!
Тамъ головы не встрѣтишь ни одной, —
А все хвосты! Хвостовъ ужасно много —
И всякій радъ служить хвостомъ другому!
Извѣстны вамъ хвостовъ собачьихъ свойства?
Едва одинъ изъ нихъ начнетъ вилять, —
Изъ подражанья всѣ зашевелятся!
И дружно такъ, и стройно все выходитъ!
Воистину, нигдѣ, ни въ чемъ на свѣтѣ
Согласія такого не найти!
Вотъ и вчера здѣсь праведные судьи,
Сердца и головы оставивъ дома,
Хвостами лишь собачьими виляли!
Святой Георгій пусть ихъ покараетъ!
Они виляньемъ правду погубили
И сглазили, испортили царя!
Да! бѣдный царь, увы! почти помѣшанъ —
И я, какъ шутъ, по шутовскому праву
Пришелъ сюда излечивать его!..

КУТАТЕЛИ.

Для глупыхъ шутокъ время неудобно!
Объ этомъ самъ ты долженъ бы подумать!

ШУТЪ.

Подумать?! Мнѣ?! Да развѣ я придворный?!
Я — гордый шутъ! Не лѣзу въ царедворцы!
Замѣтилъ я: недаромъ говорятъ,
Что мудрецы-вельможи скоро вянутъ, —
А вотъ шуты не старѣются долго.

НАКАШИДЗЕ.

Довольно врать! Ужь очень ты развязенъ!
Ты къ дерзостямъ, пожалуй, перейдешь!
Смотри!..

ШУТЪ.

Простите! право, забываю,
Что здѣсь я, шутъ, одинъ среди придворныхъ, —
И жалкаго ягненочка слабѣй
Среди волковъ придирчивыхъ, зубастыхъ,
Имѣющихъ прекрасный аппетитъ!
Но стоитъ ли вамъ обращать вниманье
На всякій вздоръ?! Я — шутъ!.. Я — пустомеля!..
Однако... Тссс! Вы слышите?.. шаги!..
То вѣрно царь идти сюда изволитъ!..

[Всѣ отходятъ въ сторону].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Георгій.

ГЕОРГІЙ [не замѣчая никого].

Нѣтъ! такъ нельзя! Нѣтъ! Циру ослѣпить
И, все забывъ, поэта обезглавить?!
Рѣшеніемъ поторопился я!

Нѣтъ! развѣ слухъ и зрѣнье насъ не могутъ
Ввести въ обманъ?!.. Однако же... въ то время
Гуріецъ былъ въ ея опочивальнѣ!
Какъ онъ проникъ?! Кто могъ его впустить?!
Вѣдь онъ ко мнѣ явиться поспѣшилъ бы,
Когда-бъ хотѣлъ онъ заговоръ открыть!..
А можетъ быть, и Гоча... Нѣтъ! едва ли!
Онъ уличенъ! При этомъ люди были...
Но все-жь, увы! поторопился я,
Не обуздалъ я вспыхнувшаго гнѣва!..
О, какъ легко я друга оттолкнулъ,
Которому все довѣрялъ такъ долго!..
Чтò, если онъ невиненъ... я ошибся?!..
Увы! бѣда уже непоправима!..

[Оглядывается и видитъ придворныхъ].

А! вы ужь здѣсь?! Привѣтъ вамъ! съ добрымъ утромъ!
Успѣха же, побѣды пожелать
Я не рѣшаюсь: въ наше злое время
И братъ не прочь упиться братской кровью!

КУТАТЕЛИ.

Великій царь!..

ГЕОРГІЙ.

Гдѣ видишь ты царя?!
Да, былъ и я могучимъ властелиномъ:
Когда-то былъ я сильнымъ и свободнымъ—
И предо мной дрожалъ султанъ въ Стамбулѣ!..
Но съ той поры, какъ тронъ имеретинскій
Достался мнѣ,—я сталъ царемъ царей,—
Покинуло меня былое счастье

И гаснетъ слава, купленная кровью!..
Какъ нѣкогда великій Моуравъ,
И я хотѣлъ Иверію родную
Освободить отъ ига Шахъ-Абаса!
Для этой цѣли душу я сгубилъ,
Я преступилъ законъ людской и Божій—
И что-жъ? Увы! сталъ женщины рабомъ!
Могучій дубъ сталъ трепетной былинкой!..
О, горе мнѣ!

НАКАШИДЗЕ.

Могучій царь!

ГЕОРГІЙ.

Кого же
Зовешь ты такъ?!.. Живаго мертвеца!
Какой же царь, чужимъ страстямъ въ угоду,
Пожертвовалъ бы лучшими друзьями?!
О, тяжела ты, страшно тяжела,
Неправдою добытая корона!
Тебѣ нужны все новые устои!
Да, какъ столповъ, ты требуешь себѣ
Все новыхъ жертвъ и новыхъ преступленій!..

КУТАТЕЛИ.

О, государь! дозволь мнѣ возразить:
Томишься ты раскаяньемъ чрезмѣрнымъ!
Царей сердца всегда въ рукахъ у Бога!
Ты лишь скрѣпилъ народное рѣшенье!..

ГЕОРГІЙ.

Да, какъ Пилатъ, себѣ умылъ я руки,
Чтобъ самому спастись отъ нареканій!

Да, съ виду я, какъ будто, ни при чемъ!
Ха, ха, ха, ха! я бѣлъ, какъ снѣгъ нагорный!..
Но есть у насъ и внутренній законъ:
Онъ не молчитъ, онъ не даетъ покоя!..
При чемъ народъ?! Нашли кого винить!
Народъ—толпа, онъ—стадо, онъ—стихія!
Бѣда ему, когда нечестенъ пастырь!
Онъ лишь страдать умѣетъ терпѣливо,
Нежданное геройство проявлять,
Иль безъ нужды, безъ цѣли волноваться,
Какъ въ часъ грозы могучій океанъ!
Таится въ немъ загадочная сила,—
Но истину онъ рѣдко видитъ самъ:
Не видитъ онъ, порою только чуетъ,
Угадывать порою лишь умѣетъ,
Какъ въ облакахъ сокрытую звѣзду!
Нѣтъ! опытный, надежный, дальнозоркій
Вездѣ, всегда народу нуженъ вождь!
Порукой въ томъ исторіи скрижали!..
Ты помнишь ли, мой старый Накашидзе?!
И я такимъ когда-то былъ вождемъ!..
И все, какъ дымъ, исчезло, разлетѣлось!..

НАКАШИДЗЕ.

Да! помню я! Совѣтамъ старика,
Моимъ рѣчамъ внимали вы, бывало!..
О, памятью былаго заклинаю:
Опомнитесь, мужайтесь, государь!
Вся жизнь полна загадокъ и ошибокъ!
Постичь нельзя, нѣтъ силъ ихъ отразить:
То лучшихъ дней, грядущихъ дней задача!

Но вамъ нельзя, вамъ стыдно духомъ падать!
Не тосковать,—развлечься нужно вамъ!..

ШУТЪ [къ Накашидзе].

Вотъ это такъ! тащился и доѣхалъ!
Ты видишь самъ, что очередь за мною!—
[Къ царю].
Мой добрый царь, дозволь мнѣ взять чонгури
И шутовскою пѣсенкой...

ГЕОРГІЙ [горько улыбаясь].

Туда же!

НАКАШИДЗЕ [шопотомъ шуту].

Ты разсмѣшить попробуй!..

ГЕОРГІЙ.

Что за шопотъ?!

КУТАТЕЛИ.

Онъ пѣсню спѣть сбирается...

ГЕОРГІЙ.

Ну, что-жъ,
Пускай поетъ! Быть можетъ, легче станетъ!..
[Полулежа, кладетъ голову на мутаку].

ШУТЪ [играетъ на чонгури и поетъ].

Съ неба льется дождь кровавый,
Всюду запахъ мертвечины;

Тò съ землей враждуетъ небо!..
Съ неприступными горами
Поровнялися долины.

* * *

Передъ зайцами трепещутъ
Въ дикомъ ужасѣ борзые,
Предъ голубкой—соколъ ясный!
Другъ измѣнникомъ сталъ другу,
На родныхъ идутъ родные!

НАКАШИДЗЕ [вырываетъ изъ рукъ шута чонгури].

Никакъ съ ума ты спятилъ, дерзкій шутъ!

ГЕОРГІЙ [къ Накашидзе].

Оставь его! Отдай ему чонгури!

[Къ шуту].

А ты продолжи, пѣсня мнѣ по вкусу!

ШУТЪ [поетъ].

Прояснись, родное небо!
Ты воспрянь, мой соколъ ясный,
Къ облакамъ взлети высòко!
Озари, былая дружба,
Яркимъ свѣтомъ мракъ ненастный!

* * *

Посѣти пѣвца въ темницѣ!
Безъ вины изнылъ въ страданьяхъ,
Не о собственной судьбѣ онъ,—

О святыхъ надеждахъ плачетъ,
Объ увядшихъ упованьяхъ!..

Царь быстро поднимается; Накашидзе и Кутатели вскакиваютъ въ испугѣ; Шутъ роняетъ чонгури.

КУТАТЕЛИ И НАКАШИДЗЕ.

О, государь?!

ГЕОРГІЙ.

Вы слышали?!.. Понятно?!
Благодарю, благодарю, мой шутъ!
Твои слова туманъ моей печали
Разсѣяли! Прозрѣлъ я! Все мнѣ ясно!
О, что за мерзость эта лесть придворныхъ,
Ихъ осторожность робкая!.. Чума!
Чума и язва для ума и чувства,
Для правды—смерть!.. И я былъ зачумленъ!
Довольно! Вздоръ!.. Я снова вѣнценосецъ!
Не посрамлю я царской діадемы!
Сподвижниковъ дано мнѣ только двое:
Поэтъ и шутъ!—и больше никого!
Да, честный другъ, мой шутъ правдолюбивый!
Забавы соль ты съ уксусомъ досады
Смѣшалъ и сердце шуткой разжигаешь,
Печальной правдой въ яркихъ блёсткахъ смѣха!
А Гоча слезы съ желчью растворилъ
И, обмакнувъ въ нихъ струны вѣщей лиры,
Глаголомъ истины громитъ пороки!
И я отнынѣ только имъ двоимъ
Всегда, во всемъ, какъ Богу, буду вѣрить!!..
А прочіе—по низменной корысти
Иль мудрости служебной—лгутъ и льстятъ!..

КУТАТЕЛИ.

Великій царь! Обидно это слушать!..
Зачѣмъ другихъ ты забываешь слугъ,
И преданныхъ, и вѣрныхъ до могилы!?

ГЕОРГІЙ.

Да, преданныхъ, но слишкомъ осторожныхъ,
Нѣмѣющихъ предъ торжествомъ неправды!
Куда-жь они попрятались, тѣ слуги,
Когда поэтъ на казнь былъ осужденъ?!

НАКАШИДЗЕ.

Мы въ меньшинствѣ остались! Духовенство
Трусливое примкнуло къ Гепатели,
Въ отлучкѣ былъ нашъ доблестный сардарь...
Тогда съумѣлъ воспользоваться этимъ,
Какъ ловкій врагъ, извѣстный Цулукидзе:
Онъ большинство набралъ изъ негодяевъ —
И вотъ, судьба поэта рѣшена!
А потому на слугъ твоихъ невинныхъ
Не гнѣвайся, великій государь!

КУТАТЕЛИ.

Народъ смущенъ жестокимъ приговоромъ...
Волнуется...

ГЕОРГІЙ.

Царя не обвиняютъ!?

ШУТЪ.

Нѣтъ... Явно нѣтъ... Но все же... кое-что
Мнѣ довелось услышать стороною.

ГЕОРГІЙ.

Что!?

ШУТЪ.

Говорятъ, что царь на то и царь,
Чтобъ мнѣніемъ своимъ не поступаться
Предъ всякими...

ГЕОРГІЙ.

Увы! Теперь ужь поздно!
Все кончено! Приложена печать—
И царское ненарушимо слово!..

КУТАТЕЛИ.

Нѣтъ, государь! Не все еще погибло!
Вы можете рѣшенье отмѣнить,
И царскаго не нарушая слова!

ГЕОРГІЙ.

Загадка?! Ну! скорѣй же говори!
Не знаешь развѣ, что спасти поэта—
Желанье наше, страстное желанье!?...

КУТАТЕЛИ [послѣ нѣкоторой паузы].

Конечно, вамъ извѣстны, государь,
Злодѣйскіе поступки Дареджаны?
Когда она царила грозно здѣсь,
Отъ насъ, увы, Всевышній отвернулся,
Несчастный край лишилъ Онъ благодати!
То было время смутъ, крамолъ, измѣны!..

Отчизна, Богъ, и дружба, и родство—
Все попрано, все было позабыто
И, какъ теперь... Нѣтъ, я не то сказалъ...

ГЕОРГІЙ.

Да говори! Иль по ошибкѣ только
Ты правду мнѣ способенъ говорить!?

КУТАТЕЛИ.

Нѣтъ, я хотѣлъ... обмолвился... картина
Минувшаго припомнилась мнѣ вдругъ...
Такихъ временъ ни до того, ни послѣ
И не было, и наступить не можетъ!..
Предательствомъ и явнымъ преступленьемъ
Мірскія блага всякій покупалъ!
Возсѣвшее на тронѣ фарисейство
Купалося въ волнахъ народной крови,
Народными слезами умывалось!..
И каждый день бѣдою былъ чреватъ:
Смѣнялись дни, какъ будто вереницы
Тяжелыхъ тучъ, то черныхъ, то багровыхъ—
И этой тьмѣ, казалось, нѣтъ конца!..
Вдругъ... выступилъ, какъ знаменщикъ предъ войскомъ,
Пророкъ-пѣвецъ—и съ лиры неподкупной,
Какъ съ выси горъ, бушующимъ потокомъ
Низринулась властительная пѣснь!..
Ей вняло все,—и хижина, и замокъ!
И, какъ въ ночи разбуженный набатомъ,
Придавленный, униженный народъ
Глаза раскрылъ, затрепеталъ... воспрянулъ!..

Его дитя,— фанатикъ Ласхи-Швили,
Изнѣженный любимецъ Дареджаны,
Родной странѣ пожертвовалъ собой:
Глубоко въ сердце юноши запали
Слова пѣвца — и онъ кинжалъ царицѣ
Глубоко въ сердце лютое вонзилъ!
И зашумѣлъ народъ, заволновался,—
И мачихой гонимый, ослѣпленный,
Вступилъ на тронъ законный царь Багратъ.
И царь Багратъ велѣлъ призвать поэта:
— «Не только я», сказалъ онъ, «вся отчизна
«За слово правды у тебя въ долгу!
«Проси всего, всего, чего захочешь!»
— «Благодарю», царю пѣвецъ отвѣтилъ,
«Богатство, власть и почести земныя,—
«Ненужныя обузы для пѣвца,—
«Къ его блаженству столько же прибавятъ,
«Какъ нѣсколько едва замѣтныхъ капель
«Къ пучинѣ водъ безбрежной океана!
«Они скорѣй способны замутить
«Божественный источникъ вдохновенья!..» —
Но царь Багратъ съ пѣвцомъ не согласился
И молвилъ:—«Ты свободенъ отъ желаній?!..
«Но, можетъ быть, они еще придутъ
«Стучаться въ дверь, какъ путникъ запоздалый!..
«О, знай: тогда, чего бы ни спросилъ ты,—
«Исполню все! Клянуся царскимъ словомъ!..»

НАКАШИДЗЕ.

И что-жъ?

КУТАТЕЛИ.

Внезапно умеръ царь Баградъ—
И данное имъ слово...

ГЕОРГІЙ.

Понимаю!
Благодарю тебя, слуга мой вѣрный!
Твои уста — посредникъ Провидѣнья!
Законно я могу осуществить
Моей души томящее желанье!
Хвала Творцу!..

[Къ Накашидзе].

Исполни мой приказъ:
Немедленно пускай начальникъ стражи
Представитъ къ намъ преступника-поэта!
Мы допросить его желаемъ сами
И приговоръ постановить иной!..
Пусть каждый то богатство пожинаетъ,
Что̀ сѣялъ самъ съ любовію когда-то! [Накашидзе уходитъ].

[Къ Шуту].

Не правда-ль, шутъ, не долженъ ясный соколъ
Предъ нѣжною голубкой трепетать?!

ШУТЪ.

Конечно, царь! Пускай, расправивъ крылья,
Онъ улетитъ въ синѣющую высь!

ГЕОРГІЙ.

Да, милый другъ, я вижу самъ, какъ тяжко
Быть соколу совой, слѣпой совою!!..

[Къ Кутатели].

Собрать придворныхъ въ тронный залъ, въ дарбазъ!
И мы идемъ немедленно туда же!..

[Уходятъ].

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

На тронѣ сидитъ Георгій. Вокругъ него стоятъ придворные, въ томъ числѣ Кутатели и Накашидзе. Стража вводитъ Гочу; Шутъ его сопровождаетъ; всеобщее продолжительное молчаніе.

ГОЧА.

Привѣтъ вамъ!

ГЕОРГІЙ.

Подойди! ты знаешь ли,
Зачѣмъ тебя сюда мы призываемъ?!

ГОЧА.

Да, государь! должно быть...

ГЕОРГІЙ.

Кутатели!
Ты приговоръ обязанъ объявить...

ГОЧА.

О, не трудитесь! Мнѣ уже извѣстно,
Что къ смертной казни я приговоренъ
И приговоръ подписанъ государемъ...

КУТАТЕЛИ.

Да, судъ рѣшилъ — и признанъ ты виновнымъ
Предъ родиной и предъ царемъ.

ГОЧА.

Кто?!.. Я?!..
Предъ родиной?!.. Они съума сошли?!..

КУТАТЕЛИ.

Какъ? Ты свою виновность отрицаешь?!
Сама царица...

ГОЧА.

Полно! Если ты,
Какъ духовникъ, меня предъ казнью хочешь
Здѣсь исповѣдовать, — тогда уйдемъ:
Для этого уединенье нужно,
Въ свидѣтели берется только Небо!
Здѣсь не одни мы!.. Если-жь, какъ судья,
Допрашивать ты вновь меня желаешь, —
То поздно, братъ! И я, потѣхи ради,
Тутъ разсуждать съ тобою не намѣренъ!..

ГЕОРГІЙ.

Не для того призвали мы тебя!
Никто тебя къ тому не принуждаетъ!
Угодно намъ принять лишь благосклонно
Послѣднее желаніе твое!
Но выслушай сначала со вниманьемъ!
Когда мы, Божьей милостью, возсѣли,
Какъ царь царей, на тронъ имеретинскій,
То не одни права царя Баграта,—
Къ намъ перешли обязанности всѣ
Предъ родиной и каждымъ гражданиномъ
И личные всѣ счеты и дѣла.
Намъ доложилъ недавно Кутатели
О томъ, что намъ небезъизвѣстно было:
Предмѣстникъ нашъ, почившій царь Багратъ,
Тебѣ далъ слово... Знай: оно всецѣло
Къ намъ перешло — и мы его исполнимъ!
Итакъ, ты можешь требовать отъ насъ
Всего, что хочешь! Слово государя
Ненарушимо!..

КУТАТЕЛИ.

Понялъ ты, разслышалъ,
Что говоритъ нашъ милостивый царь?!

[Поэтъ молчитъ].

ШУТЪ [въ сторону].

Что съ нимъ?! Зачѣмъ не проситъ онъ свободы?..

ГЕОРГІЙ.

Ты все молчишь?! Отвѣтствуй же, проси!
Заранѣе тебѣ мы обѣщаемъ
Исполнить все, что-бъ ты ни пожелалъ!

ГОЧА.

Благодарю, великій государь!
И объ одномъ прошу: простите Циру!
Она невинна! Я ее вовлекъ
Въ нашъ общій заговоръ...

КУТАТЕЛИ [въ сторону].

Что говоритъ онъ?!

НАКАШИДЗЕ [въ сторону].

Онъ губитъ все!

ШУТЪ [въ сторону].

Съума сошелъ!

ГЕОРГІЙ.

Измѣна?!

ГОЧА.

Да, государь! Предъ всѣми признаюсь:
Я заговоръ, убійство я затѣялъ!..

ГЕОРГІЙ.

Что слышу!? Ты?! О, Боже!.. Для чего?!..

ГОЧА.

Чтобъ край спасти, народъ нашъ угнетенный!..
Не удалось, увы! Теперь пускай
Разитъ меня заслуженная кара!..

ГЕОРГІЙ [послѣ нѣкотораго молчанія].

Великъ твой грѣхъ!.. Но словомъ связанъ царь:
Свободенъ ты!.. Прощу тебѣ и это!..

ГОЧА.

Нѣтъ, государь! По данному мнѣ праву
Прошу я лишь помилованья Циры!..

ГЕОРГІЙ.

Просить ты можешь только для себя —
И лишь одну исполнить просьбу можно!

ГОЧА.

И вотъ моя единственная просьба:
Великій царь! освободите Циру!

НАКАШИДЗЕ.

А для себя...

ГОЧА.

Мнѣ нé о чемъ просить!
О, во сто кратъ мнѣ легче бы навѣки
Заснуть въ гробу, чѣмъ для добра быть мертвымъ!
Въ душѣ нѣтъ силъ, нѣтъ вѣры, гаснетъ умъ,
Разбито сердце, чувства обманули!..

На что мнѣ жизнь?! Она красна тогда лишь,
Когда себя считаетъ человѣкъ
Богатыремъ, на подвиги способнымъ!

ГЕОРГІЙ.

Повѣдай намъ, что довело тебя
До этихъ думъ, до этой жажды смерти?

ГОЧА.

Что довело?!.. О, съ юношескихъ лѣтъ
Одну надежду въ сердцѣ, какъ святыню,
Лелѣялъ я: отчизну бы увидѣть
Могучею и славной, какъ во дни
Георгія, Тамары незабвенной!
И всѣ мечты, завѣтныя надежды
Я раздѣлялъ съ друзьями дорогими:
Одинъ — былъ вождь гурійцевъ молодой!
Другой — старикъ, но духомъ вѣчно юный,
Митрополитъ, покойный Джуматели...
О, до сихъ поръ, какъ вспомню,— предъ глазами
Рисуется высокая гора;
Стоитъ на ней старинная обитель —
И въ сторонѣ, какъ будто бы на стражѣ,—
Чинаръ-гигантъ раскинулъ гордо вѣтви...
Въ тѣни его нерѣдко мы втроемъ
Сидѣли, думой горестной томимы,
И объ отчизнѣ слезы проливали...
Порою намъ казалось — недалекъ
Блаженный часъ, когда имеретины
Сберутъ подъ стягъ семью родныхъ племенъ,

Поднимутъ мечъ за братьевъ угнетенныхъ —
И налетятъ союзныя дружины
На персіянъ, какъ Божія гроза!
И, посрамленъ, бѣжитъ предъ ними въ страхѣ
Чудовищный, жестокій Шахъ-Абасъ!..
Не для того-ль могучій Гуріели
Пожертвовалъ и тѣломъ, и душой—
И осквернилъ себя преступнымъ бракомъ,
Взялъ тещу въ жены?!

ГЕОРГІЙ.

Замолчи! Довольно!
Не забывай: терпѣнью есть границы...

КУТАТЕЛИ [Гочѣ].

Зачѣмъ царя напрасно раздражать?!

ГОЧА.

Вѣдь я готовъ земную жизнь оставить!
Кого-жь бояться мнѣ, предъ кѣмъ скрываться?!
Я пользуюсь своимъ предсмертнымъ правомъ!
Въ послѣдній разъ тебя прошу я, царь,
О, выслушай меня не прерывая!
Я не хочу, я не могу молчать!
Въ моей душѣ звучитъ какой-то голосъ:
О, это вѣрно голосъ Джуматели!
Онъ тамъ, вдали... но чистый духъ его,
Я чую, здѣсь витаетъ между нами,
Къ себѣ меня немолчно призывая!
Онъ шепчетъ мнѣ: «Тому служить не стоитъ,

«Кто съ нами былъ когда-то заодно
«И сталъ, увы! теперь неузнаваемъ!..»

[Георгій хочетъ встать, но Гоча повелительнымъ взглядомъ и жестомъ удерживаетъ его].

Есть времена, когда позорно жить —
И въ смерти — жизнь, спасенье и свобода!
Пора и мнѣ всѣ счеты здѣсь покончить!
Пойду — и съ чистой совѣстью предстану
Предъ ликомъ тѣхъ, кто въ жертву все принесъ
На родины алтарь неугасимый,
А для себя и гроба не стяжалъ!
Зато въ народномъ сердцѣ ихъ могила:
Онъ помнитъ ихъ и чтитъ онъ этихъ предковъ!
Въ ихъ свѣтлый хоръ вступлю — и если тамъ,
Въ той жизни мѣсто есть печали, —
Я буду съ ними слезы проливать
За край родной, за край многострадальный!
И, какъ роса прохладная на ниву,
На Грузію тѣ слезы пусть падутъ
Небесною, живительною манной,
Невидимымъ залогомъ возрожденья!..
Я все сказалъ!.. Прощай навѣки, царь!
Ты здѣсь рабомъ на тронѣ оставайся,
А я, какъ царь, иду на встрѣчу смерти!..

[Хочетъ уходить].

ЯВЛЕНІЕ II.

Въ боковыя двери входитъ Тамара, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи Циры.

ТАМАРА.

Нѣтъ! не бывать тому! Остановите!
Поэтъ невиненъ! Знайте: это я,
Какъ женщина, его оклеветала!
Виновна я во всемъ, — и, какъ царица,
Всѣмъ подданнымъ объ этомъ объявляю!..

ВСѢ.

Царица!

КУТАТЕЛИ.

Какъ?! и съ нею Цира?!

ТАМАРА.

Да!
Она со мной покончить собиралась!
Она права!.. Не мѣсто ей въ тюрьмѣ!..

ГЕОРГІЙ.

Что слышу я?!

ТАМАРА.

Спроси, что̀ я слыхала
И что тогда въ душѣ моей творилось?!..

Я за дверьми стояла — и невольно
Все слышала, отъ слова и до слова!..
Казалось мнѣ, — разверзлись небеса
И адская зіяющая бездна!
Съ моихъ очей, безумныхъ, ослѣпленныхъ
Пороками, страстями, самомнѣньемъ, —
Упала вдругъ завѣса волшебства!
Мнѣ ясно все, мучительно понятно!..
Да, я одна, одна во всемъ виновна:
Въ скорбяхъ страны, въ безсиліи твоемъ,
Въ позорномъ снѣ могучаго народа!..
Я за всю жизнь въ тайникъ своей души
Лишь въ этотъ мигъ впервые заглянула:
О, Боже мой!.. Мнѣ жаломъ угрожая,
Во тьмѣ, въ крови тамъ гады извивались!..
Я въ ужасѣ затрепетала вся
И къ небесамъ безоблачнымъ рванулась,
На новый путь, путь славы и добра!..
Загладить все, исправить!.. Но напрасно:
Прикована! Въ тюрьмѣ я! Всталъ стѣной
Минувшаго неумолимый призракъ!..
Тѣснитъ меня, тѣснитъ и шепчетъ: «Поздно!..»
Да, кончено! Нѣтъ крыльевъ у меня, —
Нѣтъ, за собой влачу я цѣпь злодѣйства!
И кто-жь пойдетъ за мною, кто повѣритъ,
Что скорпіонъ сталъ мотылькомъ воздушнымъ,
Гіена стала львомъ великодушнымъ!..
Не мнѣ вести!.. Дай Богъ не быть преградой!
Все кончено!.. Осталось мнѣ...

ГЕОРГІЙ.

Тамара!

ТАМАРА.

Да, какъ жена, грѣшна я предъ тобой!
Предъ родиной виновна, какъ царица!
Прости мнѣ, царь! У неба и земли
Преступница прощенья слезно проситъ!

[Царица снимаетъ съ руки кольцо и открываетъ въ немъ медальонъ].

КУТАТЕЛИ.

О, Боже правый!..

ГОЧА.

Будь благословенна!
Достойна ты восторговъ, поклоненья!..

ТАМАРА.

О, если здѣсь ни ближнимъ, ни себѣ
Я во всю жизнь дать счастья не съумѣла, —
Пускай же смерть откроетъ счастья дверь!

[Принимаетъ ядъ изъ медальона кольца].

ЦИРА [бросается къ ней].

Спасите! Ядъ!.. Отрава!.. Помогите!..

ВСѢ.

Спасите!.. Ядъ!..

ГЕОРГІЙ.

Врача скорѣе!

ТАМАРА [къ Георгію].

Поздно!
Прости навѣкъ! Скорѣй воспрянь душою,
Будь тѣмъ, чѣмъ былъ и чѣмъ стремился быть!
Спаси народъ!.. Недоставало жертвы...
Вотъ жертва!.. Я... готова!.. я...

[Шатается и падаетъ].

ГЕОРГІЙ [бросается къ ней].

Тамара!

ТАМАРА [умирая].

Прости!.. Прости!.. О, Боже!.. этотъ ядъ
Быстрѣе молніи... течетъ... по жиламъ...
О!.. я горю!.. воды!.. воды мнѣ!.. Царь!
Не разлучайся... съ нимъ... съ поэтомъ!.. Слава...
Онъ... слава... наша...

[Умираетъ].

ГОЧА [бросается къ ней].

Боже мой!.. Не дышетъ!
Въ такой ли мигъ, теперь ли умирать?!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I. Думы, пѣсни, очерки, шутки.

Отдѣлъ II. Восточные мотивы.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

